ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПО

МНОГИМЪ РОССІЙСКИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ

1820.

Статскаго Совѣтника

Гавріила Геракова.

Хоть добрымъ словомъ подарите,
Я славы громкой не ищу.

ПЕТРОГРАДЪ,

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитат. Дома.

1828.

Позволено печатать,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. — С Петербургъ, 20 Іюня 1827 года.

Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ
П. Гаевскій.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЕЙ ТРУДЪ

ПОЧТЕННѢЙШЕМУ,

НѢЖНѢЙШЕМУ ПОЛУ.

Милостивыя Государыни!

Вамъ посвящаю путевыя мои записки, потому единственно, что съ юныхъ лѣтъ и донынѣ всегда удалялся сколько возможно общества мущинъ, и ежели имѣю какія-нибудь добрыя качества, маленькія свѣдѣнія, то бесѣда ваша тому причиною, и — на вопросъ, почему я предпочитаю собранія благородно-мыслящаго нѣжнаго пола? — отвѣчаю:

При нихъ нельзя въ словахъ забыться,
При нихъ не смѣю глупымъ быть;
Имъ долженъ сердцемъ покориться,
Чтобъ тѣмъ ушѣхи находить.

Нашедъ и радость и ушѣхи
Въ невинныхъ, Ангельскихъ душахъ;
Вкушать я буду безъ помѣхи
Покой и въ бѣдныхъ шалашахъ.

И такъ удостойте, прекрасныя сердцами, благосклоннаго вашего чтенія, непріуготовленные труды мои; пускай критика вооружится, я равнодушенъ къ оной; ваша единая улыбка, ваше одобреніе, и — я доволенъ и счастливъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ молодыхъ лѣтъ, веду ежедневныя записки: гдѣ былъ, что дѣлалъ, чему выучился, доволенъ ли ближними, доволенъ ли собою, въ мирѣ ли съ совѣстію своею и проч.; — въ такомъ почти видѣ представляю путевыя свои записки благосклоннымъ читателямъ, съ присовокупленіемъ къ предисловію краткой жизни Зоила.

„ Зоилъ родился въ Амфиполѣ, Ора-
„ кійскомъ городѣ; красноречіемъ за-
„ нимаясь, *сытъ былъ;* но — желая себя
„ прославить и обогатить, написалъ
„ критику на Исократовы (*) сочи-

(*) Кто не знаетъ сего славнаго витію, добродѣтельнаго Аѳинянина, друга Сократова, истиннаго сына отечества? Кончина его доказываетъ чувствительнаго человѣка; имѣя уже 98 лѣтъ, узнавъ, что Филиппъ, Царь Македонскій, разбилъ Аѳинянъ при Херонеѣ, съ печали на четвертый день скончался, за 338 лѣтъ до Р. Х.

„ненія и на безсмертныя творенія
„Омировы, называя себя бичемъ ихъ.
„За 270 лѣтъ до Р. Х. изъ Македо-
„ніи прибывъ въ Александрію, по-
„казывалъ свою критику на Иліаду
„всѣмъ, наконецъ поднесъ оную Пто-
„ломею, прося за оную награды; ибо
„умиралъ съ голоду. Птоломей, при-
„нявъ съ неудовольствіемъ, велѣлъ
„сказать ему: Омиръ, умершій за
„1,000 лѣтъ, кормилъ и кормитъ
„многія тысячи людей; Зоилъ же,
„хвалясь, что болѣе имѣетъ досто-
„инствъ Омира, пустъ прокормитъ
„хотя самаго себя. — Исторія го-
„воритъ, что сей сатирикъ-кри-
„тикъ имѣлъ бѣдственную кончину:
„одни пишутъ, что Птоломей ве-
„лѣлъ его распять; другіе увѣряютъ,
„что онъ побитъ каменьями; тре-
„тьи утверждаютъ, что въ Смирнѣ
„сожженъ живой.“ — Зоилы нашихъ временъ! бойтесь участи собрата своего.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПО РОССІИ.

1820.

Іюня 2-го числа.

Пелопонисъ родина отца моего, Конспантинополь колыбель мащери моей, а я родясь 1775 года въ Москвѣ, въ пеленахъ привезенъ въ С. Пешербургъ, до семи лѣтъ находился въ родительскомъ домѣ, въ сіи юныя лѣта лишась отца, по Высочайшему указу съ старшимъ братомъ опредѣленъ въ бывшій Греческій корпусъ, кадетомъ, гдѣ и воспитанъ щедротами Великой Екатерины II, подъ надзоромъ единственно *Рускаго Дворянства*; по волѣ Ея, служилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Балтійскомъ флотѣ, на кораблѣ Максимѣ Исповѣдникѣ, и съ 1790 года до 45 лѣтъ возраста ни шагу изъ Петрова Града, занимаясь образованіемъ себя и другихъ, попеченіемъ о кровныхъ, службою военною, ученою и гражданскою. 1820 года прозьбы и прозь-

бы молодаго Рускаго Дворянина Г. В. Д., убѣжденія многихъ, рѣшили меня согласиться, оставить спокойствіе единообразной жизни, забыть привычки свои и пуститься въ дальное путешествіе по Россіи; тѣмъ болѣе я долженъ былъ согласиться, что хорошо воспитанный молодой человѣкъ, въ обязанность поставилъ себѣ, покоить, лелеять меня во всю дорогу. И такъ съ упованіемъ на Бога, сопровождаемый благословеніями родившей меня восмидесятилѣтней, почтеннѣйшей изъ женщинъ и всѣхъ честныхъ людей обоего пола, оставя друзей и пріятелей, выѣхалъ 2-го Іюня 1820 въ шесть часовъ утра изъ прекраснѣйшаго города, столицы благословеннаго Государя великаго народа. Какой-то тяжелый камень лежалъ на груди моей, и какое-то мрачное молчаніе не прерывалось до второй станціи *Мурзинки* по Шлиссельбургской дорогѣ; лошади мчали, коляска катилась быстро, пыль носилась за нами, ямщикъ, хотя и молодецъ, оплошалъ, наѣхалъ на перилы, коляска на боку, тащится . . . мигъ, всѣ полетѣли, охаютъ, — вскочили; я будто пробудился отъ объявшей меня думы; товарищъ мой ушибся до крови выше виска. Богъ сохранилъ его, какъ и всѣхъ насъ; егерь

съ козелъ съ кучеромъ больнѣе спрадали вашъ покорный слуга, подобно душинькѣ, грудью упалъ на большой клокъ сѣна, однако лѣвая рука, съ мѣсяцъ была синевата; хлопотня поднять коляску, которая отъ сильнаго удару нѣсколько подалась въ лѣво; крестьяне сбѣжались; я стоя на новомъ роковомъ мосту, облокотясь обѣими руками о перилы, думалъ про себя: что тебѣ сдѣлалось, для чего ты поѣхалъ, что за прихоти, видѣть другихъ и себя показать? и когда? въ сорокъ пять лѣтъ безъ выѣзду, имѣя только книжное понятіе о почтовой ѣздѣ, о дорогахъ; не воротишься ли! вѣдь до Тифлиса далеко! Такъ думая покраснѣлъ. Какъ! кто-то шепнулъ мнѣ на ухо, ты написавшій *твердость духа Русскихъ*, не имѣешь самъ, столько твердости, чтобъ объѣхать часть Россіи! Имѣю, отвѣчалъ самъ себѣ. Между тѣмъ, добрыми крестьянами коляска подняша, сѣли и поѣхали; въ часъ по полуночи были уже въ Шлиссельбургѣ. Продолжая ѣзду по берегу Ладожскаго канала, благоговѣя вспомнилъ Петра Великаго, который симъ каналомъ много душъ сохранилъ и сохраняетъ; прежде Ладожское Озеро много поглощало, людей и грузу. Правдою руководясь, долженъ сказать: что дороги

одна другой хуже, мосты еще дурнѣе, ямщики молодцы, лошади хороши. Уверждаютъ что весь каналъ наполненъ барками съ грузомъ, и вообще одна опъ другой въ пяти или шести саженяхъ, а не трогаются: что сему причиною? вода ли? люди ли? или что другое? не мое дѣло допытываться.

3-го Іюня въ семь часовъ по полудни, по ужасно дурной дорогѣ, съ дождемъ, доѣхали до Тихвина, и по словамъ предъидущаго смотрителя почтъ, пристали въ монастырѣ. Не должно внимать, большею частію расказамъ смотрителей: часто путешественникъ не то находитъ, о чемъ ему говорили. Приказавъ своему повару приготовить обѣдъ, пошли въ церковь, отпѣли съ должною чинностію благодарственный молебенъ о сохраненіи родившихъ насъ, друзей и пріятелей.

Что сказать о Монастырѣ? богатъ и хорошъ, особенно церковь. Архимандрита не заспали, — изъ Монаховъ одинъ благообразный Мартирій, который спавилъ свѣчи, и продалъ по прошенію нашему, описаніе Тихвинской Богоматери, обращилъ мое вниманіе: и глаголъ и поступь и скромность, все показываетъ отшельника, принявшаго душею въ живѣ Ан-

гельскій образъ; по распросамъ моимъ, отвѣчали всѣ Монахи: Маршрій примѣръ благонравія, только и знаетъ келью свою и церковь; въ десять лѣтъ до воротъ монастырскихъ не доходилъ; пожелавъ благочестивому иноку здравія и твердости, вошли въ церковь женскаго Монастыря, и видѣли истинное благочиніе; — показывали ризницу, хороша, и все въ отличномъ порядкѣ. Монахини одна другой скромнѣе, разговоръ кроткой, умный и душѣ пріятный; съ благодарностію вышли прося изъявить наше почтеніе больной Игуменьѣ, которую передъ пріѣздомъ нашимъ соборовали; она ждетъ смерти, какъ послѣдней отрады отличной жизни своей: такъ о ней всѣ относились.

Въ Тихвинскомъ женскомъ Монастырѣ, въ особомъ отдѣленіи, стоитъ богатая гробница, съ тѣломъ Царицы Даріи Алексѣевны, Супруги Царя Іоанна Васильевича Грознаго и племянницы ея Леониды Александровны Княжны Долгорукой.

Въ 8-мъ часовъ, обѣдали и ужинали все почти свое; но за сѣно, ночлегъ, хлѣбъ и сливки, заплатили очень дорого.

4-го Іюня рано выѣхали изъ Тихвина; три станціи, ужаснѣйшая дорога и преплохіе мосты; да не приведетъ Богъ ѣхать

ни одному доброму человѣку, развѣ злымъ за наказаніе. Но матеріалы уже заготовлены.

Слобода Соминская прекрасна; на рѣкѣ Соминѣ видно, что жители торговцы, чистоты вообще; а женщины живы, не дурны и привѣтливы, ни одной шляпки, ни чепчика.

5-го Іюня, въ ѣздѣ, только останавливались въ *Устюгѣ*, въ дурномъ трактирѣ обѣдали, за то дорого заплатили; — опрятство и здѣсь замѣнилъ особенно въ женскомъ полѣ.

6-го Іюня, Воскресенье, въ десять часовъ въ *Мологѣ*. Все дышетъ Рускимъ: идутъ къ обѣдни въ нарядахъ, нарядахъ Рускихъ: опять какъ не сказать, нѣжный полъ былъ румянъ, прекрасенъ. Перемѣня лошадей, пустились, и въ Рыбинскѣ. Любезностію передоваго, остановились не въ частномъ домѣ, а въ Рускомъ трактирѣ, гдѣ при всемъ нашемъ, исключая сперлядки крошечной и дурной бошвиньи, ужаснѣйшій счетъ данъ и заплаченъ; точно по Парижски, не берутъ а дерутъ. Рыбинскъ городъ живой: все кипитъ, говоритъ, разсуждаетъ, иначе быть нельзя, судовъ множество, и вотъ кормилица С. Петербурга. Въ даль не вхожу, а чинов-

ники живутъ и хорошо и гостепріимны; шутъ ужъ видны и шляпки и турецкія шали, и прочіе наряды. По улицамъ, иныя ходятъ, другія гуляютъ, въ кружку споятъ, прохожихъ оглядываютъ, замѣтя новое лицо, поклонятся: *еще грубость иноземная не достигла сего города*, слава Богу.

Голова Рыбинска, купецъ Поповъ, богаче всѣхъ, умнѣе и скромнѣе, по сердцу пришелъ мнѣ, весело учинься не у надутаго, каковы большею частію иноземные просвѣтители, только пыль въ глаза бросаютъ. Поповъ на мои слова, что при богатствѣ города стыдно видѣть деревянную набережную, отвѣчалъ: естьли бы Государь Императоръ приказалъ брать по денежкѣ съ куля привознаго, то въ самой скорости, вся набережная была бы каменная; однако городъ имѣетъ прекрасныя церкви, биржу, и болѣе ста пятидесяти каменныхъ домовъ; устлавъ, сѣли и поѣхали. Дорогою пили кофій въ четвертомъ часу утра, у смотрителей почтъ. Иные живутъ чисто, и можно кое-что достать, а иные, — войти нельзя.

7-го Іюня, чрезъ Ярославль и Ростовъ пріѣхали въ три часа по полудни въ деревню товарища моего, Богородиц-

кое. — Нѣтъ словъ описать радости крестьянъ, увидя своего барина въ первой разъ, и нѣтъ словъ пересказать, видя чистоту мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и дѣтей, счастіе и довольство на лицѣ у всѣхъ; какъ весело встрѣчать въ низкой долѣ прямое веселіе и должную признательность къ своему доброму помѣщику. Вошедъ въ барской домъ, въ которомъ Зо лѣтъ никто не жилъ, а все въ порядкѣ, можно замѣтить что тутъ живали Бояре: какія алеи, пруды, сады, богатство крестьянъ! Все возвѣщаетъ хорошее управленіе. Послѣ многихъ посѣщеній, хлѣба и соли и душевныхъ разговоровъ, въ девятомъ часу обѣдали, и вскорѣ утомленные предались сладкому сну, въ замкѣ огромномъ, гдѣ придцать лѣтъ ни кто не ночевалъ; *слѣшно*, однако я пересмотрѣлъ двери, замки, хорошенько притворилъ; осторожность вездѣ нужна, хотя среди добрыхъ поселянъ.

8-го Іюня. Шестисуточная ѣзда, молніи, громъ, проливные дожди, холодъ, не причинили новичку, мнѣ, ни какого вреда; маленькой флюсъ, насморкъ, при выѣздѣ изъ С. Петербурга; теперь здоровъ. Были у обѣдни; послѣ которой молебенъ, Священникъ молодой человѣкъ,

читалъ проповѣдь о повиновеніи Начальствву и урокъ Господину; дай Богъ, чтобъ и въ сполицахъ такъ говорили. Объѣзжали другія деревни, принадлежащія моему товарищу, и слезы радости встрѣчали и провожали. Баня Руская горячая и купанье, обѣдъ и почлегъ въ селѣ же Богородицкомъ.

9-го Іюня. Деревни собрались; пѣсни, пляски выпроводили насъ двѣнадцать верстъ, какъ будто въ торжествѣ; въ 8-мъ часовъ по полудни остановились въ Ярославлѣ у купца Ѳедора Аѳанасьевича Москопильникова; человѣкъ умный, лѣтъ 75-ти, былъ нѣсколько разъ Городскимъ головою. Въ 10-тъ часовъ прислалъ просить къ себѣ Губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ; онъ такъ же гостепріимный, какъ и въ сполицѣ; имъ и супругою его Анною Ѳеодоровною, прелестною по душѣ и наружности, не могу нахвалишься; часъ времени побесѣдовавъ, возвратился къ своему товарищу, и воздавъ благодареніе Богу, бросился на свѣжее сѣно, заснулъ.

10-го Іюня. Въ седьмомъ часу, пошли ходить по городу: очень чисто и хорошо съ мостовою; сорокъ четыре цер-

кви каменныя, одна другой лучше, (*) въ спарицномъ вкусѣ, что и придаетъ величіе, особенно, что снутри и снаружи съ верху до низу разрисованы. Я заходилъ къ споящему здѣсь Дивизіонному Генералу Н. М. Сипягину, которой годъ тому назадъ сдѣлалъ мнѣ услугу, да и кому онъ не радъ дѣлать пріятности? Въ 12 часовъ, по приглашенію Москопильникова, въ его древней покойной колескѣ, вмѣстѣ съ нимъ были въ сумасшедшемъ домѣ. Какъ больно, видѣть себѣ подобныхъ, въ такомъ жалкомъ положеніи, но должно посѣщать сіи домы, дабы смиряться. Кто изъ смертныхъ можетъ сказать, что чрезъ часъ, и менѣе, не постигнетъ его сіе горестное несчастіе? Тутъ одна дѣвица оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Болѣе четверти часа, я смотрѣлъ на нее: шѣло и глаза какъ бы оцѣпенѣли, горесть и равнодушіе видны на блѣдномъ правильномъ лицѣ ея; другіе и другія смѣялись, будто счастливые: какое ужасное счастіе! Отворотился, чтобъ утерть слезы; въ цѣпяхъ, не хотѣлъ видѣть. Боже сохрани и помилуй! лучше дай смерть, нежели лишиться ума, се

(*) А по словамъ жителей Яр славля болѣе шестидесяти церквей, большихъ и малыхъ.

единый неоцѣненный даръ Творца, чѣмъ человѣкъ различаетъ зло отъ добра. Были въ больницахъ, въ рабочемъ домѣ; вездѣ чисто и хорошо, но въ домѣ незаконорожденныхъ чрезвычайно чисто и опрятно, и дѣти здоровы, сколькихъ видѣлъ. Въ часъ дома, писали письма. Обѣдали у Губернатора и вмѣстѣ съ нимъ въ Сиротскомъ домѣ, учрежденномъ покойнымъ Мельгуновымъ, возобновленномъ и въ возможный порядокъ приведенномъ бывшимъ Губернаторомъ Полиѣковскимъ, какъ говорилъ Ал. Мих. Безобразовъ; шутъ воспитанники читали свои сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Прилагаю одну басню, сочиненную пятнадцати-лѣтнимъ воспитанникомъ *Павломъ Анпиѣевымъ*.

УЧЕНЫЙ ВОЛКЪ.

Когда развратъ звѣрей противенъ Зевсу сталъ,
То онъ за то на нихъ смерть съ голодомъ послалъ.
Тогда и Левъ и Барсъ съ поникшею главою
Внимали съ ужасомъ болѣзненному вою,
На силу ноги волкъ отъ голоду шаскалъ
И нищею себя онъ больше не ласкалъ.
Чѣмъ буду, думалъ онъ питаться
За что могу теперь приняться?
Нѣтъ силъ ловить овецъ,
Пришолъ знать мой конецъ!
Въ бѣдѣ такой весь умъ волкъ собралъ свой,

Придумалъ и — прибрелъ кой-какъ къ жрецу смиренно
И съ постной рожею просить сталъ умиленно.
Возмись, святой отецъ, добру меня учить,
Злымъ хищникомъ ужъ мнѣ противно стало жить.
Да сердца и ума благое просвѣщенье
Отклонятъ отъ меня небесъ правдивыхъ мщенье,
Хочу я истину какъ добрымъ быть узнать
И болѣе впередъ грѣшить не начинать.
Жрецъ добрый удивился
Что волкъ перемѣнился,
И такъ не мѣшкавши его до сыта накормилъ
И съ радостью потомъ за книгу посадилъ;
Разинувъ волчью пасть завылъ *а, а!* нашъ волкъ.
Жрецъ радъ былъ, видя толкъ;
Другую букву задаетъ.
Трудится волкъ; кривляетъ ротъ,
Потъ градомъ съ волка льется
Но *бе*, подъ ладъ ему ни мало не дается,
Однакожъ бился, бился
И *бе*, произносить онъ твердо научился,
И повторять ее безъ затрудненья могъ,
Жрецъ дальше, а злодѣй со всѣхъ скорѣе ногъ
Въ лѣсъ лыжи навострилъ и въ ремесло пустился
Въ кустахъ близь ручейка покойно поселился,
И тамъ богато жилъ
И безъ труда овецъ душилъ.
Лишь только свой урокъ *бе бе*, онъ протвердитъ
Тотъ часъ барашекъ и бѣжитъ,
Хотя ученіе и трудно волку было
За то ужь жирненькой кусочикъ приносило.
Но чтожъ, такая жизнь не долго продолжилась
И хитрость на бѣду ученаго открылась;

Губителя овецъ поймали
И тотъ часъ кожу сняли.
Изъ басни сей намъ видѣть должно
Что зло подъ именемъ добра, хотъ скрыть и можно,
Однакоже оно не долго продолжится
И истина должна открыться.

Изъ Сиротскаго дому повезъ благосклонный Губернаторъ въ Губернское Правленіе: внутренность очень хорошо расположена, *трудами бывшаго Губернатора.* Были въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, прекрасно; въ Демидовскомъ училищѣ вышнихъ наукъ, Профессора кажется хороши. Начальникъ Виленскій, Профессоръ древности Ханенко, болѣе прочихъ мнѣ понравились. Въ женскомъ Монастырѣ, гдѣ Игуменья строитъ прекрасную ограду. Въ Спасскомъ Монастырѣ, гдѣ Архимандритъ Неофитъ съ просвѣщеніемъ, живаго характера; библіотека порядочная, *рукописи довольно хороши*, Иліада и Виргилій, старинной печати. Въ Соборахъ, Успенскомъ, Константиновскомъ и другихъ; вездѣ древность живописи, богатство останавливаетъ, каждый скажетъ: прекрасно, прекрасно. Принеся благодарность отличному Губернатору за все, пустились въ одиннадцать часовъ *вечера въ Костому.*

11-го Іюня, при станціи, очень хороши дороги; не доѣзжая Костромы, по моему настоянію заѣхали въ Ипатской Монастырь, видѣли Храмъ Божій, хорошъ и все древнее прекрасно, но въ какомъ я былъ изумленіи, когда пожелавъ видѣть теремъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова и матери его Марѳы Ѳеодоровны, куда по назначенію великаго человѣка Сусанина, скрылись родоначальники Романовыхъ, нашелъ, что стѣны покоевъ, исписанныхъ историческими картинами: избраніе на Всероссійскій престолъ Романова, забѣлены. Въѣхали въ Кострому въ 7 часовъ утра. Почтмейстеръ Де — въ, знакомый мнѣ по Петербургу и по женѣ своей, пригласилъ къ себѣ; дождь лилъ проливной, однако въ его каретѣ съ нимъ объѣхали и осмотрѣли Соборы и Монастыри. Успенскій Соборъ очень хорошъ въ древнемъ вкусѣ. Воскресенскій Монастырь на Дебрѣ, Богоявленскій — прекрасный и отпечатокъ Рускаго народа къ Богопочитанію и щедротѣ; почтенная древность и богатство. Убѣжденные остались обѣдать у гостепріимныхъ хозяевъ, очень доволенъ, — тутъ увидѣлся съ давнишнимъ пріятелемъ Г. В. Нелидовымъ, Предсѣдателемъ Уголовной Палаты;

его хвалятъ за благородство чувствъ и дѣяній. Городъ Кострома далеко отсталъ отъ Ярославля по всѣмъ отношеніямъ: и весьма грязно, и строенія не Ярославскія. Въ три часа пополудни, по благодаря Де — хъ, пустились въ дорогу. Хотя и люблю величественную природу, но отъ Костромы до города Кинешмы 84 версты безъ отдыха, молніи, громъ ужасный, дождь и градъ, сопровождая насъ, родили во мнѣ неудовольствіе; къ симъ непріятностямъ, дороги недодѣланныя, и большею частію дурны, горы, рытвины, стремнины, паромы дурнѣйшіе, и мы по грязи глинистой должны много версть прогуливаться — едва, едва достигли Кинешмы. Бѣдность вездѣ выказываетъ свое чело; вошедъ въ чернѣйшую избу изъ лучшихъ, мылись и пили кофій, со множествомъ разнородныхъ гадинъ и насѣкомыхъ, шутъ я самъ сбиралъ градъ, болѣе голубинаго яйца; два пастуха были ранены и нѣсколько овецъ побито.

До Юрьевца-Повольскаго дорога прекрасная, время очень хорошо, солнце возсіяло.

12-го. Пріѣхавъ въ Юрьевецъ-Повольской, остановились подлѣ почты, у Мѣщанина Шапошникова, чисто живущаго,

передъ обѣдомъ, были въ Соборѣ Входъ въ Іерусалимъ, или Спасовходскій и Успенскій. Говорятъ, что Великій Князь Юрій Всеволодовичь выстроилъ сей Соборъ. Городъ плохъ, и что страннѣе, по словамъ Шапошникова, жителей 551, а домовъ 599. Въ девять часовъ вечера, по изрядной дорогѣ, исключая размытія отъ дождей и горъ, пріѣхали въ село Лукинское; три раза должны были по грязи итти пѣшкомъ. Въ сіе время рѣчка Ячмень отъ дождей не токмо разлилась, но такъ вздурилась, что прорвала плотину, сдѣлавъ мужикамъ убытку тысячи на двѣ; паромъ унесенъ былъ въ Волгу; сія послѣдняя прекрасна во всемъ теченіи своемъ. Много споровъ: товарищъ мой, по пылкости своей, хотѣлъ переѣхать бурливую Ячмень; я не соглашался, представляя смерть Князя Аркадія Александровича Суворова, который не хотѣлъ нѣсколько часовъ подождать, лишился въ Римникѣ жизни, и тѣмъ лишилъ отечество отличнаго Генерала. При томъ мужики, собравшіеся около насъ, будто про себя говорили: утро вечера мудренѣе. — Эти слова подѣйствовали; мы остались; въ чистой избѣ у ямщика Василія Смирнова, ужинали и со множест-

вомъ мухъ спали, — ну ужъ сонъ! мужики смышлены.

13-го Іюня. — Напившись кофею, переѣхали на лодкѣ чрезъ Ячмень, коляска и бричка, рѣчкою не глубоко. Двѣ спанціи дорога хороша, нѣсколько горъ, особенно первая круча — пѣшкомъ перешли, погода прекрасна; въ одиннадцать часовъ укрѣпились яичницею и поѣхали въ Нижній-Новгородъ, изъ деревни Гунмища К. Урусова; она хороша, крестьяне и крестьянки чисты. Это доказываетъ, что помѣщикъ честной человѣкъ; я его не знаю, но довольство ввѣренныхъ ему заставляетъ любить его. Въ половинѣ осьмаго по полудни, пріѣхали въ Нижній-Новгородъ чрезъ паромъ. Видъ отъ рѣки Оки — прелестенъ; по горѣ, — уступами домы, домики, лачужки; для новой ярмонки, строеніе по виду хорошо, еще строится. Тутъ на ярмонку стекаются до двухъ-сотъ тысячъ человѣкъ, съ 20 Іюля до 20 Августа. Кто Россіянинъ и не знаетъ, что 32 губерніи соединяются Волгою? При семъ могъ бы я написать двадцать страницъ Исторію ярмонки; но выписки изъ книгъ не дѣлаю, какъ многіе путешествуютъ по книгамъ, и слѣпо вѣрятъ онымъ. Остановились на Покровской улицѣ, недалеко

отъ Губернатора, въ домѣ купца Булошникова. Передъ окнами, какъ меня увѣряли, та площадь, гдѣ 1612 года, Козма Мининъ Сухорукой уговорилъ согражданъ ополчиться противъ Поляковъ, стать въ ряды, — подъ знамена К. Пожарскаго. Смотря изъ окна на площадь, вдоль улицы, гдѣ довольно людей гуляло, предался думѣ о минувшихъ временахъ, воспоминалъ свою юность, когда и ночи просиживалъ надъ книгами, чтобъ отыскать, вырыть такъ сказать полезное, и передать современникамъ; слабымъ перомъ начерталъ дѣла К. Пожарскаго и Минина, достигъ своей цѣли, возбудивъ нашего Русскаго Фидіаса, Марпоса, приняться за рѣзецъ, — и мы увидѣли, по волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по желанію Русскихъ, памятникъ воздвигнутый въ Москвѣ, симъ великимъ Мужамъ. Душа моя торжествуетъ! Разговоры съ Полицмейстеромъ Смирновымъ, пылкимъ и гостепріимнымъ, ужинъ и сонъ разсѣяли мою думу.

14-го. Утромъ увидѣлся я со старымъ знакомымъ, нынѣшнимъ Губернаторомъ, Александромъ Семеновичемъ Крюковымъ, вѣжливымъ человѣкомъ. До обѣда, вмѣстѣ съ Смирновымъ были въ Соборѣ: — хорошъ;

поклонились гробницѣ безсмертнаго Мининa; не бывъ сентименшальнымъ, подвиги Минина приказали слезамъ выкашиться изъ глазъ моихъ — и се жертва великому человѣку. Были въ другихъ церквахъ, всѣ хороши; но Ярославскія богаче, а Костромскія лучше. Объѣхали почти весь городъ: видно, что торговый; но не только красавицы не встрѣтили, даже милой; можетъ быть на нашу бѣду, или на-наше счастіе, хорошенькія попрятались. Въ два часа съ половиною, прошенные обѣдали у Губернатора; супруга его, изъ Англичанокъ, шѣмъ больше почтеннѣе для меня, что говоритъ по - Русски, какъ Русская; обѣдъ славный по всѣмъ отношеніямъ, и бесѣда порядочная; съ балкона, глазъ видитъ лучшее мѣстоположеніе. Присутственныя мѣста давно сгорѣли; обывателей считаютъ до 15 тысячъ человѣкъ. Семинарія, говорятъ, хороша; времени не было самимъ посудить. Гуляли, были въ церкви Рождества Богомашери; построена Демидовымъ, при Петрѣ Великомъ; служенія не было, по словамъ Священника, съ 1722 до 1725; что за причина? не даромъ; ибо Петръ I все дѣлалъ съ умомъ. Тутъ видѣлъ, писанныя Евангелія, образа письма отличнаго, и все прекрасно. Ве-

черъ, и я дома, въ пріятныхъ разговорахъ, съ добрымъ и любезнымъ товарищемъ.

15-го Іюня. — Насъ посѣтили многіе, и Прокуроръ, котораго хвалятъ, Николаевъ, принесъ мнѣ рукопись о Нижнемъ-Новгородѣ; въ оной ничего новаго не нашелъ; однако очень благодаренъ за учтивость. До двухъ часовъ дома; званые Смирновымъ, коего зналъ Офицеромъ въ Преображенскомъ полку, обѣдали хорошо, и чувствительны за ласки. Ходили по городу и первой разъ видѣли нѣсколько дамъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, въ два дни я узналъ и то, и другое; кто говоритъ тотъ и правъ, Богъ да помиритъ всѣхъ. Лелевыхъ (Амурныхъ) дѣлъ мало извѣстныхъ, за то у насъ хоть не слушай. Помолясь, заснулъ крѣпко.

16-го. Утромъ слушали обѣдню въ дѣвичьемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, гдѣ болѣе восьмидесяти монахинь и бѣлицъ; службу совершалъ Священникъ очень хорошо; на крылосахъ монахини и бѣлицы пѣли изрядно; все вмѣстѣ благоговѣніе внушаетъ; приглашены къ Игуменьѣ, (Доровея Михайловна Маршынова замужемъ была за Новиковымъ). Въ монастырѣ нельзя не замѣтить чистоту, чинность, красоту, умъ Игуменьи, просто-

пу глагола. Обѣдали у Губернатора, были въ Ланкастерской школѣ: порядочно. Вице-Губернаторъ Д. С. С. Моллеръ, показывалъ намъ вино въ подвалахъ; отлично хорошо поставлено; желательно бъ было, чтобъ вездѣ былъ такой порядокъ. Въ Театрѣ играли Богатонова, дворовые люди Князя Николая Григорьевича Шаховскаго, очень изрядно, особенно актрисы. Простясь со всѣми, приготовились къ отъѣзду.

17-го Іюня. — Дорога не совсѣмъ дурна; до Василя двѣ версты; розы дикія, благовоніемъ своимъ пріятны обонянію и зрѣнію, — жаль, что церковь давно строится и къ концу не доходитъ.

18-го. Въ дорогѣ. Отъ Чебоксара до самой Казани, дороги большею частію дурны; но я замѣтилъ, что деревья садятъ передъ рвами, а не за рвами; это спасаетъ отъ несчастія, при темнотѣ ночей, при дождяхъ и разливахъ. Только одинъ паромъ проѣхали въ Казанской Губерніи, и тотъ дурнѣйшій. Ямщики отъ С. Петербурга всѣ хороши. Отъ Эмангаша везли насъ *Черемисы*: хотя бѣдные, но управляютъ хорошо; жены ихъ очень дурны; потомъ *Чуваши*, не хуже, и жены ихъ не красивѣе; отъ Чебоксара Русаки

везли, отличные молодцы, а дорога самая несносная. — Шестнадцать верстъ до Казани, дорога гладкая, хорошая, но ямщики *Татары;* чуть - чуть не были опрокинуты; я выходилъ, и по глинистой, грязной землѣ подъ дождемъ верстъ восемь шелъ пѣшкомъ, чтобъ сберечь себя, взъѣзжая на гору, а лошади назадъ во всю лошадиную прыть; Богъ помогъ, мы выскочили и — живы! У товарища моего хотя нога болѣла, но у страха глаза велики, забудешь и боль. Вообще дороги до Казани отъ Василя - Сурска гористы, мосты довольно хороши; сутки не обѣдали, а ѣли много. Въ 12 часу по полудни въѣхали въ Казань, остановились въ Проломной улицѣ, въ домѣ купца Дьяконова: не чисто; помолясь, бросился на сѣно и проснулся въ девятомъ часу утра.

19-го Іюня, умылись, нарядились и пошли къ знакомому мнѣ Губернатору П. А. Н. Привѣтствовалъ, какъ человѣкъ съ хорошимъ воспитаніемъ, просилъ ужинать. Казань, хорошій городъ, послѣ пожаровъ выстраивается лучше прежняго, множество каменныхъ домовъ; Соборы и церкви далеко отстали отъ Ярославскихъ, Ростовскихъ, Костромскихъ и Нижняго - Новгорода; улицы немощеныя, и

весь городъ *то* на горѣ, то подъ горою. Каменный Госпиный дворъ даже нахожу лучше С. Петербургскаго, и множество деревянныхъ лавокъ, лавочекъ и шалашей; вездѣ народу много: считаютъ около сорока тысячъ Русскихъ и Татаръ. До ужина Губернаторскаго, послѣ нашего хорошаго обѣда, пошелъ я къ Прокурору Ильѣ Михайловичу *Авдулину, моему пріятелю, и не* доходя до дома, спросилъ проѣзжаго объ немъ. Прокуроръ умеръ отъ удара, часа три тому назадъ; меня сія вѣсть поразила, тѣмъ болѣе, что отъ Губернатора начиная, всѣ его хвалили и хвалятъ; душевно жалѣя объ умершемъ, пошелъ къ Коменданту Альбертu Карловичу Пирху 2-му; онъ, завидя меня, вспрѣгнилъ, какъ отца, какъ стараго наставника; обнималъ со слезами и тѣмъ доказалъ благородство чувствъ своихъ; *говорили о многомъ, и онъ здраво мыслитъ* и отлично выполняетъ наложенную должность. Тутъ былъ Полк. Блумъ съ женою, умною и почтенною; бесѣда ея пріятна. За ужиномъ у Губернатора, познакомился съ Княземъ Давыдовымъ Почтъ-Директоромъ и Масловымъ: оба своимъ обращеніемъ оставили во мнѣ признательность. Что сказать о хозяинѣ? Онъ всегда одинаковъ, слѣдственно заслу-

живаетъ благодарность. До двухъ часовъ писалъ у себя. Спалъ хорошо.

20-го Іюня. Въ десятомъ часу утра вмѣстѣ съ Губернаторомъ были въ Соборѣ, гдѣ покоятся мощи С. Гурія; и праздникъ онаго; народу очень много, Архіепископъ Амвросій чинно, хорошо служилъ; Протоіерей читалъ своего сочиненія предлинную проповѣдь. — Городъ Казань горитъ, шесть лѣтъ тому назадъ горѣлъ, и — по словамъ жителей, выстроенъ гораздо лучше, и болѣе каменныхъ домовъ. Послѣ обѣдни были въ Казанскомъ Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ Игуменья Назарета Васильевна, урожденная Гладкая, умная женщина, все сама намъ показывала, и все очень хорошо: болѣе семидесяти монахинь, бѣлицъ и одна схимница; много привлекательныхъ лицъ, что веселитъ сердце человѣческое! Игуменья одарила насъ копіями образа Казанской Богоматери, персиками, сливами и желаніемъ счастливаго пути; крайне довольны, а я болѣе что она меня узнала, потомъ и я; хотя не видѣлись болѣе пятнадцати лѣтъ, улыбаясь, почти вдругъ сказали: постарѣли! Обѣдали со многими у Губернатора; писали; были у Пирха: радъ душею гостямъ и угощалъ сердцемъ;

молодецъ и собою и дѣлами! Были въ славнѣйшей банѣ у Маслова; насъ посѣщали многіе, простились со всѣми съ благодарностію, ужинали, и предались сладкому, безмятежному сну.

21-го Іюня. Въ шесть часовъ выѣхали изъ Казани, и на седьмой верстѣ, на прехудой лодкѣ, съ коляской и бричкой переѣхали *Волгу, шире Невы рѣки; слава* Богу, что тихо было, а то бѣда неминуемая; спускаться по крутѣйшему берегу страшно; счастливы мы, что ночь не настигла насъ. Горько, что люди мало заботятся о безопасности ближняго, и ждутъ, чтобъ грянулъ громъ; а безъ того хоть трава не расти, для нихъ все равно! Переѣхавъ Волгу въ Верхній Услань, шли подъ гору и на гору версты три, устали; девять часовъ утра, и мы ждемъ, сидя на горѣ, *экипажей. Двѣ станціи Сайтово и Бурундукъ* — Татары; *Чиверчинъ* — Русскіе; хотя гористо, но виды прелестные; лѣса, — дубъ и липа, цвѣтовъ множество, и благовоніе отъ оныхъ; мосты очень дурны; въ Бурундукѣ остановились у Татарина крестьянина; на дворѣ обѣдали, окруженные нечистыми Татарами; рамазанъ, — постъ ихъ; они ѣдятъ по закатѣ солнца, и потому будто тощи, блѣдны; дѣти

презамаранныя и женщины тоже, и дурны же къ тому. Четыре станціи, ослѣпляющія частыя молніи, громы, дождь проливной, вѣтеръ сильный, грязь и отъ того можетъ быть дурныя дороги, приводили въ ужасъ; мы закрыли коляску, я предалъ душу свою Богу и заснулъ; пробудился у послѣдней станціи, подъѣзжая къ Симбирску, *отъ крику женскаго и дѣвичьяго*; проширая глаза, слышу: „Баре! не ѣздите по мосту, пусть грѣшники ѣздятъ, и то передъ вами ось переломилась у какого-то проѣзжаго.“ Спасибо, сказалъ я, и выпрыгнули изъ коляски, которую вмѣстѣ съ бричкою отправили въ объѣздъ, а сами перешли по новымъ перилямъ; мостъ съ верху новъ, а съ низу гнилъ: вотъ причина, что провалились четыре доски; бѣда да и только!

22-го *Іюня*. Въѣхали въ Симбирскъ; городъ прегрязный, а осенью, говорили мнѣ, Боже упаси. Всѣ почти строенія деревянныя, ветхи; дѣвичій монастырь, гдѣ Богомаперь Свирская, четырнадцать монахинь, бѣдненькихъ старушекъ; Троицкій Соборъ отвѣчаетъ всему городу, бѣденъ. Черезъ часъ выѣхали; въ станціи Ключищѣ обѣдали въ избѣ, и проѣхавъ Ташлу Ясашную, Тиренгулъ, Горюшки, Ива-

новку, въ четыре часа утра 23-го Іюня въѣхали въ чистенькой городъ Сызрань.

23. — Весело видѣть людей хорошихъ, стариннаго покроя; здѣсь Экспедиторъ почты, придцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и все-таки бѣденъ, а очень доволенъ своею судьбой и придцати-лѣтнимъ рыжимъ парикомъ своимъ. Выпивши кофею, поѣхали; дорога отъ Сызрани — степи гладкія, рѣдко увидишь деревцо и земля не вспахана; грустно видѣть версть сто и болѣе нагую природу, и трава сквозь известь мало выказывается; верстъ также болѣе ста, гора за горою известковыя; пѣшкомъ должны были идти почти до города Хвалынска; по охотѣ разъ можно видѣть, а на картинѣ красивѣе; лишь Хвалынскъ проѣхали, почва земли лучше, и рука человѣческая видна, вездѣ хлѣбъ; солнечные лучи, ударяясь о горы известковыя, прекрасными ихъ кажутъ; тутъ начинаются горы, зеленью покрытыя, и до самой Алексѣевки: Саратовской Губерніи, деревня моего товарища съ 1500 душъ. Сколько мы были восхищены въ Богородицкомъ селѣ или Капцовѣ, столько здѣсь не по по всѣмъ отношеніямъ; отъ чего же такая разность? Отъ того, что бурмистръ не по выбору крестьянъ. Въ три часа лишь

пріѣхали, принесли и стерлядей и осетра аршина полтора длиною, въ челнокѣ, да все такъ сухо; — поѣли, и въ девять часовъ, поговоря и о томъ и о другомъ, заснули. И такъ въ двадцать одинъ день ѣзды, мы останавливались ночевать въ Тихвинѣ, Кацовѣ, Ярославлѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь, въ Алексѣевкѣ.

24-го. Праздникъ у моего повариша, были у обѣдни, церковь въ самомъ горестномъ положеніи; душа моя тронута была во врѣмя службы; мало крестьянъ у обѣдни; хотя великій праздникъ, церковью установленный, Іоанна Предтечи. Товарищъ мой недовольный поѣхалъ по другимъ своимъ деревнямъ, а я обходилъ избы, и по распросамъ моимъ, много крестьянъ имѣютъ по десяти лошадей, столько же коровъ и по пятидесяти овецъ, а бурмистръ въ пятеро болѣе, не говоря о деньгахъ; отъ чего же церковь Божія въ бѣдности, и мало было и бываетъ у обѣдни? Не смотря, что деревня богатая, домъ или лучше сказать изба для пріѣзда барина, не отвѣчаетъ избытку крестьянъ. Въ шесть часовъ обѣдали, погуляли безъ удовольствія; никогда не видалъ столь безчисленнаго множества мухъ; однако въ поставленныхъ стаканахъ съ виномъ,

поминутно исчезало тысячь по нѣскольку. Что ежели бы люди злые и дѣлающіе пагубу ближнему, такъ скоро умирали, когда не хотятъ покаяться и вести жизнь добродѣтельную?

25-го Іюня, въ десять часовъ утра выѣхали изъ села Алексѣевки, не слишкомъ довольны, по многимъ отношеніямъ. На второй станціи; проѣхавъ 36 верстъ, широкой буеракъ въ деревнѣ Графа Кочубея; лопнулъ ремень задней рессоры: благодареніе Богу, съ нами ничего не случилось! запасными веревками завязали. Въ имѣніи Графини Ливенъ, Терса, шли двѣ версты пѣшкомъ, переѣзжали на *дурномъ* паромѣ; лошадь у брички попала въ воду, отъ *дурнаго спуску*; вытащили. Отъ Алексѣевки до широкаго буерака дорога хороша, не смотря, что съ горы на гору, но можно безъ трудности ѣхать; до Вольска дорога гориста, известькова, виды очень часто хороши, особенно подъѣзжая къ Вольску, спускаясь къ городу версты полторы, хотя и кажется круто, но съ осторожностію можно, не тормозя, ѣхать, а поднимаясь рысью; честь Губернатору Алексѣю Давыдовичу Панчулидзеву, что такъ устроилъ гору! Въ Вольскѣ остановились въ домѣ вдовы

Плехановой; чисто живетъ, не дурна собою, учтива, хорошо говоритъ; жаль только, что старообрядица! Здѣсь много каменныхъ строеній, но пусты; двѣ церкви и одна старообрядческая, нынѣ запечатана; жителей мужескаго пола четыре тысячи, всего около десяти тысячъ. Вольскъ — родина Злобина, бывшаго купца богача, и называлась, придцать пять лѣтъ тому назадъ, Маловка, нынѣ лучше Костромы и грязнаго Симбирска. Городничій, Коллежскій Совѣтникъ Струковъ, порядочнаго обращенія, шестнадцать лѣтъ въ одной должности и доволенъ. Въ городѣ ярмонка до 1-го Іюля. Изъ Вольска на второй станціи, ямщикъ, отъ неосторожности сломалъ два валька: это ничего; потомъ тучи, какихъ не видывалъ, дождь проливной, грязь, темнота, вѣтеръ, холодъ, я въ *безпокойствіи*, поваришъ мой спитъ, а я самъ не свой; наконецъ, въ закрытой колескѣ, задернувъ и занавѣску, помолясь и безъ стыда со слезами, предалъ себя Богу, заснулъ, и бѣды не было.

26-го Іюня. Доѣхавъ до Жуковки, въ семь часовъ утра, у старостм на дворѣ, кончили утреннее убранство и пили кофей; но какъ доѣхали не на почтовыхъ

лошадяхъ? увы! часа три въ темнотѣ плупали; изъ Жуковки поѣхали на лошадяхъ моего товарища, и въ Алексѣевкѣ (экономическое дѣло Саратовской губерніи:) чрезъ гнилѣйшій деревянный и безъ перилъ мосшикъ, искусшвомъ кучера, мы переѣхали благополучно; бѣда же обрушилась на бричкѣ, которая съ двумя кучерами, камердинеромъ и поваромъ опрокинулась въ ровъ и повисла на деревьяхъ; двѣ лошади осшались на мосшикѣ, никшо изъ людей не ушибся, одна бричка сильно пострадала; общій испугъ на долго осшанешся у всѣхъ. Нельзя не повторить: мосшы и мосшики, дороги и дорожки проселочныя, большею часшію, *новыя* не додѣланы, а сшарыя запущены. Кое-какъ доѣхали до деревни Машюшкиной, принадлежащей моему товарищу, въ прекраснѣйшую погоду. Здѣсь крессьяне добрые люди, со слезами радосши вспрѣшили своего молодаго барина; хошя не богашы, прешерпѣвъ два раза пожаръ, но большую каменную церковь спроянъ при нѣкоторой помощи молодаго барина. Проѣхавъ семь верспъ, въѣхали въ село Никольское, шакже моего товарища; видимо, что иго бурмисшра не шяготишъ крессьянъ: опъ сшараго до малаго и

женскій полъ въ нарядахъ, окружили своего помѣщика, и обвились около него, какъ дѣти около своего отца; говорили, разсуждали, имъ хорошо, дѣльно отвѣтствовали, и душа моя была въ восторгѣ; тутъ любятъ и бурмистра и старосту, отъ того, что изъ среды своихъ выбираютъ лучшаго. Мы ночевали покойно, будучи счастливы, — счастіемъ поселянъ; я вчужѣ радовался!

27-го Іюня. — Побѣда подъ Полтавою 1709 года; мы были у обѣдни, хорошо служили, были у бурмистра, чисто, и три сына женатыхъ, молодцы; заѣхали и въ другую деревню моего товарища; поѣли и прямо въ Сарапповъ; дорога хороша. Въ семь часовъ вечера были уже въ домѣ, принадлежащемъ Губернатору на берегу Волги. Здѣсь заочно угостилъ насъ гостепріимный Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ, котораго по С. Петербургу знаю. Довольные, предались власти сна. Тушъ получилъ отъ кровныхъ письмо: здоровы, и другое — отъ молодой особы; второе роковое огорчило меня до слезъ; да будутъ счастливы всѣ достойныя дѣвицы; мнѣ осталось ожидать очереди, Богъ и меня не оставитъ. Сарапповъ

чистой городъ и много церквей; мы проѣхали почти весь, въѣзжая въ оный.

28-го Іюня. Погода прекрасная; въ девять часовъ были у Губернатора, который принялъ чрезвычайно хорошо, пригласилъ обѣдать, и такъ какъ почта отходитъ разъ въ недѣлю, то мы поторопились домой, написали письма, отправили; пріѣзжалъ къ намъ благосклонный Губернаторъ въ два часа; вмѣстѣ поѣхали къ нему обѣдать; столъ отличный по всему. Тутъ познакомился съ супругою его Екатериною Петровною, привѣтливою дамою; увидѣлся съ давно-знакомыми, Екатериною Ивановною Рѣзановой, почтенною дѣвицею; съ дочерью покойнаго почтеннѣйшаго Сенатора Сушкова, Софьей Николаевной, которой красота наружная согласна съ красотами душевными: она за мужемъ за сыномъ Губернаторскимъ Александромъ Алексѣевичемъ, чувствующимъ цѣну своей супруги, отличной молодой матери; всѣ ее почитаютъ, и въ одинъ голосъ превозносятъ ея сердце, умъ, душу. Тутъ же свидѣлся съ Совѣстнымъ судьею Ив. Мих. Веденяпинымъ, точно честнымъ человѣкомъ; онъ мнѣ обрадовался; мы давно пріятели; онъ для своего мѣста созданъ. Всѣ отмѣнно учтивы,

зять хозяина живой; пріѣзжій Н. А. Норовъ, похожій на почтеннаго моего наставника Евграфа Петровича Батурина, (*) съ пріятнымъ просвѣщеніемъ человѣкъ; Предсѣдатель Уголовной Палаты Н. Л. Б. тихой. Послѣ обѣда сидѣлъ у нездороваго сына Губернаторскаго, съ которымъ по Петербургу знакомъ: съ достоинствами молодой человѣкъ; дома писалъ, въ девять часовъ ужинали — и день миновалъ. До полуночи, собрались грядами тучи, блеснули молніи, грянулъ громъ, при сильномъ вѣтрѣ и полился ливнемъ дождь.

29 Іюня, Петра и Павла Апостоловъ; одѣлись, хотѣли насъ видѣть нѣкоторые чиновники, Голова градской и нѣсколько купцовъ, по виду и разговорамъ люди порядочные; жаль, что изъ купечества много старообрядцевъ, однако Губернаторъ и ими нахвалиться не можетъ, за то и его всѣ любятъ; вся полиція посѣтила насъ; слушали обѣдню въ Соборѣ: церковь хотя не изъ Ярославскихъ, но порядочна, особенно иконостасъ; — по окончаніи службы, поѣхали въ новостроющуюся церковь Пророка Иліи: прекрасная, живо-

(*) О подвигахъ его, можно читать въ Твердости Духа Русскихъ.

пись хороша, примѣтно и богатство; стѣны и плафонъ будутъ расписаны алфреско; съ часъ гуляли по городу чистому; жаръ несносный. Въ сіе время, по приходѣ домой, вручилъ мнѣ провіантскій чиновникъ, въ Грузіи служащій, описаніе дороги отъ Моздока до Тифлиса; изрядно написано. Въ два часа поѣхали обѣдать къ Губернатору. Бесѣда съ хозяйкой была пріятна, шутъ были миловидныя особы, обратившія мое вниманіе; о Софіи Николаевнѣ нечего и говорить, все въ ней достойно вниманія. Въ семь часовъ былѝ уже мы въ театрѣ, и сіе невинное заняшіе для города, не менѣе приписываютъ стараніямъ Губернатора. Театръ не великъ, но очень миленькой, если можно такъ сказать; освѣщенъ хорошо; оркестръ весьма хорошъ; играли Комедію, сочиненіе Князя А. А. Шаховскаго, *Своя семья*, не хуже Петербургскихъ Актеровъ; особенно Госпожа Грузинова вдова, украшеніемъ была бы и Петербургскому театру, если не лучше, но ни чѣмъ не хуже славной нашей Актрисы Рахмановой старухи; и молодая Грузинова не дурно играла; мущины отстали отъ Актрисъ. За Комедіей слѣдовала Опера *Пѣвецъ и Портной*, музыка Г. Гаво, тоже не дурно.

лучшенькія — Давыдова, игравшая ролю старухи, и опять вдова Грузинова; будучи доволенъ почти всѣми, долженъ сказать, что декламація у всѣхъ слаба, кромѣ вдовы Грузиновой. — Сутки протекли *въ пріятныхъ занятіяхъ.*

30 Іюня. — Очень жарко, ѣздили осматривать примѣчательное въ городѣ; больница въ самомъ лучшемъ порядкѣ, дай Богъ видѣть вездѣ тоже: Докторъ Ренгольмъ, заботливый и всѣми хвалимый человѣкъ; богадѣльня для обоего пола прекрасна; старость имѣетъ особое прибѣжище, и все это труды Панчулидзева, такъ какъ Соборъ и монастырь недоконченный, вскорѣ будетъ готовъ. Жаръ заставилъ *броситься* въ Волгу, воды которой своими лобзаніями оставляли здравіе на тѣлахъ нашихъ; обѣдали въ три часа у Губернатора, гулялъ въ саду его: хорошъ, но много еще денегъ нужно, чтобъ привести оный въ совершенство; ванна прекрасна. Концертъ, составленный изъ людей его, при иностранцѣ Казели віолончелистѣ, *восхищалъ; особенно сей* послѣдній, подражая Ромбергу въ Русскихъ пѣсняхъ; всѣми весьма довольный, и знакомствомъ съ молодою, умною и любезною дамою Н. Н. Р — ю.

1-го Іюля. Цѣлое утро занимался писаніемъ; посѣтили насъ многіе, большею частію люди мыслящіе; обѣдали у Губернатора, познакомился съ Француженкой Шпотъ, женою учителя музыки; собою не дурна, но образованіемъ подобна всѣмъ Француженкамъ: это первая по выѣздѣ изъ Петрова-града встрѣча; какъ весело душѣ моей видѣть однѣ Русскія лица, и славный, полный гармоническій, Русскій языкъ всюду слышенъ, не такъ какъ въ столицѣ: рѣдко даже въ среднихъ домахъ говорятъ на отечественномъ нарѣчіи; по сіе время не выходятъ изъ жалкаго заблужденія, полагая воспитаніе въ знаніи многихъ языковъ! Забыли бѣдненькіе, что древніе Греки изучались одному своему языку во всю жизнь, и однимъ роднымъ нарѣчіемъ достигли во всѣхъ почти частяхъ совершенства, безсмертія; — Римляне, сверхъ своего языка, знали и Греческой; — а нынѣ, говоря на многихъ языкахъ, тонутъ въ невѣжествѣ, и только изъ маленькихъ книжонокъ вытвердя кое-что, мечтаютъ обнять всѣ познанія; горе! — Послѣ обѣда гуляли въ саду и поѣхали въ Театръ; играли *Одну Шалость*, нельзя сказать, чтобъ хорошо; но и сего довольно; во время представле-

нія мучилъ меня одинъ сосѣдъ *Французскимъ языкомъ*; я ему отвѣчалъ все по Русски; видя однако, что онъ не перестаетъ, принужденнымъ нашелся увѣрить его, что я сытъ и въ С. Петербургѣ отъ сего лепетанія, и радёхонекъ, что изрѣдка слышу говорящихъ на семъ языкѣ въ путешествіи; сосѣдъ удивился, особенно, что я всю жизнь провелъ въ столицѣ, въ кругу большомъ, а все остался любителемъ Россійскаго языка. По закатѣ солнца, благодатная Волга манила къ себѣ; повинуясь ея волѣ, бросился въ струи ея и вышелъ здоровѣе.

2-го Іюля. Странно, однако случается въ свѣтѣ, что правда хотя и глаза колетъ, но бываетъ иногда причиною тѣсной дружбы, соединяетъ два сердца навсегда; первой разъ бывъ въ Сараповскомъ театрѣ, замѣтя въ ложѣ сидящую молодую даму, съ огромнымъ вѣеромъ, примѣтно улыбнулся, потомъ усмѣшка обратилась въ тихой смѣхъ, потомъ пересказалъ мое замѣчаніе нѣкоторымъ дамамъ; онѣ передали пріятной дамѣ съ опахаломъ мои слова: что не должно обращать на себя вниманіе бабушкиными нарядами, особенно пригожей особѣ и проч. Она передъ ужиномъ подошла ко мнѣ, благодарила такъ умно, такъ

кротко и чистосердечно, что приведши меня въ краску, заполонила сердце, и доставила случай — бесѣдуя съ нею, познать прямое не иноземное воспитаніе; я увидѣлъ въ ней то, что должно ожидать во всемъ нѣжномъ полѣ: знаніе хорошо своего роднаго языка, начитанность полезнаго съ пріятнымъ, обращеніе благородное безъ *кокетства*; *всѣ сіи качества*, при добромъ сердцѣ, при пылкомъ съ кротостью умѣ, при наружныхъ прелестяхъ, соединенныя съ возвышенными чувствами, нехотя заставляютъ навсегда вспоминать сію особу, которая должна бы счастіемъ пользоваться, счастіемъ истиннымъ; но увы! всегда ли бываютъ достоинства награждаемы? И такъ мудрено ли, что вашъ покорный слуга, сидя за ужиномъ подлѣ сей любезной особы, сожалѣлъ, что завтра должно разстаться и съ Саратовымъ и можетъ быть долго не бесѣдовать сколь пріятно, невинно и поучительно.

3-го Іюля. Рано всталъ, уложился, одѣлся по дорожному, сѣлъ къ окну, смотрѣлъ съ полными слезъ глазами на Волгу, думалъ много — особенно о счастіи земномъ; повторилъ сказанное кѣмъ-то: *далеко отъ глазъ, далеко отъ сердца*, и что печаль, тоска и грусть ложатся

очень близко къ сердцу; слезы тихо капнлись по полнымъ ланпамъ моимъ, я самъ не зналъ причины; письма ли, полученныя мною издалека заставили горевать, или что другое; но все равно, по крайней мѣрѣ я еще не разрывалъ кольца, связывающаго меня съ кругомъ счастія міра сего; читатель смѣешся, что *сорокапяти лѣтній* молодой человѣкъ разнѣжился и *селадонитъ!* Въ девятомъ часу, товарищъ мой проснулся, экипажи готовы, мы ихъ отправили впередъ, а сами пошли къ почтенному гостепріимному Губернатору, вмѣстѣ съ нимъ, его семействомъ, Норовымъ и интересною Н. Ив. Род., поѣхали званые къ его родственнику обѣдать, четырнадцать верстъ отъ Саратова. Богатый помѣщикъ М. А. Устиновъ, чѣмъ могъ, тѣмъ угостилъ; въ дорогу снабдили насъ, Губернаторъ и Устиновъ, хлѣбомъ, виномъ и плодами; между тѣмъ дождь лилъ, громъ гремѣлъ, молніи блистали, дорога портилась; распростясь со всѣми какъ съ родными, особенно съ прелюбезнѣйшею Н. И. Р...; и у неё, изъ *значительныхъ* глазъ капнлись горячія слезы; что же я дѣлалъ? просто плакалъ; и принеся чистую благодарность за все, всѣмъ и каждому, пустились въ путь, по

полудни въ восемъ часовъ съ провожатымъ, даннымъ Устиновымъ. Здѣсь долгомъ поставляю упомянуть о сценѣ француза съ женою своею: пусть изъ сего увидятъ читатели, что такъ называемая нація полированная имѣетъ также недостатки, даже въ общежитіи. Когда готовились ѣхать изъ Саратова, то молодая, недурненькая Француженка надѣла своей работы чепчичекъ, который былъ ей къ лицу; учтивой мужъ и гувернёръ, забывъ всякую благопристойность, только по своенравію своему, велѣлъ ей снять оный; она, прося остаться въ оном, не снимала; любезный муженекъ сорвалъ съ нее, вмѣстѣ со многими волосами; она, расплаканная, разсказала не мнѣ одному, но и всѣмъ; я его журилъ, говоря, что у насъ сего не дѣлаютъ, даже въ деревняхъ; уговаривалъ быть примѣромъ кротости для дѣтей, кои ему поручены; въ противномъ случаѣ, онъ, лишась почтеннаго дома, никогда не сыщетъ другаго. Ей далъ наставленіе, повиноваться супругу и наряжаться по вкусу его, чтобъ тѣмъ прекратить распри, кои могутъ имѣть послѣдствія для нея же непріятныя; оба остались кажется мною довольны. Прощаніе съ обѣихъ сторонъ было

слезное; я во всю жизнь мою не забуду Саратова: начиная съ Губернатора, его семейства, всѣми обласканъ, скажу утвердительно безъ лицемѣрія: нѣжной полъ надолго оставилъ впечатлѣніе въ сердцѣ моемъ. Первая станція хороша, но вторая Головка, при темнотѣ ночной, дурныхъ мостахъ, (новые дѣлаются) и Нѣмцы колонисты ямщики, приводила меня въ отчаяніе; всю ночь не смыкалъ глазъ; питался страхомъ, надеждою и упованіемъ на Бога. — Въ Саратовѣ изъ дѣловыхъ людей не видѣлъ Вице-Губернатора Бибикова, и очень жалѣю, ибо всѣ, начиная отъ Губернатора, не находятъ достойныхъ словъ восхвалить его.

4-го Іюля. — Воскресенье, въ семь часовъ утра, остановились въ Каменкѣ, у колонистихи, старухи Маріи Степановны съ дурненькими внучками; напоила своимъ прежидкимъ кофеемъ; сверхъ денегъ, я далъ внучатамъ шестъ персиковъ, а у насъ разбились семь бутылокъ съ бѣлымъ виномъ: это великая потеря въ дорогѣ! До Камышина все степь; путь упросилъ насъ Городничій Будищевъ 2, бывшій мой кадетъ въ Греческомъ Корпусѣ, угостилъ обѣдомъ и пріятнымъ разговоромъ молодой своей супруги. Весело встрѣчать

благодарныхъ людей. Отъ Камышева до посада Дубовки степь; грустно! трава желтая! дорога — охъ! особливо ночью.

5-го Іюля. — въ Дубовкахъ, Полицмейстеръ Александръ Осиповичъ Ребиндеръ, своимъ обращеніемъ, гостепріимствомъ, пріобрѣлъ нашу благодарность; дочь его видѣлъ въ Саратовѣ, хорошо воспитанную дѣвицу; мать сама образуетъ дѣтей; — поѣхали довольные; дождь, молніи, громъ и еще проливный дождь очень испортилъ дороги. Послали повара впередъ, въ Сарептѣ приготовить обѣдъ; наше желаніе не выполнилось; то-то! человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; въ пять часовъ пріѣхавъ въ Царицынъ, должны были остановиться у Городничаго Петра Ивановича Быкова, бывшаго моего кадета въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ; душею радъ, увидя стараго своего наставника; и мнѣ много пріятности для сердца; хорошо начальнику вести себя хорошо; даже взысканіе строгое, но справедливое, со временемъ пріобрѣтаетъ благодарныхъ. — Рѣчка Царицына, отъ дождей, отъ прорванія плотины при мельницѣ, такъ разлилась, что потопила берега, стала быстра, и воспретила ѣхать; и тутъ молодой мой товарищъ хотѣлъ пе-

реѣхать; я настоятельно говорилъ, что не поѣду, безъ нужды не хочу лишиться жизни; и Городничій, исполняя свою должность, не допуская ѣхать, угостилъ насъ славнымъ обѣдомъ и покойнымъ ночлегомъ. Былъ въ раскольничьемъ молитвенномъ домѣ; чисто, образовъ много, женской полъ завѣсой отдѣленъ; Евангеліе писанное. Въ присутственномъ мѣстѣ видѣлъ картузъ ПЕТРА Великаго, который, отдавая дворянству Царицынскому, сказалъ: „какъ никто не смѣетъ снять съ меня картузъ, такъ и вы останетесь на своемъ мѣстѣ.“ Видѣлъ дубинку сего же Императора, выше моего роста. Познакомился съ нѣкоторыми чиновниками и съ умнымъ Протопопомъ. Послѣ прекрасной Русской бани, обѣдали въ девять часовъ вечера; въ одиннадцать были на свѣжемъ сѣнѣ.

6-го Іюля. Переѣхавъ бурливую вчера рѣчку Царицыну, ниже ступицы, сего утра, въѣхали въ 10 часовъ въ Сарепту. Говорятъ, что рѣчка Царицына получила названіе отъ Княжны Татарской, которая, принявъ Христіанскую вѣру, была, по приказанію отца своего, Хана, утоплена въ сей рѣчкѣ. Вчера отъ разлитія, берега сей рѣчки сдѣлались круты; сего дня, по

приказанію отличнаго Городничаго Быкова, исправлены. Дорога до Сарепты изрядна; городъ сей получилъ имя свое отъ рѣки Сарпы; дай Богъ видѣть иные и губернскіе города въ такой чистотѣ: точно *миленькой*, чистъ какъ на ладони; домы снаружи и снутри гордятся опрятствомъ, передъ домами возвышаются красивые тополи. Мы остановились въ общественномъ трактирѣ; тутъ привѣтствовалъ насъ общества Полицмейстеръ, молодой человѣкъ, говорящій хорошо по-Русски, съ краснѣйшими щеками, дышащій здоровьемъ, и предложилъ показать намъ заведенія. Пошли въ домъ Сестръ, гдѣ болѣе старухъ; однако есть и молодыя, хорошенькія; онѣ всѣ съ семи часовъ утра до двѣнадцати трудятся, какъ дѣти; разные классы; надзирательница лѣтъ пятидесяти и болѣе, хорошая, привѣтливая женщина; послѣ обѣда опять, по колокольчику въ прудахъ; два раза въ сутки бываютъ на молитвѣ; спальни ихъ очень чисты. Видѣли домъ Братьевъ: стариковъ болѣе молодыхъ есть лѣтъ 80-ти, всѣ работаютъ по колокольчику какъ дѣти; спокойствіе почти на всѣхъ лицахъ, и улыбка полувеселая встрѣчаетъ посѣтителя. Всѣ заведенія очень хороши, особенно гдѣ готовятъ гор-

чицу; хозяинъ съ разумомъ человѣкъ. Всѣхъ въ Сарептѣ съ женскимъ поломъ, считается не болѣе 400 душъ. Я радъ, что *система* ихъ правленія перемѣнилась, и что нынѣ каждый, естьли захочетъ, можетъ выбрать трудъ себѣ, жить особливо и не ходить за общественный столъ. Грустно для человѣчества не выходить изъ положенія дѣтства и не имѣть собственности. Горестно видѣть прекраснѣйшихъ, навсегда осужденныхъ носить воду, заниматься черною работой, и ходить босоногими, а другихъ въ лучшемъ положеніи; конечно нельзя обижаться, ибо жребій опредѣляетъ каждаго. Среди городка большой колодезь, откуда проведена вода во всѣ домы; у колодца видишь Калмыковъ, Татаръ, Русскихъ, напояющихъ своихъ лошадей; мы познакомились съ первыми гражданами, одинъ былъ съ Георгіевскимъ крестомъ. Въ общественномъ магазинѣ, какъ сказывали, гораздо менѣе товаровъ прежняго; я купилъ сапоги за десять рублей, за которые въ столицахъ заплатишь вдвое. Въ часъ обѣдали; въ сіе время посѣтилъ насъ Александръ Михайловичъ Мамышевъ, начальникъ каранпина; просилъ остановиться въ Астрахани въ занимаемой имъ

кварширѣ; приняли предложеніе его съ благодарностію, тѣмъ болѣе, что онъ увѣрилъ насъ, что Астрахань не тотъ уже городъ, что бывалъ. Выѣхали изъ Сарепты въ три часа съ половиною; дорога тридцать верстъ прегрязная; лѣтъ шесть и болѣе не было столь благословеннаго, дождливаго года. Всѣ приносятъ мольбы ко Всевышнему. Далѣе дорога — степь, кое-гдѣ завидишь деревцо, какъ сирота растущее; солнце ярко, печётъ неумолимо; орлы встрѣчаютъ и провожаютъ, плаваютъ по воздуху десятками; ястребы тоже отдѣльно летаютъ отъ царей-птицъ.

7-го Іюля. Проѣхали много станцій; при перемѣнѣ лошадей, только и видишь людей, а то все степь и тоска; какое-то новое чувство горести родилось въ душѣ моей; Волга иногда выказывается съ своими прелестями; казацкія станицы чисты, и казаки молодцы, даже старики.

8-го Іюля. Казанской Божіей Матери. Отъ Сарепты до Астрахани почти четыреста верстъ; вообще можно сказать, степи, Творцемъ созданныя, лучшая дорога, а прочія песчаныя; съ покоренія Астрахани, съ 1554 года, мало или совсѣмъ человѣческая рука ничего не

улучшила, и это горе для путешествія. Съ Лебяжинской станціи, въ хорошую погоду, поѣхали, и сколько я ни уговаривалъ товарища моего, ѣхать по большой дорогѣ, онъ, находя удовольствіе смотрѣть на Волгу, воспоминалъ Прусской Куришгафъ, дорогу Шпрандъ, былъ веселъ, шутилъ надъ моею трусостью; я не отвѣчая, ворчалъ, предвидя опасность, ѣхавши по рухлому песку, берегомъ Волги, съ правой же стороны крутые гористые пески. Разъ я сходилъ съ коляски, и еще удостовѣрился о предстоящей опасности; надо мною продолжалъ шутить неустрашимый товарищъ; между тѣмъ, отъ неосторожности ямщика, два валька переломились; придѣлали другіе; ремень рессорный лопнулъ, перемѣнили; у кибитокъ два раза вальки ломались, этого мало; наконецъ, видя пропасть подъ собою, или быть въ Волгѣ утопленнымъ, или въѣзжая на крутизну песчаныхъ горъ, лишиться руки, ноги и жизни; и то и другое находилъ безполезнымъ; почему съ неудовольствіемъ выскочилъ изъ коляски; было уже семь часовъ по полудни, и до Дурновской казачей станціи оставалось пять верстъ; товарищъ мой послѣдовалъ мнѣ, выпрыгнулъ, а за нимъ и егерь съ козелъ; кибитки поѣхали впередъ и на

крушизнѣ осшановились, переломавъ кое-что, а коляска помчалась, и всѣ четыре лошади увязли до головы въ рухломъ пескѣ; коляска выше ступицъ; въ это время, отъ разныхъ чувствъ, полились слезы у меня; товарищъ былъ въ ужасномъ положеніи; лице его измѣнилось, только и слышно — *ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой!* на Французскомъ языкѣ; поваръ и камердинеръ тоже восклицали по-Русски, а егерь по-Нѣмецки; бѣда великая! вынули всё изъ коляски на песокъ. Волга волновалась, и какъ бы готовилась поглотить коляску и лошадей; я, возлегши на песокъ, облокотясь на сафьянную подушку, сталъ читать *Памятникъ событій*, бывшій со мною; но что происходило въ душѣ моей, того мудрено описать; мольбы неслись къ Богу; милосердый, не разъ видимо спасавшій насъ во всю дорогу, при дурныхъ мостахъ, горахъ, паденіяхъ и рвахъ, вырытыхъ по дорогамъ, въ другихъ губерніяхъ, спасъ и теперь. Камердинеръ Ѳедоръ поѣхалъ верхомъ въ Дурновскую станицу, и — благодаря празднику Казанской Богомашери, казаки были дома, прискакали или лучше сказать ихъ нахлынуло болѣе пятидесяти съ Калмыками въ казацкомъ одѣяніи; выпрягли прежде прехъ лошадей

ямщики; четвертую съ помощью казаковъ и коляску на себѣ. Мы прошли версту пѣшкомъ, сѣли и достигли парома или лодокъ противъ Астрахани; Волга въ семъ мѣстѣ не шире версты; тихо мѣсяцъ освѣщалъ насъ отъ Дурновской станицы, гдѣ дали намъ казака провожатымъ, а Атаманъ Скворцовъ, на встрѣчу намъ ѣхавшій, приказалъ проводить до мѣста; пробило одиннадцать часовъ; небо звѣздами смотрѣло на насъ и луна свѣтила еще, хотя дымчатыя облака изрѣдка носились надъ небосклономъ. Калмыки хорошо перевезли насъ; и мы на берегу Астрахани; перекрестился; пробило полночь, темненько, привели лошадей, поѣхали, и безъ всякаго приключенія остановились въ квартирѣ Мамышева, освѣщенной восковыми свѣчами, и чисто; тутъ поваръ приготовилъ намъ супъ и яичницу; поѣли и легли спать на хорошихъ диванахъ, прежде принеся Богу благодареніе за спасеніе. Хозяйка дома, Аксинья Христофоровна Горбунова — Армянка.

9-го Іюля. Мы еще спали, пріѣзжали Предсѣдатель Палаты, въ должности Губернатора, Полицмейстеръ, и Вицъ-Губернаторъ; едва отпили кофе, опять явились, поговорили, уѣхали. Сынъ хо-

зяйки привѣтствовалъ насъ именемъ матушки своей и просилъ на завтракъ. Въ полдень, я одинъ вошелъ къ хозяйкѣ, и нашелъ пріятную, умную, и по-Русски хорошо говорящую женщину, и естьли бы она сама не сказала что ей 53 года, что имѣла 18 дѣтей, то можно не болѣе ей дать какъ тридцать пять лѣтъ: хороша, мила и безъ всякихъ притираній. Вскорѣ и товарищъ мой молодецъ явился; Лукуловъ завтракъ приглашалъ къ себѣ: поѣли, благодарили, разсуждали, спорили; хозяйка любезна, мужа не видѣли. Дрожки гошовы Мамышева; однако мы пошли пѣшкомъ и осмотрѣли гостиные дворы: старый, новый Персидскіе, хороши; но не такъ-то чисты; въ каждой лавкѣ кухня; Индѣйской, гдѣ познакомились съ Индѣйскимъ богачемъ, слишкомъ двадцать лѣтъ тутъ живущимъ: Собра Бондасовъ, почтенный человѣкъ и лице предоброе: сидѣли у него, конфекты ѣли, но нельзя похвалить нечистоту кухни и замаранаго повара; спальня, гостиная, столовая и передняя одинъ и тотъ же покой, а подлѣ кухня. Были у Хивинцовъ, гдѣ ужасно нечисто и по десяти вмѣстѣ спятъ; отъ дурнаго запаха мы скоро вышли; тутъ видѣли лежебоковъ, ихъ му-

чениковъ безобразныхъ, противныхъ взору, ничего не дѣлаютъ, курятъ кальянъ, ѣдятъ что бросятъ имъ, часто улыбаются, и кажется за грѣхъ почитаютъ умываться: гадко смотрѣть! Домой пришли по другой улицѣ и по каналу, устроенному болѣе нежели на двѣ версты, соединяющимъ Волгу съ Кутомою, Грекомъ Варваціемъ; сей каналъ есть первое и послѣднее украшеніе и гулянье Астрахани, и Высочайшимъ Указомъ Императора Александра Павловича на всѣ времена названъ Варваціевымъ. Сей же почтенный Грекъ выстроилъ прекрасную колокольню. Астрахань не мощена; въ сухую погоду пыль поднимается, какой я никогда не видывалъ, а въ дожди непроходимая грязь. Армянки ходятъ по улицамъ въ бѣлыхъ покрывалахъ съ головы до ногъ, похожи на привидѣнія или на Весталокъ театральныхъ, страшны и смѣшны. Я еще не видѣлъ хорошенькихъ. Полицмейстеръ утверждалъ, что разныхъ народовъ считается въ Астрахани болѣе сорока тысячъ обоего пола и семнадцать націй. (*) Обѣдали дома; въ семь часовъ,

(*) При семъ прилагаю принесенную мнѣ записку Полицмейстеромъ: 1820-го года — въ губернскомъ городѣ Астрахани:

по приглашенію видѣли службу Индѣйцевъ идолопоклонниковъ; насъ ввели въ крошечный садикъ, посадили на лавки, покрытыя коврами; старикъ Собра-Бондасовъ и лѣпообразный племянникъ его подали намъ цвѣтовъ; чрезъ полчаса, по

2.825,000 Квадратныхъ сажень земли подъ городомъ.
110 Улицъ.
3 Части.
9 Кварталовъ.
21 Каменная церковь.
7 Деревянныхъ церквей.
5 Монастырей.
1 Пустынь.
2 Старообрядскихъ часовень.
14 Татарскихъ мечетей.
152 Каменныхъ домовъ.
3818 Деревянныхъ домовъ.
332 Духовныхъ Россіянъ.
2 Духовныхъ Лютеранина.
6 Духовныхъ Католиковъ.
72 Духовныхъ Армянъ.
77 Духовныхъ Татаръ.
120 Военно-служащихъ Штабъ- и Оберъ-офицеровъ.
443 Статскихъ Штабъ- и Оберъ-офицеровъ.
61 Дворянъ.
1469 Нижнихъ чиновъ.
401 Приказныхъ и описныхъ нижнихъ служителей.
14 Присяжныхъ.
678 Астраханскихъ купцовъ.

звонку, насъ просили выдти, повели въ третій этажъ огромнаго каменнаго дома; вошедъ въ маленькой покой, половина коего на поларшина возвышена и покрыта коврами; намъ двумъ подали стулья; мы чинно сѣли, не говоря ни слова и не улыбаясь;

---

59 Иностранныхъ купцовъ.
4748 Астраханскихъ мѣщанъ.
119 Иностранныхъ мѣщанъ.
406 Дворовыхъ помѣщичьихъ крестьянъ.
336 Астраханскаго уѣзда крестьянъ.
451 Иногородныхъ крестьянъ.
2587 Армянъ.
33 Лютеранъ.
173 Грузинъ.
12 Грековъ.
123 Кашоликовъ.
1522 Татаръ.
378 Персіянъ.
58 Индѣйцовъ.
154 Хивинцовъ.
60 Трухменцовъ.
32 Бухарцовъ.
7 Татаръ, новокрещенныхъ казеннаго вѣдомства.
1 Калмыкъ новокрещенный казеннаго вѣдомства.
172 Ремесленника и ювелира.
6896 Сходцовъ изъ верховыхъ городовъ.
23067 Жителей мужеска пола.
15214 Женска пола.
14 Трубъ пожарныхъ.

шутъ же стояли у возвышенія Конно-Егерскаго полка Маіоръ Италіянецъ Графъ.... и какая-то несносная Француженка, содержашельница пансіона, вышедшая здѣсь замужъ и какія-то другія дамы; всѣ онѣ безпрестанно говорили, смѣялись и мечтая, что мы не понимаемъ по-Французски, гуляли на нашъ счетъ, взирая на наши смиренныя лица, и чтобъ болѣе досадить, стали передъ нами; мы будто не замѣчая, отодвинулись: тогда одна молоденькая шепнула несносной Француженкѣ, и мы спокойно смотрѣли и слушали службу. Явился жрецъ въ красной шапкѣ или колпакѣ, въ замаранной толстой рубашкѣ, и въ такомъ же нижнемъ платьѣ, босоногъ, сталъ къ приставленному

---

12 Лошадей полицейскихъ.
12 Чиновниковъ полицейскихъ.
72 Нижнихъ служителей.
106,000 р. городскаго дохода.
43 Арестанта мужеска пола.
7 Женщинъ арестантокъ.
26 Казармъ каменныхъ и деревянныхъ для военныхъ конюшенъ, для кавалеріи нѣтъ.
1 Смирительный домъ.
7 Богоугодныхъ заведеній.
131 Фабрикъ и заводовъ.
17 Мостовъ деревянныхъ.
3 Трактира въ городѣ.
31 Питейныхъ домовъ.

къ стѣнѣ, родъ ковчегу спереди откры-тому, наполненному уродливыми металличе-кими идолами, изображающими людей, рыбъ, змѣй и разныхъ гадовъ, засвѣтилъ три ма-ленькія восковыя свѣчи, прилѣпилъ одну къ вершинѣ ковчега и двѣ по бокамъ; взявъ при-готовленную курильницу съ благовоніемъ, три раза обводилъ ковчегъ, родъ шкапа: глубиною, шириною и высотою не болѣе аршина, три же раза пепелъ изъ курильницы высыпалъ въ поставленную на полу тарелку; потомъ взялъ двѣ губки, напо-енныя одна масломъ, другая водою, каж-дую губку обводилъ три раза около ковчега, и каждую три раза же выжималъ въ ту же тарелку; съ лѣвой стороны ковчега свѣтилась лампадка и нѣсколько свѣчъ желтаго воска теплились внутри ковчега передъ уродливыми идолами; на правой сторонѣ ковчега, къ потолоку прикрѣп-лены три небольшихъ колокола. Неболѣе десяти Индѣйцевъ были при служеніи, всѣ въ шапкахъ и босоноги. Во все вре-мя служенія, продолжавшагося съ часъ, священникъ звонилъ лѣвою рукою въ ко-локольчикъ, а правою обводилъ около ков-чега и пѣлъ со всѣми двѣ ноты, слово *Рамъ*, *Рамъ*, *Рамъ* (Богъ), только мы удержали въ памяти, а прочія слова не

могу вспомнить; *другіе звонили* въ родъ каштаньетъ, одинъ не игралъ, а скрипѣлъ на скрипкѣ или гудкѣ шѣ же двѣ ноты, и безъ-устали звонили въ три вышесказанные колокола. Подобной скуки въ жизнь свою не ощущалъ; глаза, уши и обоняніе ужасно страдали; однако знаки всѣхъ руками крестообразны, и что Жрецъ всегда *три раза обводилъ и поклоны земные*, дѣлаемые ими три раза какъ будто увѣряютъ меня, что и Индѣйцы по своему чтутъ тройственное число; но всего противнѣе показалось мнѣ, что по окончаніи службы, неопрятный жрецъ давалъ каждому по маленькому кусочку дыни, изрѣзанной на блюдѣ, поставленномъ съ правой стороны у ковчега на полу, и потомъ давалъ запивать золу и изъ двухъ губокъ выжащую жидкость. Мы принесли *имъ свою благодарность*; *они были* очень довольны и насказали намъ много пріятностей на Русскомъ языкѣ. На дворѣ уже было темненько; но мы поѣхали по улицамъ, гдѣ нѣтъ ни одного фонаря и ни одной будки, исключая по каналу пять, шесть, построенныхъ Варваціемъ. Меня увѣряли, что въ темныя ночи много бываетъ шалостей и безпорядковъ, и потому собакъ вездѣ множество, и я въ

жизнь свою не слыхалъ столько собачьяго лаю и вою, сколько здѣсь при въѣздѣ нашемъ и во всѣ дни пребыванія въ Астрахани. Въ девять часовъ были дома, и передъ ужиномъ въ неопрятной банѣ мылись; помолясь, легли спать. Цѣлыя сутки былъ нестерпимый жаръ.

10-Іюля. Въ восемь часовъ встали, и хотя очень жарко, но должны были писать; были у насъ кое-кто. Съ пяти до семи гуляли; какъ будто въ Африкѣ, зной; въ восемь обѣдали; замѣчательно въ Астрахани, что лѣтомъ, почти во всѣхъ домахъ окна цѣлыя сутки заперты ставнями, отъ жару, мошекъ, мухъ и комаровъ, и у большей части домовъ, у оконъ снаружи придѣланы желѣзныя рѣшетки; хотя будокъ нѣтъ, но у множества домовъ, коихъ считается съ лачужками около четырехъ тысячъ, стоятъ ночные стражи разныхъ націй и перекликаются; патрули видны по улицамъ. Всѣ почти домы имѣютъ лавки, даже въ Губернаторскомъ весь нижній этажъ въ лавкахъ; мы всходили на Варваціеву колокольню Собора: виды прекрасные! Легли утомленные рано, но отъ жару долго спать не могли.

11-го Іюля. Воскресенье, съ трехъ часовъ по полуночи, лилъ дождь и при-

билъ пыль; за то спало грязно; въ шесть часовъ вспали, и поторопились въ крестную церковь къ обѣдни, гдѣ службу совершалъ Архіепископъ Гаій, болѣе восмидесяти лѣтъ, но еще бодръ и благообразенъ. Послѣ обѣдни почтенный .старецъ пригласилъ насъ къ себѣ, подчивалъ, но мы благодарили: еще восемь часовъ упра было; глаголъ умнаго святаго мужа кротокъ, убѣдителенъ, простъ, откровененъ; дай-то Богъ, чтобъ всѣ Архіереи пеклись столько о вѣрѣ, благолѣпіи Церкви и о ввѣренномъ стадѣ. Мы у него видѣли портреты всѣхъ Епископовъ и Архіепископовъ, бывшихъ въ Астрахани: писаны даже хорошо, во весь ростъ безъ уменьшенія природы; по его приказанію, показывали намъ ризницу; достовѣрно могу сказать, что подобной нигдѣ не видѣлъ, по богатству и множеству. Въ Успенскомъ Соборѣ, Царскія двери кованаго серебра много-стоянія, пожертвованы первостатейнымъ купцомъ Сапожниковымъ, единственно изъ преданности къ Архіепископу Гаію — прекрасны, и вся церковь красива и необыкновенной Архитектуры; сто двадцать лѣтъ какъ вновь выстроена. Были у Коменданта, Генералъ-Маіора, 82-хълѣтняго Дельпоцо, котораго я не видѣлъ

около придцати лѣтъ; живой старецъ, память какъ у молодаго, разговоръ быстрый и умный! Были въ Католической церкви, гдѣ много Армянъ и Армянокъ; чинно происходила служба и чинно всѣ внемлютъ, не такъ какъ въ столицѣ. Одиннадцать часовъ утра и небо прояснилось, показалось солнце, не такъ жарко, и улицы со скоростію высыхаютъ. Мы дома; я въ задумчивости пишу; товарищъ мой тоже занятъ; въ это время, доложась, вошелъ имянитый богатѣйшій купецъ Сапожниковъ, въ гарнитуровомъ голубомъ Русскомъ безъ кушака кафтанѣ, съ двумя золотыми медалями на груди, обложенными крупными бриліянтами, ростомъ великъ, сѣдовласъ, съ большою сѣдою жъ бородою, вся наружность привлекательна и значительна, мастерище говоритъ, и тонко судилъ, довольно начитанъ; но такъ какъ я обратилъ разговоръ на расколы, онъ съ кротостію защищалъ Старообрядцевъ, никогда не упоминая слово раскольникъ; я ему совѣтовалъ прочесть *Камень соблазна, Мнятія*; онъ съ благодарностію взялъ записку; очень доволенъ былъ мною, когда я отдавалъ справедливость, хвалилъ жену меньшаго его сына, которой онъ еще не видалъ, а я по Петербургу знаю.

Просилъ къ себѣ, и мы разстались. Астраханская рыбная торговля въ рукахъ нѣсколькихъ богачей; рыба здѣсь, какъ говорятъ, въ ротъ сама идетъ. Гуляли по грязнѣйшимъ улицамъ; жалко смотрѣть на лачужки, въ такомъ городѣ, гдѣ бы должно всѣму процвѣтать. Ермоловъ еще не былъ здѣсь: Грузія его занимаетъ. Обѣдали въ третьемъ часу, много говорили; товарищъ мой не хвалитъ меня, что я всѣмъ правду говорю; что дѣлать? но мнѣ поздно перестать истиною руководиться. Въ пять часовъ прибылъ Дельпоцо; разумный старикъ: чего онъ намъ не разсказывалъ! Въ шесть часовъ пришелъ ко мнѣ С. С. Лашкаревъ, хорошій человѣкъ, что женатъ на Лазаревой *племянницѣ, и я оставивъ товарища*, пошелъ къ нему, возобновилъ знакомство съ женою его; познакомился съ дѣвицами Ивановыми, богатыми, умными, любезными, острыми; другой разъ по выѣздѣ изъ Петербурга пилъ чай, что есть чрезъ 40 дней! Въ девять дома съ перомъ въ рукахъ — и день кончился.

12-го Іюля. Утро проведено въ писаніи и гуляньи; съ Лашкаревымъ ѣздили къ Сапожникову; проливной дождь; и мы въ каретѣ его *поѣхали званые обѣдать къ* Комендантшу Дельпоцо. Старикъ радъ былъ,

предсѣавилъ насъ своей родственницѣ, гдѣ много обѣдало чиновниковъ Астраханскихъ: разговоръ продолжался, до обѣда начатый о злоупотребленіяхъ по губерніямъ, о чиновникахъ скоро богатыми дѣлающихся, хотя Философскаго камня не нашли; горбатыхъ единая могила исправитъ! Діогенъ давно сказалъ, что воришковъ ворами называютъ, а воры первостатейные разумниками именуются; и что большіе воры осуждаютъ и ведутъ на казнь воришковъ. Вздохнешь и вспомнишь Анахарсиса, которой уподоблялъ Солоновы законы паутинѣ: большая муха прорветъ сѣть и пролетитъ, а маленькая запутается и остается на съѣденіе пауку. — Поблагодаря хозяина за угощеніе, пошелъ къ Лашкареву, гдѣ нѣжный полъ очень любезенъ: кротокъ и съ хорошимъ воспитаніемъ, особенно двѣ сестрицы, хозяйки. Дома въ занятіяхъ: готовимся въ Тифлисъ.

13-го Іюля, въ пять часовъ проснулся; хотѣлъ кончить письма, не удалось; я за перо, а Сапожниковъ съ сыномъ и зятемъ въ дверь; Дельпоцо такъ же пріѣхалъ, товарищъ мой пробудился, и мы поѣхали на Учугъ Чаганскій, К. А. Б. Кур. на рѣкѣ Чаганѣ, впадающей въ Волгу; дороги, осо-

бенно въ карешахъ, нѣсколько верстъ нельзя похвалишь; пересѣли въ каперъ большой, рѣка волновалась, *не люблю;* подняли паруса, каперъ быстро разсѣкалъ волны; гребцы хотя Калмыки, но одинъ другаго молодцовашѣе; пріѣхали на Учуги, позавтракали на берегу, сѣли опять въ каперъ, чтобъ ближе осмотрѣть ловлю осетровъ и севрюги. Заколы, подобно какъ на Невѣ для ряпушекъ, но крѣпче; болѣе 200 поймали, менѣе часу; лодочекъ было съ пятьдесятъ, въ каждой по два человѣка, во многихъ женщины, дѣвушки, даже дѣти, и всѣ въ родѣ вуалей, отъ солнца и насѣкомыхъ, въ перчашкахъ; искусно и проворно, ударяютъ рыбу вынырнувшую, деревяннымъ молоткомъ въ голову, она скроется и опять вынырнетъ, ее багрятъ и тащатъ въ лодку. Признаюсь, предъ прочими охотами, эта мнѣ болѣе понравилась. Весело и пріятно смотрѣть. Иныя лодочки поймали по семи и болѣе, получаютъ платы за каждую бѣлугу 2 руб. 55 копѣекъ, за осетра рубль пятьдесятъ копѣекъ, за севрюгу полтину; при насъ не было лову бѣлугъ: не то время; въ удовольствіе наше остановили охоту, и всѣ лодочки причалили къ берегу къ выстроеннымъ анбарамъ; со скоростію втащили

ихъ, съ искуствомъ и проворствомъ распластали, отдѣляя икру, клей, вязигу, солили; при насъ паисную икру въ десять минутъ приготовили, и два мѣшка подарили. Справедливо скажу: порядокъ, точность, тишина — соблюдены, что доказываетъ знаніе своего дѣла, сына старшаго Сапожникова, который сохраняетъ бороду; но жаль, что въ *сюртукѣ*, а не въ Русскомъ кафтанѣ; въ немъ виденъ человѣкъ начитанный, имѣетъ даръ глагола и математическую ясность въ мысляхъ. Обѣдъ, данный Гг. Сапожниковыми, хоть бы въ С. Петербургѣ въ первѣйшемъ домѣ, по всѣмъ отношеніямъ; и услуга, и чистота отличны. Принеся нашу благодарность, поѣхали въ Астрахань, куда въ семь часовъ прибыли, кончили свои письма; одѣлись по бальному и въ девять часовъ были уже у Лашкаревыхъ и Ивановыхъ. Тутъ было болѣе сорока Армянокъ; почти всѣ хорошенькія, много въ національныхъ платьяхъ, и безъ перчатокъ, и пальцы унизаны бриліантовыми перстнями, что очень не нравится; головы хорошо убраны; а что всего лучше— у всѣхъ почти глаза огнемъ наполненные, черные, и всѣ малорѣчивы, стыдливы, что болѣе привлекаетъ сердца; танцуютъ

большею частію прелестно, исключая Армянской пляски, которой молоденькія не любятъ, монотонна или единообразна и скучна; то ли дѣло наша Русская пляска единая въ мірѣ, и всѣ Французскія, Нѣмецкія, Италіянскія, Англійскія и проч. должны преклонить колѣна предъ Русскою, говорящею плясною! Товарищъ мой танцовалъ безъ *устали*, и *всѣ полюбили* его, и вашъ покорный слуга съ первою красавицею, вдовушкой двадцати-лѣтней М. М. урожд. Г., съ премилыми дѣвицами С. М. И., С. Я. Б. и съ другими. Русскія, бывшія тутъ, должны были уступить преимущество въ красотѣ Армянкамъ. Музыканты играли безъ нотъ до четырехъ часовъ, и очень не дурно. Ужинъ прекрасный, во время котораго, я упросилъ многихъ снять перстни и оставить старый обычай, носить перчатки; кажется, съ благодарностію приняли мой совѣтъ, и тѣмъ доказали свою кротость.

14-го Іюля. — Въ пятомъ часу утра, распростясь со всѣми бывшими на балѣ, поѣхали домой; переодѣвшись, сѣли въ шлюбку, и въ шесть часовъ переѣхавъ Волгу, оставили Астрахань. Экипажи перевезены были на паромѣ, насъ провожали: Лашкаревъ Сергѣй Сергѣевичъ, Князь Да-

выдъ Меликтановъ, сынъ гостепріимной хозяйки — Горбуновъ, и другіе, снабдили винами и разными съѣстными припасами.

15-го. Въ Кумской станціи, почтовой домъ дуренъ, конюшень нѣтъ, жалко смотрѣть на лошадей, однако почти всѣ хороши; ѣхали почно Ливійскими полями или степями: зной солнечный, раскаленный песокъ, и вокругъ, кромѣ обгорѣлой травы, ни чего не видно; въ одиннадцать часовъ на станціи Бѣлое озеро; только и видишь людей при перемѣнѣ лошадей, и какую нибудь встрѣтишь старую женщину; тамъ и сямъ пасутся верблюды. Калмыки и ужасно нечистыя ихъ кибитки обращили со вздохомъ мое вниманіе. Въ каждой кибиткѣ посреди уголья, и мефитическій воздухъ, съ дымомъ, не пріятенъ и глазамъ и обонянію, дѣти закоптѣлыя отъ дыму и солнца, не похожи на людей, точно головешки, — дѣвушки и немаленькія, безъ покрова, какъ мать природа произвела на свѣтъ; грустно и душѣ больно; я съ ними говорилъ, подходилъ близко, и уговаривалъ жить въ избахъ; на меня смотрѣли, ни чего не отвѣчая. Ямщики, не смотря что Калмыки, молодцы. Степь разнообразна и воды — солончаки; мы по готовой соли ѣхали, ходили; и я

лилъ слезы отъ благодарныхъ чувствъ къ Богу; какъ все это приближаетъ къ истинному почитанію Промысла; путь же какъ бы нарочно, для утѣшенія человѣческаго, летаютъ или по солончакамъ *елуно, еордо* гуляютъ бабы птицы, лебеди осанисто, фламаны красиво, гуси и утки просто; если бы время, сколько сравненій можно написать. Всѣ сіи птицы не приступны по дикости своей; лишь взвидятъ человѣка, ужь подъ облаками, а люди спѣсивые видятъ, да не хотятъ видѣть себѣ подобнаго. Въ шестомъ часу по полудни, оставили за собою Астраханскую губернію въ Худоцкой станціи и въѣхали въ Кавказскую. Отъ С. Петербурга, родныхъ и любезныхъ далеко, далеко! До сихъ поръ проѣхавъ болѣе шысячи верстъ степями, долженъ признаться, что или за наказаніе, или изъ нужды, или по службѣ, или изъ прямой любви къ отечеству, можно предпринять столь трудное путешествіе; однако если кто готовитъ себя быть полезнымъ отечеству, особенно родясь на высокой степени, тотъ неоспоримо долженъ знать свою родину не по Географіямъ, а самому видѣть, судить и достигнувъ званія дѣловца Государственнаго, извлекать пользу изъ каждой губер-

ніи; таковый чиновникъ заботится о назиданіи истиннаго счастія соотчичей, о благѣ великаго Россійскаго народа.

16-го Іюля. — Всю ночь въ дорогѣ, въ шесть часовъ утра на развалившейся станціи Горшкинской, въ девять въ Адхиханской, гдѣ смотритель почты напугалъ насъ о опасности дороги, что вчера къ нему вошли четверо вооруженныхъ Персіянъ, что хотѣли заколоть, и что онъ съ Татарами, своими ямщиками, напалъ на злодѣевъ, отнялъ у одного ружье, которое и показывалъ намъ, а прочіе де разбѣжались; правду сказать, въ степяхъ, горахъ и въ глуши, слыша подобные разговоры, родятся незабавныя мысли; впрочемъ на меня, не такъ-то храбраго, никакого вліянія не сдѣлало, а на товарища моего и менѣе того. Богъ даетъ крѣпость душевную и слабымъ духомъ, когда предстоитъ опасность; мы доѣхали счастливо до станціи Бороздинской. Съ сей станціи въ первой разъ, шестью козаками были сопровождаемы; съ конвоемъ безопаснѣе и даже *веселье*; однако у меня, какое-то новое чувство родилось, въ отечествѣ своемъ — и не быть безъ страха! Что дѣлать, сосѣди дикари неугомонные: Чеченцы, Персіяне, Кабардинцы, Лезгинцы и

другіе. Переѣхали на паромахъ двѣ рѣки Прорву и Борозду, впадающихъ въ Терекъ. Въ четвертомъ часу по полудни, при множествѣ провожашыхъ, въѣхали въ *Кизляръ*; остановились въ домѣ богатаго Армянина Ломизова, по письму С. С. Лашкарева, которому онъ родственникъ; жарко и вѣтрено, дорога не слишкомъ хороша, особенно одна яма, лошади по морду въ грязи; по моей просьбѣ, въ два часа зарыли яму, и благословенія неслись на главу мою, особенно бѣдняками. Кизляръ городъ деревянный, садовъ виноградныхъ много; завтра напишу болѣе; только что опобѣдали въ семь часовъ и кинулись на солому, крайне упомленные отъ дороги и жару.

17-го Іюля. Вчера осмотрѣли все; жителей мужескаго пола около 4000; Армянъ 2500, Грузиновъ болѣе 400, Русскихъ 41 человѣкъ, есть еще разные пришельцы. Церкви изрядныя, а Соборная Армянская — недоконченная, дорога́ и будетъ хороша; смѣта положена болѣе трехъ-сотъ тысячь рублей, и большая часть денегъ нашего гостепріимнаго-хозяина Ломизова, который, по наружному одѣянію своему, не обѣщаетъ своего богатства, чуждъ свѣтскихъ учтивостей. Осматривая крѣпость,

взглянулъ на арестантовъ закованныхъ, присланныхъ Ермоловымъ; двое изъ оныхъ такъ ужасно посмотрѣли на меня, казалось, что кинжалъ убійственный въ груди моей. Комендантъ имѣетъ обширные виноградные сады; Городничій Швецовъ очень хорошій молодой человѣкъ, былъ и таможенный начальникъ. Въ семь часовъ утра сопровождаемые шестью козаками выѣхали изъ Кизляра. Богъ вселилъ покой въ душу мою; шесть станцій до Наура, болѣе 150 верстъ, по палящимъ степямъ; такого жару не ощущалъ никогда; ѣли два раза подъ огненнымъ солнцемъ на зной-номъ пескѣ. Вода вездѣ дурная; въ послѣдней станціи домики, а въ пяти предыдущихъ небо и песокъ. На послѣднюю пріѣхали въ десять часовъ вечера, очень было темно; тутъ совѣтовали не ѣхать и что ни кто не ѣздитъ хотя и съ конвоемъ; и мнѣ не хотѣлось, но товарищъ мой убѣдилъ меня, и тѣмъ болѣе я рѣшился, что ямщики Татары пугали, а Русскіе, смѣясь намъ ними, опасности не предвидѣли; перекрестясь усердно, поѣхали, однако конвой былъ увеличенъ. Опасностей конечно много, но — должно Рускому дворянству имѣть понятіе обо всемъ, чтобъ въ послѣдствіи умѣть разсуждать.

18-го Іюля. Въ часъ по полуночи пріѣхали въ Науръ, остановились въ казенномъ домѣ, поѣли супу и легли спать на матрасахъ, принадлежащихъ квартирующему тутъ Подполковнику Петрову, Командиру Моздокскаго козачьяго полка; въ сіе время онъ былъ съ женою на Кислыхъ водахъ. Въ восемь часовъ были уже одѣты, и насъ посѣтилъ Подполковникъ Поповъ, Командиръ 19-го Егерскаго полка и Комендантъ Наурскій. Когда, по его желанію, вручилъ я ему записку о себѣ, онъ съ радостнымъ лицемъ привѣтствовалъ меня и между прочимъ говорилъ: „я васъ знаю, вы „истинный патріотъ, я ваши труды съудовольствіемъ читалъ, читаю и буду читать; „вы вашимъ перомъ воспламеняете любить „отечество и Государя своего.“ Я краснѣлъ; но пріятнѣе было слышать похвалы на *линіи*, нежели въ С. Петербургѣ. Тамъ у насъ *мода* дѣйствуетъ на все и на умы, знанія и даже на поведеніе; здѣсь большею частію правдою руководствуются — и ложь мало извѣстна. Церковь одна, жителей 1500. Въ одиннадцатомъ часу, поблагодаря за ночлегъ, пустились далѣе и проѣхавъ быстро съ молодцами, Моздокскими козаками 57 верстъ, при благопріятной погодѣ достигли давно желаемаго Моздока, и что жъ

увидѣли? Деревянные домики, мазанки, почти всѣ соломою крытые, семь церквей очень небогатыхъ. Комендантъ Котыревъ больной поставилъ намъ караулъ, что было и въ Наурѣ. Мы пошли по городу, доходили до Терека, быстрѣйшей и прешумной рѣки; въ семь часовъ обѣдали хорошо, въ домѣ Ерловой. Купивъ соломы дорогою цѣною, походили еще по городу; мало встрѣчали, а женщины ни одной; многія изъ нихъ выглядывали изъ домиковъ своихъ; но лишь взглянутъ, тотчасъ скроются. Большая часть мужчинъ поѣхали на Макарьевскую ярманку, а потому жены ихъ, матери и дочери сидятъ или дома или въ своихъ садикахъ, и единообразно проводятъ время. Въ десятомъ часу мы легли спать.

19-го Іюля. Понедѣльникъ. Комендантъ Котыревъ говорилъ, что, безъ военныхъ, 7000 жителей въ Моздокѣ, Армянъ болѣе всего, а Россіянъ менѣе; потъ живутъ Осетинцы, Грузинцы, Кабардинцы, Чеченцы и Каполики-Армяне. Чеченцы нынѣ такъ усмирены почтеннымъ Ермоловымъ, что нанимаются возить хлѣбъ Рускимъ отсюда въ Тифлисъ и на линію, но всегда страшно вооружены, и всегда провожаетъ ихъ какъ дѣтей, чтобъ не нашали-

ми дорогою, команда, хорошо вооруженная, съ пушками и съ зажженнымъ фитилемъ. Прибавить должно, что мы ѣхали отъ злодѣевъ Чеченцовъ, отъ 60 до 20 верстъ близости, но ничего не случилось. Дорога отъ Наура до Моздока хоть шаромъ покати; слѣва видны въ дали горы, и извилистый Терекъ, есть деревья и множество *дикихъ розъ, съ правой степь*, обработанная же степь къ Тереку.

Сего дня всталъ въ пять часовъ, написалъ свой журналъ, въ восемь пили кофе, потомъ сѣлъ подгорюнившись у окна: много идей пробѣжало въ головѣ моей, слезы нечувствительно выкапались, а все отъ того, что нѣтъ вѣстей изъ столицы, что не вѣдаю о здоровьѣ родившей меня, и о близкихъ сердцу моему. Желая разсѣять себя, взялъ читать какое-то вздорное *путешествіе по Крыму*, безъименнаго Француза. Въ часъ сѣли обѣдать; Моздокское вино даже хорошо; жары и усталость отняли позывъ къ ѣдѣ, три дни ѣлъ — чтобъ ѣсть, безъ всякаго желанія, сего дня какъ здоровый. Моздокскій нѣжный полъ, подобно Астраханскимъ дамамъ, завернуты съ головы до ногъ въ бѣлыя простыни. Нашу хозяйку *Ерлову наконецъ* увидѣлъ въ саду запущенномъ; на мой по-

клонъ отвѣчала поклономъ, краснѣя; на мои привѣтливыя слова отвѣта не было, повторился только поклонъ, и дѣвушка ея тоже, но съ грубостію и ни какой услуги не хотѣла оказать; хорошо, что у насъ все нужное съ собою, а то бѣда; по-ли дѣло въ другихъ городахъ, такъ и ухаживаютъ. Нездоровый Комендантъ Копыревъ увѣдомилъ лично насъ, что завтра мы можемъ пуститься къ Тифлису, что онъ уже свои распоряженія сдѣлалъ, насъ будутъ провожать около ста человѣкъ пѣшихъ солдатъ, съ одною пушкою, и шесть козаковъ, самое сентиментальное, прогательное путешествіе! Уложились, въ девятомъ часу предались покою.

20-го Іюля. Дождь, сыро, въ пять часовъ встали, въ семь выѣхали; до Терека пять верстъ,—предурная дорога, новая дѣлается, въ два года будетъ готова и прямѣе; въ девять съ половиною, въ четыре пріема, на дурномъ паромѣ переѣхали; каждаго ужасъ обниметъ, видя нѣсколько сотень вооруженныхъ полунагихъ, съ звѣрскими лицами, загорѣлыхъ, брадатыхъ Лезгинцевъ, Осетинцевъ, Кабардинцевъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Нагайцевъ, Татаръ и другихъ; но мой ужасъ еще болѣе увеличился, когда меня окружили нѣсколько десятокъ изъ

оныхъ, и чрезъ переводчика, просили приказать заплатить имъ недоплаченное за перевозку хлѣба; справедливая, или нѣтъ, была ихъ просьба, не знаю; но я, чтобъ отвязаться отъ страшилищъ, обѣщалъ всѣ желанія ихъ исполнить, и чтобъ далѣе отъ себя отвлечь, указалъ на молодаго по отдаль стоящаго, лѣпообразнаго моего товарища; они, увидя на немъ звѣзду и кресты, оставили меня и обратились къ нему съ тою же просьбою; и онъ имъ все посулилъ; они остались довольны; между тѣмъ, мы стояли на берегу и съ изумленіемъ смотрѣли, какъ сіи дикари гоняли быковъ изъ Моздока чрезъ Терекъ. Одна часть гонитъ быковъ по Моздокскому берегу, противъ теченія; и вдругъ съ быками бросаются въ Терекъ, которая быстротою своею стремитъ ихъ по теченію; тогда, видишь безстрашіе сихъ нагихъ страшилищъ, то на быкахъ, то схватясь за рога, крутятся вмѣстѣ въ водѣ; другіе въ это время нагіе же кидаются съ берега противо-лежащаго, гдѣ мы стояли, и помогаютъ тѣмъ извлечь быковъ изъ рѣки; мудрено описать эту картину, такъ она необыкновенна; кажется, видишь Американцовъ въ самой дикости своей. Жаль, что единственный

Державинъ скончался: только ему, его великому дару можно бы, въ стихахъ высокихъ, начертать Терекъ, и дать выспреннему своему разуму піитическую пищу. Нынѣ только и пишутъ нищенскія Баллады, посланія, пѣсеньки и подобныя бездѣлки. Одинъ Мерзляковъ Поэзіею занимается, а Каченовскій учитъ какъ писать прозу, и судитъ какъ Болтинъ.

Коль скоро наши экипажи, были перевезены, мы сѣли у редута Александровскаго, недалеко отъ берега построеннаго; тутъ Комендантъ Гильденгофъ. Отъ сего укрѣпленія до редута Константиновскаго 33 версты. Половина дороги гориста и не слишкомъ лѣсиста; малая Кабарда; провожавшій насъ живой офицеръ Никановичъ; говорилъ, что въ лѣсахъ водятся кабаны вѣсомъ въ двѣнадцать пудъ, козы, олени, зайцы, много разнородныхъ птицъ; но мы видѣли только дикихъ козъ, красиво прыгавшихъ и красивыхъ фазановъ. Есть также и другіе звѣри; но злѣе всѣхъ Лезгинцы. Проѣхавъ двѣнадцать верстъ, между горъ, въ ущельѣ, на сырой травѣ, у колодца, выкопаннаго Генераломъ Дельпоцомъ, обѣдали холодное, вмѣстѣ съ офицеромъ, и солдаты тоже дѣлали; а козаки на горахъ фланкерами. Въ началѣ сего го-

да, въ этомъ ущельи, на возвращающуюся изъ Тифлиса почту, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ козаковъ съ унтеромъ, напали было нѣсколько десятокъ Лезгинцевъ. Горы зеленыя зрѣнію пріятны, черноземъ вездѣ, и ежели бы Лезгинцы воздѣлывали землю, не имѣли бы времяни убійствомъ и грабежемъ заниматься, нынѣ смирнѣе стали: имя Ермолова страшитъ ихъ, онъ не шутитъ, а смерти предаетъ злодѣевъ. Въ семь часовъ по полудни въѣхали въ Константиновской редутъ, гдѣ Комендантъ Капитанъ Тимошевскій, молодецъ и очень мнѣ понравился своимъ образомъ мыслей. Поваръ приготовилъ намъ ужинъ, и мы послѣ онаго въ казармѣ тѣсненькой легли на сѣно, и крѣпко заснули; давно я такъ не уставалъ; 33 версты мы ѣхали въ колескѣ, верхомъ и шли, всего времяни десять часовъ.

21-го Іюля. Вставъ въ шесть часовъ, хотя дождливо было и грязно, но я осмотрѣлъ редутъ; нельзя сказать, чтобъ укрѣпленіе было слишкомъ хорошо, и казармы ветховаты; тутъ стоятъ двѣ роты и въ амбразурахъ, на платформахъ, четыре пушки; здѣсь живутъ по необходимости какъ пустынники и вѣчно въ трудахъ; вотъ такова служба — точно

служба и заслуживаетъ уваженіе и награды: всякой день держи ухо остро, и всякой день думай драться.

Въ 8-мь часовъ утра выѣхали, при той же необходимой церемоніи: сто человѣкъ пѣхоты съ заряженными ружьями, двѣнадцать козаковъ и пушка. Вчера едва доѣхали на дурнѣйшихъ, некормленныхъ лошадяхъ, данныхъ намъ за деньги въ Моздокѣ. Сего дня на славнѣйшихъ, едва въ часъ и 25 минутъ переѣхали семиверстовую крутую гору, (цѣпь сихъ горъ, большая Кабарда): трудность переѣзда умножилася отъ трехъ-дневныхъ дождей, ужасно стало грязно; почтенные солдаты почти на плечахъ вывезли коляску; въ бояхъ, трудахъ — всегда молодцы. Порутчикъ провожавшій насъ, Серро, родомъ Грекъ, очень порядоченъ; жаль что не говоритъ по Гречески. Оставя гору за собою, тѣлохранители наши отдыхали и ѣли, и мы тоже дѣлали. Гора, которую мы проѣхали, черноземъ, съ обѣихъ сторонъ покрыта лѣсомъ; дорога сажени полторы шириною, и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, солнечные лучи мало доходятъ, а потому не скоро высыхаетъ гора; однако есть красивые виды, орѣшникъ, дикія розы, липа, дубъ. На восьмой верстѣ соединяются

горы; тутъ-то было, по словамъ Серро, нѣсколько нападеній на козаковъ. Съ сего мѣста дорога до Елисаветинскаго редута почти хороша, но все-таки горы, между ними есть и долины; по горамъ съ обѣихъ сторонъ ѣхали Фланкеры, по три козака. Встрѣтили почту изъ Елисаветинскаго редута 15 козаковъ и 15 пѣшихъ: такое распоряженіе сдѣлано послѣ выше-сказаннаго нападенія. У самаго редута проѣхали мостъ чрезъ рѣчку Камбелейку; тутъ на поляхъ, косятъ солдаты и козаки вооруженные, не смотря что живутъ мирные Осетинцы — но все злодѣи. Съ правой стороны не оставляютъ путешественника горы большой Кабарды; слѣва отлого. Въ три часа по полудни пріѣхали въ Елисаветинскій редутъ, гдѣ Комендантъ Маіоръ Устиновъ. 28 верстъ ѣхали въ колескѣ, верхомъ и шли, всего времени семь часовъ: есть время наговорится, надумаешься и наглядѣться. Въ низенькой казармѣ съ малѣйшими окнами, только что расположились обѣдать, пріѣхалъ изъ Индіи и Персіи, чрезъ Тифлисъ, Англійской Гусарской двадцати-двухъ лѣтній Капитанъ Иванъ Ло; послѣ пяти словъ отъ товарища моего на Англійскомъ языкѣ, съ видимою радостію сѣлъ за нашъ столъ, все хваля, ѣлъ

въ обѣ щеки, увѣряя, что при себѣ, кромѣ чаю, ни чего не имѣетъ, и что давно такъ хорошо не обѣдалъ; выпилъ къ горести нашей цѣлую бутылку мадеры: это не шутка въ дорогѣ и на Кавказской линіи; при немъ какой-то смышленый переводчикъ, Жидъ или Нѣмецъ, не знаю; молодой Иванъ Ло говорилъ о себѣ, что хотѣлъ; будто рисуетъ, будто пишетъ свой журналъ; я послѣ обѣда по Французски увѣрялъ его, что онъ ни чего не пишетъ: ибо не спросилъ даже — у кого онъ имѣлъ честь обѣдать, и насильно далъ ему записку о товарищѣ моемъ и о себѣ. Вотъ такъ-то ѣздятъ иностранцы по Россіи, и потомъ выдаютъ огромные свои журналы. Горе намъ! — Въ десяти верстахъ отъ сего редута живутъ крещенные Осетинцы въ аулахъ своихъ, хуже нашихъ презамараннихъ избъ. Въ 8 часовъ мы легли спать, дождь лилъ, грязно, и что за пріятность гулять въ редутѣ стѣсненномъ; я однако успѣлъ быть у Коменданта Успинова: пилъ чай, и познакомился съ его сестрою; се одна дама, которую видѣлъ, оставя Моздокъ.

22-го Іюля. Въ шесть часовъ утра, уже были мы готовы, отпили и кофе, Иванъ Ло, Англичанинъ, тутъ какъ тутъ;

простились, семь часовъ пробило, съ тою же церемоніею отправились; дорога хороша; проѣхавъ верхомъ и прошедъ 16 верстъ, остальныя восемь, въ открытой коляскѣ, съ козаками только рысью поѣхали въ Владикавказъ, куда прибыли въ часъ по полудни. Провожавшій насъ Штабсъ-Капитанъ Токаревъ, препорядочный молодый человѣкъ. Дорогою справа Кавказскія гор[illegible], снѣжныя, при тучныхъ облакахъ, мало были видны. Вышедъ изъ коляски, прямо пошли къ Владикавказскому Коменданту, Полковнику Николаю Петровичу Скворцову, человѣку хорошему, отличному, кроткому и дѣло свое исправно выполняющему: такъ о немъ всѣ говорятъ, и всѣ хвалятъ. Послѣ привѣтствій, просилъ обѣдать; мы съ удовольствіемъ остались. Явилась супруга гостепріимнаго Скворцова, Марья Ивановна, дочь покойнаго Генералъ-Майора Ушакова, двадцати одного года, съ четырьмя дѣтьми: прекрасна собою и самаго любезнаго, умнаго обращенія; мать ея, лѣтъ сорока, привѣтлива и пріятна; обѣдъ хорошъ, и вино тоже; въ пять часовъ мы были въ чистомъ домѣ; распорядились, оставивъ коляску и кибитку большую здѣсь; а самимъ съ егеремъ и поваромъ, при одной кибиткѣ, ѣхать въ Тифлисъ верхомъ; горько мнѣ

было такое учрежденіе, но нечего было дѣлать; должно повиноваться обстоятельствамъ. Въ седьмомъ часу, мы опять пошли къ Коменданту, поговорили и о томъ и о другомъ, пили чай; товарищъ вскорѣ отправился спать, а я упрошенный остался ужинать, и чрезвычайно былъ доволенъ бесѣдою нѣжнаго пола; въ одиннадцать часовъ былъ у себя, написалъ журналъ, почиталъ и предалъ себя, послѣ молитвы, сладкому успокоенію.

23-го Іюля. Ночь ливнемъ лилъ дождь и утро тоже; въ шесть часовъ мы были готовы, а выѣхали въ десять; дождь пересталъ; грязь ужасная; безъ пушки, только придцать пѣшихъ солдатъ и шесть козаковъ провожали *до редута Новинки,* который занимаетъ офицеръ съ сорока рядовыми для охраненія дороги; шесть верстъ показались мнѣ шестидесятью; дорога гладка, съ лѣва шумитъ Терекъ, вдали со всѣхъ сторонъ горы, и видѣнъ снѣжный и ледяный Казбекъ. Еще шесть верстъ и мы въ слободѣ и крѣпостцѣ *Балтѣ*; несносная дорога! хотя и красива природа, ни въ чемъ нельзя пріятно проѣхать; *я*, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ кибиткѣ, — ужасъ худо, безъ вины *страждешь*, а въ хорошемъ экипажѣ жаль. Передъ *Балтою* горы лѣси-

спы, Терекъ шумнѣе и долина пропивулежащая прелестна. Редутъ *Гайдукино* или Максимовка, восемь верстъ, нестерпимая дорога, каменистая и *прерябая*; еще шесть верстъ до крѣпостцы *Ларси*; вообще двадцать четыре версты, горы обнаженныя, каменныя, высотою отъ трехъ-сотъ саженъ до версты и болѣе, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казались; ѣхали по подошвѣ оныхъ я пѣшкомъ, и нѣсколько разъ верхомъ; страшно и трудно; съ права ужасъ наводятъ горы, съ навислыми выступами и съ торчащими по бокамъ большими деревьями, кажется отторгнутся и размозжатъ путешественника; съ лѣва не перестаетъ шумѣть Терекъ, катаетъ большіе каменья, какъ камешки; дорога шириною отъ двухъ саженъ и въ половину менѣе; съ права какъ сказалъ раздавятъ тебя горы; съ лѣва оступясь полетишь въ Терекъ. Въ шестомъ часу по полудни добрались съ большимъ трудомъ до Ларси; я ужасно упомился, отъ пѣшеходства и верховой ѣзды, въ сорокъ пять лѣтъ, и не мудрено; дай Богъ каждому выдержать несносный жаръ, и вдругъ, взойдя на горы, проницательный холодъ; въ грязи, въ водѣ, и весь промоченъ насквозь отъ дождя и высушенъ отъ прямыхъ лучей солнечныхъ; благодарностив

Богу! я здоровъ, какъ молодой. На пути къ Ларси, страшно и пріятно проходишь или проѣзжаешь, по крутому берегу сердитаго Терека; въ двухъ мѣстахъ, на нѣсколько саженъ, сдѣлана дорога въ горѣ, взрывомъ пороха: высока, широка и ужасна; надъ тобою висятъ двѣ громады ужасающей скалы, высунувшейся отъ родившей ее горы, если *критика* позволитъ такъ сказать. — Въ крѣпостцѣ *Ларси* Капитанъ и Комендантъ съ женою и тремя дѣтьми, уступалъ намъ въ сажень квадратную компанiю: благодарили, не желая стѣснить семейство его, и безъ того стѣсненнаго; мы избрали для своего ночлега казарму; въ дорогѣ все перенесешь, и Богъ даетъ здравiе. Душею жаль офицеровъ, которые прямо служатъ, ежечасно въ опасностяхъ, не вкушая никакихъ пріятностей жизни; однако веселы и съ мужествомъ довольны. Смѣйтесь, критики, а я опять повторю, что дорога по подошвѣ цѣпи Кавказскихъ горъ, узка, гориста, и большею частiю дурна. Конечно горы плѣнительны дикостiю и разнообразiемъ; но естьли бы всё сiе не сопряжено было съ такою опасностiю и безпокойствомъ; Казбекъ видѣнъ, но мы не доѣзжали до него. Въ жизни разъ можно жер-

тву сію сдѣлать по охотѣ, и то мущинамъ, *служба другое дѣло, куда пошлютъ, ездѣ хорошо.* Присяга съ благородною душею все переноситъ, съ твердостію и безъ ропота; такими мужами гордится древность; таковы почти всѣ Русскіе, особенно готовящіеся въ военное поприще; таковыхъ я знаю нынѣ живущихъ, кои готовы, по велѣнію Государя своего, летѣть на край Свѣта, для блага своего отечества. Кто осмѣлится не почитать *истинныхъ военныхъ людей?*

Въ Ларси съѣхалось много чиновниковъ изъ Тифлиса и Владикавказа съ разными порученіями; познакомился съ двумя Греками, одинъ Султанинъ, другой Геракопуло, молодцы. Крѣпостца выстроена въ Тагаурскомъ ущельѣ, красиво и дико; — въ сорока саженяхъ глубины, аулъ крещенныхъ Осетинцевъ; я было пошелъ къ нимъ, но солдаты отсовѣтовали, прибавя, что они не любятъ новыхъ лицъ, можетъ случиться и бѣда. Осетинки всѣ почти прекрасны, не смотря, что обгорѣли, и въ изорванномъ одѣяніи; лица ихъ правильны и глаза выразительны.

Въ избранную нами казарму съ крошечными безъ стеколъ окнами, съ земляным поломъ, купили сѣна и соломы; по-

спали себѣ постели и кончивъ обѣдъ и ужинъ въ семь часовъ, въ восемь, легли почивать; дождь идетъ.

24-го Іюля. Ночь, на сіе число, провели въ мученіяхъ; милліоны насѣкомыхъ терзали насъ, особенно черные прыгуны; однако мы крѣпко отъ устали заснули, предавъ себя на съѣденіе; безъ всякаго прибавленія, проснувшись въ шесть часовъ, спалъ одѣвашься, увидѣлъ себя безъ сапоговъ, въ сапогахъ: великое-то множество черныхъ прыгуновъ! Нечего дѣлать, одѣлись, и вышли на чистый воздухъ; солнце освѣщало окружности велелѣпно. Вчера отъ того не доѣхали до Дарьяла, что громошумящій, быстротечный Терекъ, силою своею оторвалъ часть дороги сажени на три; остались на оторгнутомъ мѣстѣ гора и Терекъ.

Въ семь часовъ утра, товарищъ мой, желая удостовѣриться, поѣхалъ къ Дарьялу; при насъ Терекъ, съ ужаснымъ шумомъ, оторвалъ еще дороги на двадцать и болѣе саженъ. Первую, какъ утверждалъ офицеръ, бывшій у меня кадетомъ, можно дни въ четыре поправить, при двухъ-стахъ рабочихъ, вторую и въ мѣсяцъ мудрено. И такъ наше желаніе быть въ Тифлисѣ не выполнилось; признаюсь, для ме-

ня и вышеписанныхъ трудностей довольно; въ Тифлисѣ я только и хотѣлъ видѣть Ермолова и Митрополита Ѳеофилакта; перваго зналъ кадетомъ, втораго и свѣтскимъ и Архіепископомъ; а впрочемъ, по словамъ многихъ, Тифлисъ мало имѣетъ достопамятностей. Когда товарищъ мой отъѣхалъ осмотрѣть дорогу, я оставался въ крѣпости, окруженный горами, врагами и смертельною скукою; два часа показались мнѣ недѣлею. Явился товарищъ мой, мы поѣхали, и въ четыре часа по полудни возвратились въ Владикавказъ, по прежней дорогѣ; въ пять часовъ, по милости Коменданта Єкворцова, были въ банѣ, отдохнули, и съ аппетитомъ обѣдали и ужинали въ одно время, у него же; всѣ рады были намъ, какъ роднымъ; нѣтъ словъ благодарить за всѣ попеченія!

25-го Іюля. Воскресенье; день для души моей пріятный: рожденіе одной особы, которая соединяетъ въ себѣ качества, достойныя подражанія (*). Угодно было насъ посѣтить нѣкоторымъ начальникамъ Осетинцевъ и Кабардинцевъ, по словамъ ихъ совершенно преданнымъ Россіи. Были у обѣдни, гдѣ Священникъ, уроженецъ Перм-

(*) Нынѣ она, за свои добродѣтели, ликуетъ съ Несозданнымъ.

скій, хорошо служилъ. Завтракъ у Коменданта; при благопріятной погодѣ гуляли въ саду его: не дуренъ и огроменъ. Обѣдали у него же; подлѣ меня сидѣла Капитана Шабишева жена: очень мила и молода; онъ скромной офицеръ. Съ шести часовъ до восьми, въ саду, пили чай, ѣли фрукты, роговая музыка для слуха была пріятна; рога сдѣланы изъ картузной бумаги, выкрашеной подъ цвѣтъ мѣди. Если бы не сказали и я не ощупалъ, никогда бы не повѣрилъ сей выдумкѣ; — нужда научитъ калачи ѣсть. Я затѣялъ, рады были всѣ, пустились въ танцы, только три дамы и столько же кавалеровъ; нѣжный полъ въ сихъ краяхъ рѣдокъ; что всего пріятнѣе и необыкновенно, подъ большими, многолиственными персиковыми деревьями происходили наши вальсы, экосесы и кадриль. Дамы, Скворцова, Шабишева и дѣвица Кастыгова, дочь Подполковника, здѣсь служащаго, всѣ три молоды, хороши и танцовать мастерицы. Довольныя разошлись. — Послѣ одного супу у себя, предались власти Морфея.

26-го Іюля. Мы были у многихъ, простились; ранѣе обыкновеннаго угостилъ насъ послѣднимъ обѣдомъ Комендантъ; всѣ пожелали намъ счастливаго пути. Въ два

часа по полудни были уже мы въ Елисаветинскомъ редутѣ; опъ нечего дѣлать, писалъ много писемъ. Погода хороша, наши сушки кончились въ 8 часовъ.

27-го Іюля. До Константиновскаго редута, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ колескѣ, — жарко, и я упомился; въ восемь часовъ день насъ оставилъ.

28-го Іюля. Худо спалъ, насѣкомые тревожили; въ четыре часа встали, въ шестомъ выѣхали, съ двумя стами быковъ, и сто фуръ, при большомъ конвоѣ; офицеръ второй Сорре; въ пятнадцати верстахъ, въ девятомъ часу у Колодца завтракали; погода прекрасная. Два Англичанина изъ Индіи, Персіи, чрезъ Тифлисъ, присоединились къ намъ. Одинъ лѣтъ шестидесяти Ламздель — Профессоръ Восточныхъ языковъ, какъ онъ увѣрялъ, такъ худъ, такъ худъ, что худощавѣе *извѣстнаго С. Петербургскаго жителя;* другой и великъ собою и въ шесть разъ толще своего товарища, Капитанъ Арпмольдъ; мы пригласили сихъ богачей покушать; они съ удовольствіемъ согласились. Надобно справедливость отдать обоимъ: мастера поѣсть, особенно худой; цыплята жареные *мигомъ исчезали*, а *картофель* и Англійскій сыръ, при хорошей мадерѣ, при-

водилъ ихъ въ восторгъ. Мнѣ жаль было картофелю, во-первыхъ: что Комендантша Скворцова подарила мнѣ, а во вторыхъ: что нигдѣ достать нельзя; офицеры, и то мало, сѣютъ для своего обиходу.

Во второмъ часу переѣхали Терекъ; сего дня не былъ онъ сердитъ, шумъ мелодическій, и картина вообще была мягче; дикарей не видѣли. Остановясь на Моздокскомъ берегу, послали карантинному смотрителю Капитану Виникову сказать о нашемъ пріѣздѣ, и нельзя ли миновать карантина; пріѣхалъ чиновникъ и повезъ насъ въ карантинъ, пять верстъ отъ Терека; на дворѣ три часа, солнце палитъ. Насъ приняли учтиво, но говорили въ сажень разстоянія и далѣе, какъ съ чумными; особенно Штабъ-Лекарь, которому я представлялъ, что мы въ Тифлисѣ не были, и слѣдственно чумою не заражены, да и тамъ оной нѣтъ; онъ отвѣчалъ, что насъ нельзя прежде четырехъ сутокъ выпустить: вы были за Терекомъ, сего и довольно, чтобъ посидѣть въ карантинѣ. Цицеронъ, Демосѳенъ и Ломоносовъ напрасно бы употребили свое краснорѣчіе. Здѣсь въ карантинѣ все берутъ отъ насъ щипцами; порядокъ, чистота, учтивость похвальная; однако всѣ вещи взяты, сундуки

открыли и при насъ заперли въ особую избу, безъ оконъ, оставили намъ платье и на чемъ спать; и съѣстное. Штабъ-Лекарь среди сей темной избы, поставилъ три горшка глиняные съ Acide muriatique oxigéne, подъ горшки уголье; коль скоро кислый газъ началъ раздаваться, заперли двери, приложены двѣ печати, наша и Капитанская, и поставленъ часовой. Мы пошли въ назначенные намъ покои, отъ Терека во ста саженяхъ. Покои похуже Владикавказскихъ, однако изрядны и чистеньки. Кухня весьма дурна, ибо надо стоя на колѣнях готовить; видно, что мало съ поваромъ ѣздятъ. Въ семь часовъ обѣдали и ужинали, въ девять уже покоились. Англичанамъ, богачамъ скупымъ, толстому и худощавому, доходилъ запахъ отъ четырехъ блюдъ нашихъ; мы боялись смотрѣть на нихъ: того и гляди, что пожалуютъ; они подъ крышею, на чистомъ воздухѣ, занимались молокомъ и хлѣбомъ, изрѣдка поглядывали на насъ, мы — будто не видимъ. Скупость непомѣрная и непростительная; за то съ нихъ и за молоко взяли въ три-дорога. Слуга, нанятый ими, Армянинъ, какъ угорѣлая кошка, въ посылкахъ, то туда, то сюда, и бричка не важная: горько видѣть скупыхъ;

это недостатокъ, заслуживающій презрѣнія.

29-го Іюля. Погода чрезвычайно хороша; встали въ семь часовъ, осипавались въ необходимомъ одѣяніи, прочее взяли окурить; чрезъ три часа принесли намъ окуренное платье, которое надѣли, хотя оно было непріятнаго запаха; сняпое съ насъ понесли напоить газомъ; служащимъ намъ, надѣли балахоны и колпаки окуренные: смѣшной нарядъ! Очень скучно сидѣть въ карантинѣ; та только выгода, что будешь имѣть маленькое понятіе о тюрьмѣ; изъ порядка не должно ни кому выходить. Сутки показались недѣлею, хотя мы читали, писали, говорили, обѣдали, купались въ Терекѣ. Купцы съ товарами сорокъ дней выдерживаютъ карантинъ: сія осторожность необходима, хотя очень тягостна. Къ намъ приставили трехъ часовыхъ съ заряженными ружьями, чтобъ мы за карантинную черту не вышли; въ восемь часовъ, дабы избавиться отъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, закрывши окна, легли, а заснули въ часъ; каково лежать въ темнотѣ пять часовъ и сномъ не наслаждаться! Теперь ясно понимаю, отъ чего дѣти плачутъ, когда ихъ спать укладываютъ, а имъ не хочется.

30-го Іюля. Въ несносномъ карантинѣ.

31-го Іюля, четвертый день насталъ; слава Богу, намъ щипцами подали отвѣтъ на наше письмо, отъ управляющаго Кавказскою Губерніею, Анастопуло: велѣно болѣе насъ не держать, — *спасибо*, какъ мы уже высидѣли трое сутокъ. Въ одиннадцать часовъ, поблагодаря Капитана Винникова, поѣхали; черезъ часъ оставили Лукувскую станицу, въ Павлодольской перемѣнили лошадей — 13 верстъ; до Екатеринограда 28; до Прохладной 17; до Солдатской 18: здѣсь бродяги и отставные солдаты; до Павловской станицы 20 верстъ, до Георгіевска 25, и того отъ карантина болѣе ста, а отъ С. Петербурга гораздо болѣе четырехъ тысячъ верстъ, какъ мы ѣхали.

1-го Августа. Дорога отъ Моздокскаго карантина до Георгіевска, превосходная, гладкая, ровная, исключая двухъ горъ, на двухъ послѣднихъ станціяхъ, у Маріинской хуже, и дурненькихъ двухъ мостиковъ; ѣхали съ шестью козаками, довольно было темно, засвѣтили фонари, и въѣхали въ два часа по полуночи въ Георгіевскъ; остановились въ домѣ Полицмейстера Павла Семеновича Березина;

очень хорошій молодой человѣкъ; жаль, что грудью страждетъ, недѣлю назадъ лишился матери, и сестра его одержима чахоткою; горе написано на благородномъ лицѣ Березина. Первой разъ, ни сѣна, ни соломы, все выгорѣло. Изъ восьми стульевъ составилъ себѣ кровать, постлалъ шинель и крѣпко заснулъ; товарищъ успѣлъ прежде меня броситься на диванъ. Въ десять часовъ утра ходилъ по городу; хуже многихъ деревень, отъ частыхъ пожаровъ. Двѣ церкви и тѣ ветхи; однако много народу въ оныхъ; Воскресенье было, а потому и я выслушалъ обѣдню. Казенныя строенія каменныя. Арсеналъ хорошъ. Съѣстные припасы привозятъ два раза въ недѣлю; фруктовъ много, бергамоты велики, но не имѣютъ нѣжнаго вкусу. Управляющій губерніею живетъ въ хижинѣ, домъ его до тла сгорѣлъ, и прелестные тополи, бывшіе предъ домомъ; кое-какъ нажилъ, прослужа болѣе 40 лѣтъ во Флотѣ, теперь въ жалкомъ положеніи; жена его, Гречанка съ тремя дочерьми, раздѣляетъ съ нимъ бѣдность. Не жалѣя денегъ, обѣдали хорошо; въ десятомъ часу, на купленномъ дорого сѣнѣ, успокоились.

2-го Августа. Оставя коляску въ Георгіевскѣ, для нѣкоторыхъ поправокъ,

принуждены были ѣхать въ двухъ кибиткахъ; это для меня не по сердцу было въ первыя, но — нужда къ чему не приучитъ! Въ пятомъ часу проснулись, выпили кофею, взяли кое-чего съ собою, съ егеремъ и паромъ отправились изъ обгорѣлаго Георгіевска къ водамъ Кавказскимъ, 35 верстъ. Я все сидѣлъ на облучку, и не такъ-то дурно, когда кибитка туго набита сѣномъ. Пріѣхали къ водамъ въ девятъ часовъ утра; погода чудесная, и небо безоблачно; первой разъ видѣлъ во всей красѣ цѣпь Кавказскихъ горъ; на лѣвой сторонѣ отъ Георгіевска въ 17-ти верстахъ по лучшей дорогѣ извивается чистенькая рѣчка Подкумокъ, а верстахъ не болѣе спа, по своимъ глазамъ, или по своей оптикѣ, въ прямой линіи тянется цѣпь Кавказскихъ горъ. Здѣсь, у Подкумка, мы завтракали; здѣсь я обозрѣлъ вокругъ себя, и — стоя на колѣняхъ, написалъ слѣдующее: Цѣпь Кавказскихъ горъ можно раздѣлить на четыре разряда. Первыя горы покрыты зеленью и украшены древами разнородными огромной величины. Вторыя каменныя, съ торчащими по бокамъ большими деревьями, усѣянныя по мѣстамъ обгорѣлою отъ жаровъ травою и сѣдымъ мхомъ. Трепьи, подъ коими нео-

быкновенныя красивыя облака плаваютъ, снѣжныя, взору пріятны; и чѣтвертыя, ледяныя, душу возвышающія. Всѣ, при яркомъ свѣтѣ животворнаго свѣтила, обращаютъ на себя вниманіе мыслящаго пиворенія и точно прелестны; но, кажется, всѣ онѣ, съ какимъ-то восторгомъ благоговѣя созерцаютъ царицу горъ, Эльборусъ (*), покрытую вѣчными льдами и снѣгомъ; слезы умиленія сердечнаго текутъ изъ очей кросвѣщеннаго путешественника, и онъ углубляется въ размышленія о величіи Творца, всё создавшаго и всѣмъ управляющаго; такъ бываетъ съ людьми, еще съ праваго пути несовратившимися! Но что рѣчетъ безбожникъ? Онъ преклонитъ колѣна и воскликнетъ: есть Богъ и се чудеса его! Назовите мнѣ живописца, кто бы могъ срисовать цѣпь горъ Кавказскихъ? Назовите Поэта, кто бы могъ дерзнуть огненнымъ перомъ написать похвальную пѣснь симъ горамъ? Назовите Исторіографа, который бы осмѣлился взяться за перо? Всѣ безмолвствуютъ и съ Апостолами рекутъ: Великъ Богъ и непостижимы дѣла его! А потому, смертные, смиряйтесь; отбросьте гордыню свою, мол-

(*) Сію гору называли мнѣ и Шатъ-горою.

чите, и проливайте слёзы, удивляйтесь! Однако я бы сказалъ нашимъ писателямъ, особенно стихотворцамъ съ дарованіями:

Сюда стекайтесь, сонмъ Поэтовъ!
Сюда; вамъ стыдно вздоръ писать,
Бросайте перья вы извѣтовъ,
Старайтесь Бога прославлять.
Сюда злодѣевъ привезите,
Во агнцевъ превратятся всѣ;
Сюда вы злато приносите,
Нѣтъ нужды больше въ немъ нигдѣ.
Одни изранены — больные
Лишь въ златѣ могутъ пользу зрѣть.

Обращаюсь къ Эльборусу: когда всѣ горы преклонили *верхи* свои, когда человѣкъ, точно человѣкъ, въ изумленіи отъ красотъ ея, тогда она, видимо съ какою-то величавою, благосклонною, кроткою улыбкою, благодаритъ все и всѣхъ, за признаніе истинное къ ея лѣпотѣ, и болѣе отъ того, что она заставляетъ познавать Создателя и укрощать буйность смертныхъ предъ Несозданнымъ.

О водахъ Кавказскихъ есть книги, а я скажу нѣсколько словъ. Первыя — горячія, въ 38 градусовъ; вторыя — кислосѣрныя, здоровы для всѣхъ, въ 25 градусовъ; третьи, Варвація, горячія въ 32 градуса;

четвертыя, въ двѣнадцати верстахъ отъ сихъ водъ, на Желѣзной горѣ, желѣзныя горячія, 32 градуса; пятыя, въ сорока верстахъ, кисло - холодныя, и шестыя отъ сихъ въ двѣнадцати верстахъ, кисло-желѣзныя.

Не доѣзжая водъ, на правой сторонѣ, живутъ аулами мирные Черкесы; попадись къ нимъ въ руки, тогда узнаешь ихъ кротость; они только и боятся одного Ермолова! Съ присоединенія Грузіи къ Россіи, изъ Тифлиса выѣзжали Главнокомандующіе, несчастный неустрашимый Князь Цицiановъ и нынѣ Ермоловъ; сей послѣдній прославляемъ отъ малаго до большаго, всѣхъ сословій; Чеченцы, Черкесы и всѣ нагорные обитатели не любятъ безстрашнаго, благоразумнаго Начальника, такъ какъ и взяточники въ губерніяхъ, ввѣренныхъ ему. Есть по дорогѣ селенія, Шотландское и Нѣмецкое: они-то снабжаютъ пріѣзжающихъ къ водамъ отлично - хорошимъ, бѣлымъ и сытнымъ хлѣбомъ, масломъ, молокомъ и разными съѣстными припасами. Странно, что иноземцы оставляютъ такъ называемыя свои благословенныя земли и приходятъ жить даже въ дикихъ мѣстахъ Россіи! Пусть ихъ селятся, да пусть не бранятъ Русскихъ! Остановились въ чистомъ домѣ

съ мебелями, прямо противъ горячихъ водъ, — десять рублей въ сутки. Въ чужихъ краяхъ гораздо болѣе платятъ; здѣсь сколько хочешь сиди въ ваннахъ, ничего не платишь, а тамъ за все плати. Въ одиннадцатомъ часу утра вышли походить; первая встрѣча — Полковникъ Аполлонъ Маринъ, бывшій мой ученикъ, хорошій молодой человѣкъ; мы одинъ другому очень обрадовались; зашли къ нему, и у него выпили кислой воды по стакану: 35 копѣекъ стоитъ бутылка; по его совѣту, пошли на гору, и сѣли въ ванну кисло-сѣрную 25 градусовъ; пріятно въ ней сидѣть, не хочется разстаться; ванна большая, можно шести человѣкамъ покойно вмѣстѣ сидѣть и лежать, въ горѣ высѣчена. Полчаса и — кажется, здоровѣе спалъ, и аппетитъ сильный родился. Тутъ увидѣлъ Пуш — на молодаго, который гоповъ съ похвальной стороны обратитъ на себя вниманіе общее; точно онъ можетъ, при дарованіяхъ своихъ; я ему отъ души желаю всякаго блага; онъ слушалъ и колкую правду, но смирялся; и эта перемѣна дѣлаетъ ему честь. Въ горячихъ водахъ сдѣланы для нѣжнаго пола особенныя ванны, выстроенъ и убранъ на горѣ домъ, и по горѣ мастерски сдѣланъ

въѣздъ, и пѣшкомъ неутомительно: лѣсница, имѣющая сто ступеней, и дурна и слишкомъ дорого стала; она построена прежде Ермолова. — До ужина опять обнимали насъ кисло-сѣрныя воды; часъ времени съ Маринымъ и Пушкинымъ языкомъ постучали и разошлись; здѣсь на водахъ, чего хочешь, все доспать можно, и нахожу, что не дорого. Маленькой дождь.

3-го Августа. Въ шесть часовъ, не смотря на дождь, мы пошли на гору, Машукъ называемую, и будучи здоровы, пили кисло-сѣрную воду, два раза въ ваннѣ; за то обѣдали и ужинали съ величайшимъ желаніемъ; я читалъ о водахъ, сочиненіе Доктора Зея: надуто написано, впрочемъ, какъ говорятъ, справедливо; мнѣ принесъ сію книгу Полковникъ Преображенскаго полка, Деменковъ, который получилъ облегченіе отъ ранъ своихъ; а Маринъ, невладѣвшій рукою съ Бородинскаго дѣла, чувствуетъ себя здоровымъ, поднимаетъ оную свободно; страдалъ глазомъ отъ контузіи, и большое почувствовалъ облегченіе; мы поздно пріѣхали, ужъ время прошло; всѣ разъѣхались. Ермоловъ разводитъ садъ, и ежели нѣсколько лѣтъ пройдетъ съ такимъ попеченіемъ отъ начальства, то увѣренъ, что вся Европа оста-

випъ свои воды, и будешъ пріѣзжать за здравіемъ на Кавказъ.

4-го Августа. Погода весьма хороша; послѣ ванны ходилъ и на базаръ: не дуренъ, много домиковъ выспроено; теперь не нужны палашки, есшь гдѣ помѣсшишься; хотя любишели чужихъ краевъ не хошятъ хвалишь все то, что Русское. Покаюшся, да не будешъ ли поздо? Колонисшы богашѣюшъ, имъ хорошо; нынѣ набѣговъ мало отъ нагорныхъ жишелей; у нихъ посшавлены солдаты съ пушками. Бѣлой хлѣбъ въ Шошландской колоніи, гдѣ много переселилось изъ Сарепшы, отлично хорошъ; послѣ С. Пешербурга, я такого не ѣлъ. Сушки прошекли быспро.

5-го Августа. Послѣ двухъ ваннъ, обѣдали; въ два часа выѣхали. Въ шесшь пріѣхали въ Георгіевскъ; переодѣвшись, посѣшили Анасшопуло: человѣкъ шихой; супруга его благоразумна и хороша собою; я до-сыша наговорился по-Гречески, былъ въ церкви; дома гошовился къ дальнему пушешествію. Въ Георгіевскѣ Коменданшъ — Генералъ-Маіоръ Сшалъ; всѣ его хваляшъ.

6-го Августа, проспясь съ нашимъ хозяиномъ, пожелавъ ему здравія, выѣхали изъ жалкаго города въ шри часа по полудни.

7-го Августа. Можно сказать, что отъ Георгіевска, дорога — въ началѣ степь, съ нѣсколько-посохшею травою, потомъ сѣнокосы, хлѣбъ до самаго Ставрополя, который гораздо и гораздо лучше Георгіевска: чистъ; однако мало нашли съѣстнаго; тутъ двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная. Отъ Ставрополя верстъ семь гора, зелень веселая, рогатаго скота множество, вдали горы зеленыя и лѣсистыя. Утромъ было холодно, потомъ жарко — до Богоявленской деревни, богатой, но не въ устройствѣ; и до Прочнаго окопа дорога отлично хороша, казаки вездѣ молодцы; отъ Ставрополя до Богоявленска многочисленныя стада быковъ. Въ часъ по полуночи, пріѣхали въ Прочной окопъ, одѣтые легли спать; здѣсь Комендантъ Маіоръ Широкой, человѣкъ учтивый. Небо двое сушокъ безоблачно и жаръ несносный; но до восхода солнечнаго, родъ морозу, или холодъ чувствительный, рѣзкій, а воздухъ чистъ.

8-го Августа. — Воскресенье; распроспясь съ учтивыми офицерами, выѣхали рано съ Хоперскими Козаками: душа веселится, смотря на нихъ: одинъ другаго молодцоватѣе; Кубань въ лѣво, а въ право глазомъ не обкинешь равнину; за

Кубанью Черкесы, Кабардинцы, — мало показываются. Прочный окопъ чистъ, и казармы хороши; при великомъ Суворовѣ выстроенъ. Сказывали, что Нижегородской Полковникъ Тупольминъ, изъ полковой суммы выстроилъ казармы. Вездѣ военные, и учтивы и опрятны. Кубанская линія въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ Кавказская, сколько я могъ замѣтишь. Въ Темизбекѣ встрѣтились съ Генераломъ отъ Кавалеріи Н. Н. Раевскимъ: всегда со мною хорошъ, дочери благовоспитаны, слѣдственно любезны, — сынъ меньшой привѣтливъ. Во второмъ часу по полудни въѣхали въ Кавказскую крѣпостъ, гдѣ Комендантъ и Командиръ Навагинскаго полка — Подполковникъ Александръ Ѳедоровъ. Урнежевскій, кроткій и скромный, добрый и препорядочный 35-ти-лѣтній человѣкъ. У него мы обѣдали, ужинали, въ банѣ были; въ особой казармѣ писалъ, читалъ, и сушки миновали. Жаръ для меня былъ нестерпимъ. Не доѣзжая двѣнадцати верстъ до сей крѣпости, дорога гладкая; Кубань съ лѣсомъ по берегамъ, трава высокая, но отъ солнца обожженая. Проѣхали отъ С. Пещербурга болѣе 4,500 верстъ.

9-го Августа. Встали, не выспавшись и отъ жару и отъ насѣкомыхъ. Комендантъ съ офицерами заходилъ къ намъ, и настоялъ, чтобъ у него завтракать; выполнили желаніе Урнежевскаго, и у него же съ Генераломъ Н. Н. Раевскимъ и его Фамиліею обѣдали. Читали старыя газеты у себя, вечеръ провели въ разговорахъ и въ чтеніи приказовъ Ермолова; всѣ почти имѣютъ отпечатокъ отличнаго человѣка; между тѣмъ отдавали справедливость и покойному Главнокомандовавшему въ Грузіи, Князю Циціанову.

10-го Августа, не доспавъ, проснулись рано, въ шесть часовъ; при сопровожденіи гостепріимнаго Коменданта, выѣхали изъ Кавказской крѣпости; погода прекрасная; проѣхавъ всѣ Хоперскія станицы, нашелъ одну другой лучше; и церкви каменныя; дорога гладкая сто семь верстъ; и оставя за собою Кавказскую губернію, вступили въ четвертомъ часу по полудни въ землю Черноморскихъ Козаковъ (прежде Запорожцевъ) и прямо въ Карантинный редутъ, называемый *изрядный источникъ*. Тутъ нашли Атамана Черноморцевъ, Полковника, сѣдаго, кроткаго, съ добрѣйшимъ лицемъ человѣка, Григорія Кондратьевича Машвѣева. Ка-

рантинной домъ, передъ Моздокскимъ, показался дворцемъ, и подлинно — чистъ, въ четырехъ покояхъ по двѣ кровати, въ каждомъ столъ и стулья; скоро окурили всѣхъ насъ.

По тихой рѣкѣ Кубани всѣ станицы отмѣнно хороши; поля и нынѣ зеленѣютъ, скота много, и хлѣбъ не совсѣмъ дуренъ; однако давно не запомнятъ таковой засухи, трава всегда въ ростъ человѣческій, какъ всѣ утверждали.

Екатеринодаръ есть столица Черноморскихъ козаковъ, гдѣ и Войсковая Канцелярія; городъ обширный, но худо выстроенъ, и въ немъ не болѣе 3,000 обоего пола жителей. Войсковой Канцеляріи члены *сказывали мнѣ, что всего на все съ* женскимъ поломъ въ Черноморіи 70 тысячъ, болѣе мужескаго пола; что у нихъ 21 полкъ, въ каждомъ 550 человѣкъ, одѣты въ синемъ, рукава за плечами, выбриты, у нѣкоторыхъ Козаковъ есть еще *гуприны*. Во время нужды могутъ сверхъ сказанныхъ полковъ сѣсть на коней тысячъ десять; старики, дѣти и козачки всѣ въ работѣ. Единообразіе одежды не такъ-то красиво; прочіе козаки одѣты какъ хотятъ, и отъ того кажутся молодцоватѣе и красивѣе, и борода придаетъ

мужество. Я не видѣлъ Уральцовъ и Донцовъ въ ихъ станицахъ; но смѣло можно сказать о казакѣ:

Идётъ, и врагъ стоять не смѣетъ —
Бѣжитъ, его и тѣни онъ робѣетъ.

Докторъ Карантинный съ излишествомъ учтивъ; мы хотѣли покупаться въ Кубани и бросились въ ея тихія струи; я держался берега, товарищъ мой поплылъ далѣе, и вдругъ три Черкеса, съ противо-лежащаго берега, кинулись въ воду: мы вздрогнули, однако ничего не приключилось. Въ шесть часовъ по полудни обѣдали и ужинали съ Урнежевскимъ; часа чрезъ два онъ поѣхалъ въ обратный путь со слезами на глазахъ, и мы, прощаясь, взаимно чувствовали печаль; трехъ-дневное пребываніе вмѣстѣ сблизило насъ; въ путешествіи своемъ, я на опытѣ узналъ, что есть лица *привлекательныя*, не знаешь за что полюбишь человѣка; напротивъ, есть фигуры *отталкательныя*, увидишь, и — хоть бы ввѣкъ не видать.

Въ десятомъ часу вечера, при полномъ жаркомъ мѣсяцѣ, при звѣздномъ небѣ, на берегу тихой Кубани, въ десяти саженяхъ или не много далѣе, отъ воров-

скаго-Черкескаго пикета, сидя на стульяхъ, съ трубками, глотали теплый воздухъ. Могъ ли я предвидѣть, за годъ, что буду такъ далеко отъ родныхъ и друзей? На свѣтѣ живучи, все можетъ случиться.

Ермоловъ и Черкесовъ привелъ въ страхъ; однако жъ они зимою воровски переходятъ покрытую льдомъ Кубань, и отгоняютъ скотъ; здѣсь какъ и на Терекѣ не надобно дремать, и всякой ложится спать съ оружіемъ у изголовья; непріятная жизнь! Наши солдаты окликаются: „кто идетъ? кто идетъ? кто идетъ? говори! убью!“ Попробуй не отвѣчать, такъ и будешь въ Елисейскихъ поляхъ! Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, Полковникъ хотѣлъ испытать своего солдата, на часахъ стоящаго, прошелъ — не отвѣчая: солдатъ приложился, и — Полковника не стало; кто правъ? кто виноватъ?

Возблагодаря Творца за благополучное путешествіе, столь дальное и многотрудное, мы легли успокоиться на свѣжее сѣно; я часто просыпался отъ откликовъ нашихъ Русскихъ и Черкесовъ; *тутъ мудрено быть сонным*ъ, каждой сдѣлается и смѣтливымъ и осторожнымъ.

11-го Августа. Въ седьмомъ часу утра, поблагодаря Атамана Матвѣева, пустились въ путь, сопровождаемые сотнею козаковъ, и благополучно очутились въ Екатеринодарѣ; дорога безподобная, слѣва скромно течетъ Кубань, за нею виденъ лѣсъ, а вправо простирается зеленая равнина. Въ Екатеринодарѣ, по благосклонности начальниковъ казацкихъ, приготовлена была для насъ чистая, хорошо-убранная квартира Майора Барабаша, который и въ отсутствіи своемъ не токмо угостилъ насъ, но и въ дорогу снабдилъ, виномъ и съѣстными припасами. По сему я долгомъ поставилъ себѣ, письменно изъявить ему мою и товарища моего благодарность — за угощеніе.

За нужное поставляю сказать, что въ Войсковой Черноморской Канцеляріи, вычисля опіъ Екатеринодара до Тамана, впередъ берутъ деньги за почтовыхъ лошадей.

Сверхъ сотни Козаковъ съ офицеромъ, данъ намъ Полковой Есаулъ Никипа Яковлевичъ Долинскій, чтобъ нигдѣ не было остановки: молодецъ, добръ и услужливъ; — мы не ѣхали, а летѣли.

Въ восьмомъ часу вечера, въ Ивановской станицѣ, мы остановились у одной

козачки, и на дворѣ, при двухъ мужественныхъ часовыхъ, освѣщаемые печальною луною, безъ свѣчъ, почти какъ днемъ, обѣдали и ужинали въ одно время; около насъ, на обширномъ дворѣ, быки съ важностію прохаживались, коровы прогуливались, телята прыгали, ягнята щипали травку, курицы клокотали, цыплята подъ крылышки ихъ *прятались, свиньи съ* поросятами хрюкали, лошади ржали; теплота нѣжная увивалась вкругъ насъ, хозяйка старая, но добрая, хлопотала, угождая намъ, и помогая повару; въ это время вспомнилъ я нѣкоторыхъ нашихъ путешественниковъ; сколько пищи для *сентиментальнаго* сердца! сколько *воздуховъ ароматическихъ, цѣлебныхъ* и *бальзамическихъ*, какъ не выронишь слезу изъ праваго глаза! Оставя прогательныя картины, *я вступилъ въ разговоръ съ* козаками, и узналъ, что козаки сохраняютъ всѣ посты; что въ постные дни вина не пьютъ; что свято чтятъ своихъ родителей, слѣпо повинуются приказаніямъ начальниковъ, вѣрны женамъ своимъ, и передаютъ все, что знаютъ, своимъ дѣтямъ. Молодые козаки, дѣти, наизустъ знаютъ всѣ походы отцевъ и дѣдовъ своихъ! Вотъ прямо природное воспитаніе,

получаемое отъ родителей своихъ, а не отъ пришельцевъ, коими съ давнихъ лѣтъ наводняется любезное наше отечество. Строгое повиновеніе наблюдается всегда и вездѣ, ибо начальники, бывъ прежде сами простыми козаками, на опытѣ дознали, какъ должно управлять подчиненными; доброта души сіяетъ на лицахъ козацкихъ, и всѣ вообще умны, кротки, и привѣтливы; разсказы ихъ весьма пріятны; не льзя не любить ихъ!

12-го Августа. Вчера прилегли, но тьма насѣкомыхъ не допустила сомкнуть глазъ; въ три часа, на самомъ разсвѣтѣ, уже были готовы къ отъѣзду; въ пятомъ выѣхали изъ Ивановской станицы. Утро было свѣжее. Насъ сопровождали 150 козаковъ; первыя двѣнадцать верстъ мы проѣхали съ быстротою молніи, менѣе нежели въ полчаса, и 28 другихъ въ часъ, до Копыла, лежащаго при рѣчкѣ Протокѣ. Здѣсь опасность заставляетъ такъ скоро ѣздить. Тутъ на паромѣ живо перевезли наши экипажи, и насъ еще живѣе на лодкѣ; съ такою жъ скоростію доѣхали мы до Петровскаго кордона на рѣчкѣ Калаусѣ — 25 верстъ; до Андреевскаго кордона на рѣчкѣ Куркѣ 25 верстъ; до Темрюка 25 верстъ, козаки перемѣнялись на

каждомъ кордонѣ. Дорога очень хороша; мосты гораздо лучше, чѣмъ внутри Россіи; камыши во всю почти дорогу, высотою и густотою удивляютъ, имѣя три и болѣе сажени.

Черноморцы весьма ловки, молодцы, какъ и прочіе козаки, и офицеровъ имѣютъ отличныхъ. Темрюкъ станица, заключаетъ въ себѣ девяносто домовъ, или мазанокъ, однако есть и хорошіе домики; церковь одна каменная изрядной Архитектуры; большаго богатства внутри нѣтъ, но вездѣ хорошо и чисто; здѣсь въ Темрюкѣ мы остановились у Есаула: жена его въ платочкѣ, мастерски повязанномъ, въ козацкихъ сапожкахъ, весьма и даже *занимательно* мила; вездѣ мы испытали угощеніе древнихъ Патріархальныхъ временъ, подчуютъ и упрашиваютъ взять въ дорогу хлѣба, вина, плодовъ; словомъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; насильно даже кладутъ въ экипажи, и — *денегъ не берутъ!* Жарко, и немудрено — ѣхавъ съ такою быстротою, мы въ двѣнадцать часовъ времени, проѣхали 185 верстъ. Въ девятомъ часу вечера въѣхали въ Таманъ; чрезъ крѣпость не хотѣли насъ пустить; но, видя четыре экипажа на мосту, которыхъ нельзя было поворотить, доло-

жили Коменданпу Каламарѣ, и онъ позволилъ. Мѣсяцъ уже, плѣняя — свѣшилъ, мы остановились на лучшей улицѣ въ приготовленной квартирѣ козацкаго офицера. Насъ посѣщали любопытные и учтивые чиновники. Ужинъ и обѣдъ нашъ былъ въ одиннадцатомъ часу; послѣ чего принеся отъ души благодарность Богу за благополучное окончаніе путешествія по Кавказской и Кубанской линіямъ, утомленные возлегли на сѣно, и предались сладкому сну. Нынѣ дорога вездѣ широкая, ибо Ермоловъ велѣлъ сжечь камышъ по обѣимъ сторонамъ, чтобъ тѣмъ безопаснѣе было для проѣзжающихъ. Въ камышахъ козаки поймали нѣсколько молодыхъ лебедей и намъ подарили; мы приказали четырехъ зажарить; ночью Таманскія собаки вошли въ печку и похитили наше жаркое, которое мы готовились въ первый разъ въ жизни отвѣдать.

13-го Августа; едва мы проснулись, былъ у насъ Комендантъ, Полковникъ Каламара, родомъ Грекъ; всѣ объ немъ хорошо отзываются; онъ давно служитъ; я поговорилъ съ нимъ по-Гречески. Полковникъ гарнизона Бобоѣдовъ, добрый старикъ, а Есаулъ Мартынъ Степановичъ смышленый Городничій. Мы осмотрѣли

крѣпость, которая при безсмертномъ Суворовѣ была въ лучшемъ видѣ, по словамъ здѣшнихъ жителей; шутъ и теперь находится девяносто орудій. — Тутъ повѣрилъ свои часы по солнечнымъ. Всего лучше, во всемъ Таманѣ, супруга Коменданта Каламары, прекраснѣйшая изъ брюнетокъ, Гречанка съ огненно-томными глазами, умна и мила, и говоритъ прекрасно по-Гречески! Заходили къ Бобоедову и Есаулу; потомъ пошли къ проливу Киммерійскому. Подъ нашими ногами разбивались пѣнистыя волны, несомыя противнымъ вѣтромъ къ берегу; взорамъ нашимъ представлялись Ениколь и Керчь; мы должны оставаться, ибо часъ отъ часу буря сильнѣе поднималась. Стоя на берегу волнующагося моря, думалъ я: только передъ стихіями гордость, сила и богатство смиряются. — Утромъ былъ порядочный дождь, послѣ двухъ мѣсяцевъ засухи. Жителей въ Таманѣ не болѣе двухъ сотъ, и весьма мало съѣстныхъ припасовъ. Босфорскій проливъ съ берега прекрасенъ особенно при непогодѣ. Послѣ обѣда, по благосклонности Бобоедова, ѣздили мы на его дрожкахъ версты три отъ Тамана на гору, которая 1818 года съ 15-го Августа до 15-го Сентября, при пламени и гус-

томъ дымѣ выбрасывала грязь и каменья. Я собралъ нѣсколько камешковъ и окаменѣлой грязи разнаго цвѣта, для химическаго раздробленія, по пріѣздѣ въ С. Петербургъ. По словамъ жителей, сіе явленіе случилось до восхода солнечнаго, съ ужаснымъ ударомъ; въ тоже почти время въ проливѣ Киммерійскомъ и въ Азовскомъ морѣ слышны были удары, и два раза появлялись острова, по которымъ могли ходить люди, и смѣлые ходили; вскорѣ вѣтромъ снесены были, или волнами смыты — исчезли. Тутъ на горахъ и подъ горами растетъ множество иліотропу, хотя оный и не такъ высокъ, какъ у насъ въ горшкахъ, но благовоннѣе нашего. Мы ходили опять къ берегу: волны шумятъ и вѣтръ противный; тепло, воздухъ чистъ и здоровъ; въ ожиданіи благопріятнаго времени къ отъѣзду нашему, мы купались въ соленой водѣ, ужинали, разсуждали и сожалѣли, что многіе города не похожи на города.

14-го Августа. Рано всставъ, вышелъ подышать, Тмутараканскимъ воздухомъ насладиться; противъ нашего домика жидовской питейной домъ, гдѣ во всю ночь шумѣли и не успокоились; они мѣшали и думать; однако много пробѣжало въ голо-

вѣ моей историческихъ истинъ и басней; писалъ часа три; въ одиннадцать часовъ осматривалъ церковь Покрова Пресв. Богоматери (*), гдѣ видѣлъ извѣстный камень, о которомъ многіе писали и многіе на умствованіяхъ основывали свои заключенія; но надо отдать справедливость покойнымъ: Митрополиту Гавріилу, Болтину и Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину; сіи мужи соединенными силами вскрыли завѣсу, покрывающую Тмутараканское Княженіе, и всѣ перестали сомнѣваться о мѣстѣ онаго; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, любитель древности и знатокъ отечественной Исторіи Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, своими изысканіями еще болѣе удовлетворяетъ любопытство о семъ же Княженіи.

Не столько веселъ бываетъ избалованный ребенокъ, получа желаемыя игрушки, сколько я былъ радъ — увидя камень, который въ юности моей, лѣтъ тридцать тому назадъ, сильно занималъ меня, когда и

(*) Тотъ ли самый храмъ стоитъ и по нынѣ, который выстроенъ Мстиславомъ, послѣ побѣды надъ Касогскимъ Княземъ Редедею 1022 года, не могу утвердить. Касоги не иные были, какъ нынѣшніе Черкесы; это не моя догадка.

я, будучи еще военнымъ, писалъ рѣчь о Тмутараканѣ и Мстиславѣ Владимировичѣ, которую лучшій изъ кадетъ бывшаго Греческаго Корпуса, Скіеда, говорилъ, предъ всею знатью С. Петербурга и предъ учеными людьми, и которая удостоена была благосклоннаго вниманія и одобренія. Подошедъ къ сему камню, я обнималъ оный какъ стараго, но невидѣннаго мною знакомца. Оный не болѣе пяти пяденей моихъ, гдѣ читаешь надпись: „въ лѣто 6576 (1065), индикта 6, Глѣбъ Князь, мѣрилъ море по лёду, отъ Тмутаракани до Керчи 30,054 сажени. Другая половина сего камня шесть съ лишкомъ моихъ пяденей, толщина болѣе пядени. Надъ симъ камнемъ лежитъ нынѣ другой камень съ надписью Греческою; но я не могъ болѣе разобрать какъ слово *восторъ*. Съ обѣихъ сторонъ въ барельефѣ изображены фигуры человѣческія въ туникахъ, въ три четверти аршина высоты, съ поднятыми руками, держащими вѣнки. Святость ли изображаетъ сей камень, или просто надгробіе надъ какимъ нибудь воиномъ? Не знаю. Пусть Ученые о семъ разсуждаютъ и пишутъ. Довольный своимъ упромъ, обѣдалъ хорошо, и чтобъ избавиться жару, заснулъ. Въ пятомъ часу посѣтилъ насъ Атаманъ

Машвѣевъ и по видимому недовольный своею судьбою, что долженъ одинъ жить въ Екатеринодарѣ, а жена живетъ съ пятью дочерьми и двумя сынами въ Таманѣ. Жаль мнѣ старика! Черезъ часъ пошли мы къ нему, не застали дома, только съ двумя дочерьми кланялись; въ это время Генералъ Н. Н. Раевскій былъ у насъ; мы, взявъ дрожки, поѣхали въ крѣпость Фанагорію, (такъ называется крѣпость Таманская) и привѣтствовали пріѣзжаго почтеннаго Генерала, пили чай съ его дочерьми и Англичанкою, доброю Матень. Тутъ всѣ военные были, и всѣ препорядочные люди. Выѣхавъ изъ крѣпости, въ виду Керчи и Эниколя мы купались. Соленая вода здорова и тепла, но противна если въ ротъ попадетъ. Почти 5,000 верстъ отъ С. Петербурга по сдѣланнымъ нами кругамъ. Въ 10 часовъ Кикимора, Славянскій богъ сна, покрылъ насъ своимъ крыломъ.

15-го Августа. Успеніе Богоматери; не удалось быть у обѣдни, ибо въ 8 часовъ утра погода стихла, и мы перебрались съ экипажами на канонерскую лодку, по здѣшнему Лансонъ, одно мачтовое судно; въ девять часовъ, снявшись съ якоря и поднявъ паруса, при самомалѣйшемъ

вѣтрѣ, пустились по страшной жидкости. Мнѣ два раза было дурно, хотя я и служилъ въ юныхъ лѣтахъ въ Балтійскомъ флотѣ; кусокъ хлѣба съ солью облегчилъ боль въ желудкѣ; писалъ на палубѣ; вѣтру попутнаго не было, и несносный шпиль досаждалъ. Съ нами переѣзжалъ одинъ Грекъ Плакидасъ, торгующій виномъ, человѣкъ умный и благочестивый. Еще въ Таманѣ тронули меня слова Ашамана Черноморіи Матвѣева; прощаясь, утирая слезы, онъ сказалъ: „не забудьте добрымъ словомъ;“ здѣсь на лансонѣ, вспомнилъ я оныя, и долго думалъ о немъ.

Въ девять часовъ утра оставили за собою *Азію*, а въ пять по полудни бросили якорь въ *Европѣ* — у Керчи. Сей путь, при благопріятномъ вѣтрѣ, совершаютъ въ два часа съ половиною, а мы ѣхали 8. Насъ привѣтствовали морскіе офицеры, но мнѣ и товарищу моему болье всѣхъ понравился Капитанъ-Лейтенантъ Папиніоти, Грекъ, начальникъ флотилій, сѣдовласый сорока-лѣтній молодецъ; умѣнъ, скромень и всѣми любимъ; съ братомъ его я воспитывался въ бывшемъ Греческомъ Корпусѣ; а потому и съ нимъ вступилъ въ откровенный разговоръ, на Греческомъ языкѣ. Папиніоти водилъ насъ въ дре-

внѣйшую Греческую церковь, которая воздвигнута, по многимъ замѣчаніямъ, болѣе 1,500 лѣтъ тому назадъ; четыре колонны изъ Парoсскаго мармора поддерживаютъ куполъ и всю церковь, легкой и пріятной Архитектуры. Пристройка недавно сдѣланная для помѣщенія большаго числа христіанъ, также весьма красива. Здѣсь видѣлъ Евангеліе и Апостолъ, писанныя по-Гречески на пергаментѣ, четко и чисто, не менѣе 500 лѣтъ тому назадъ. Мы всходили на гору и видѣли то мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, Митридатъ, Понтійскій Государь сиживалъ. Я сѣлъ на сіи большія кресла, красиво изсѣченныя изъ дикаго камня въ скалѣ и окинулъ взоромъ вокругъ себя. Прелестная и величественная картина! Но какой ученый и преученый увѣритъ меня, что это былъ точно тронъ Митридата? Чѣмъ докажетъ, что сей Царь, на чистомъ воздухѣ возсѣдая подъ облаками, давалъ расправу, и готовился на брань? — Однако и мнѣ кажется, что по горамъ существовала стѣна, сдѣланная отъ набѣговъ хищныхъ народовъ. Но — полно; кажется, я не за свое берусь; есть схоласники, имъ предоставлено писать диссертаціи, или подробныя изысканія. — Были у Н. Н. Раевскаго, ко-

торый послѣ насъ пріѣхалъ: въ безпокойствіи почтенный; сынъ меньшой очень боленъ; жаль молодца! Въ 8 часовъ у Эмануила *Ѳеофиловича Кордіо, у коего* приспали; богатый человѣкъ и деньгами и дѣтьми: семь дочерей и пять сыновей — всѣ живы; я ихъ не видѣлъ, къ празднику поѣхали въ Ениколь. Въ Керчи считается около четырехъ тысячъ жителей обоего пола; Греческій языкъ вездѣ слышенъ; я говорилъ со многими Гречанками: они весьма привѣтливы и хороши собою. По древнему обычаю, сидятъ поджавши ноги, передъ своими домиками, на коврикахъ; въ будніе дни въ трудахъ; сего дня, въ праздникъ, проводятъ въ разговорахъ. Какая разница быть Грекомъ подъ законами Россіи и — Турціи!

16-го Августа, утромъ, приглашенные Патиніотіемъ, смотрѣли, какъ починиваютъ на водѣ трехъ-мачтовое огромное транспортное военное судно, поворачивая съ боку на бокъ, *такъ что киль* виденъ; страшно! и тѣмъ болѣе страшнѣе, что оный моютъ швабрами пылающими, потомъ конопатятъ и дегтемъ мажутъ; все сіе производится со скоростью, смѣлостью и ловкостью. Въ 10 часовъ возблагодаря всѣхъ за учтивость ихъ, и бо-

лѣе Пашиніоти, простясь съ хозяиномъ и со многими Греками, поѣхали въ Кефу или Ѳеодосію, куда пріѣхали въ 8 часовъ по полудни, и пристали въ Греческомъ пракширѣ — пречистомъ; дорога хороша, мѣстоположеніе — зеленая степь; весною трава прекрасная, и теперь на деревьяхъ вторые листья. Обѣдали и ужинали въ десять часовъ вечера, и улеглись.

17-го Августа, мы только что хотѣли выпити, явился Комендантъ, меньшой Сиріоти, израненый Майоръ, бывшій кадетомъ въ Греческомъ Корпусѣ — съ нѣкоторыми свѣдѣніями и остръ; онъ повелъ насъ осмотрѣть карантинъ: отлично чистъ и хорошъ! много стѣнъ древнихъ, и новое строеніе прекрасно. 25 Іюля нынѣшняго года, скопившаяся на горахъ отъ дождей вода, такъ быстро потекла чрезъ карантинъ, что въ стѣнахъ Генуэзскихъ прорвалась, и наводнила карантинъ выше двухъ аршинъ; много поврежденнаго, и трехъ человѣкъ спящихъ снесла вода въ Черное море; на другой день нашли ихъ бездыханными; помощникъ Инспектора каранитина, Гирсъ, благороднаго обращенія, и прочіе чиновники учтивы и порядочны. Ходили по булевару безъ деревъ, по берегу Чернаго моря; на семь

мѣстѣ, говорили мнѣ, были древнія стѣны; начальникъ бывшій въ Кефѣ, Г. Ф. сломалъ, и сдѣлалъ гулянье, по которому гладко ходить, но такъ жарко, что ни кого не вспрѣтишь; когда посадятъ деревья, чтобъ тѣнь была, тогда будетъ хорошо. Жителей считается болѣе четырехъ тысячъ. Жаръ сего дня былъ нестерпимъ, и потому мы бросились въ Черное море и — нѣсколько прохладились; думали обѣдать дома, но — по сильнымъ убѣжденіямъ, согласились раздѣлить трапезу новаго Градоначальника Г. П — го, который три раза пріѣзжалъ къ намъ; — послѣ обѣда, на шлюбкѣ Градоначальника ѣздили къ Броневскому, бывшему Градоначальнику здѣсь. Онъ живетъ какъ пустынникъ, и — руками своими воздѣлывая садъ свой — кормится; отличный человѣкъ! я его давно знаю: преисполненный познаній, и великій знатокъ на многихъ языкахъ писать; нынѣ нашелъ его огорченнымъ; не вѣдаю причины; но жаль человѣка съ дарованіями, съ обширными свѣдѣніями по всѣмъ частямъ. Садъ его, имъ разведенный, имѣетъ болѣе десяти тысячъ фруктовыхъ деревъ; миндалю продаетъ пудовъ двадцать, и вотъ *потеннаго дохода;* въ саду, можно сказать, много есть милаго,

семо и овамо, въ пріятномъ безпорядкѣ: то остатки колоннъ Паросскаго мармора, то камни съ надписями, — памятникъ, воздвигнутый племянницѣ его, храмики, горки и проч. У Броневскаго застали Н. Н. Раевскаго съ дочерьми и съ больнымъ сыномъ. Распростясь съ Философомъ-хозяиномъ, поѣхали къ П — му; — купались, читали газеты, писали, ужинали, и простились; дома у себя приготовились къ завтрашнему отъѣзду.

18-Августа. Вчера убѣдили меня ѣхать верьхомъ по южному берегу Крыма, и я было согласился, хотя отъ жаровъ не такъ-то здоровъ; долженъ признаться, что для меня жестокой морозъ пріятнѣе, нежели зной; отъ холоду можно избавиться, а отъ жару некуда дѣваться, и позыву къ ѣдѣ нѣтъ, сонъ бѣжитъ, человѣкъ весь не свой; а зимою каждый скоръ, румянъ, молодъ, бодръ! — Въ семь часовъ утра выѣхали изъ Ѳеодосіи съ даннымъ намъ провожатымъ, Татариномъ; располагаясь до Судака въ коляскѣ, а такъ верьхомъ. Проѣхавъ 24 версты до Кринички, я взглянулъ на маршрутъ, началъ считать версты, и — сочтя, что 300 верстъ должно ѣхать верхомъ и по 50 верстъ въ сутки, съ признательностію нашелъ себя не въ

состояніи исполнить сію трудную для меня дорогу: *я сытъ и Кавказскою линіею!* Пусть называютъ меня трусомъ; нѣтъ, — это не трусость, а даже, если смѣю сказать — достоинство: ибо *когда бы люди брались* за то только, что могутъ выполнить, гораздо бы все лучше шло въ мірѣ: анъ посмотришь большая часть не по силѣ тягость несетъ, вотъ и бѣда; не хорошо, *коеда человѣкъ мечтаетъ болье о себѣ, нежели онъ есть.* Мало ли мы читали, читаемъ, видѣли, и видимъ, что *самонадеянность* часто и очень часто ко вреду служила и *хвастуну и ближнимъ!* Могъ бы множество примѣровъ представить, но — боясь утомить читателей, кои удостоятъ своимъ вниманіемъ мои путевыя записки, молчу. И такъ доѣхавъ въ несносный жаръ по гористой дорогѣ до Шахъ-Мурзы, (имѣніе принадлежащее Годлевскому), раздѣлились; товарищъ мой поѣхалъ верьхомъ на Судакъ, а я въ Бурундукъ; прощаніе было слезное, мнѣ душевно горько! — Въ восемь часовъ вечера доѣхавъ до Бурундука, ночевалъ у ямщика Ивана Максимова, одинъ одинешенекъ; два человѣка бывшіе со мною и больны и хмѣльны; не на кого надѣяться; хозяйка съ двумя дочерьми, видя мое положеніе, упросили пре-

дашься покойному сну, и что онѣ будутъ караулить три экипажа; утомленіе заставило принять съ благодарностью предложеніе; вокругъ избы пусто и безлюдно, вдали почтовый худой дворъ, вдали же изъ шести человѣкъ казачій карауль; луна взглядывала въ малое окно, а въ другое смотрѣли на меня то волъ, то корова; *дума занимала голову мою, началъ забываться*, какъ вдругъ вбѣгаетъ какой-то молодецъ съ обнажённою шпагою, грозно крича: гдѣ хозяинъ? *Я* проснулся, и откуда взялась смѣлость? кричу грознѣе: *вонъ!* — Въ это время собачка Англійская, бывшая со мною, бросилась съ лаемъ на дерзкаго, и онъ — какъ привидѣніе — исчезъ; не знаю — кого испугался, меня или собаки?

19-го Августа. Въ пятомъ часу утра, былъ уже готовъ къ отъѣзду; хозяйка съ дочерьми *не хотѣла взять платы; но* — по просьбѣ моей, для памяти, рѣшились бездѣлицу оставить у себя: настоящія христіанки! Дорога къ Симферополю или Ахмечети, большею частію гориста, и не всегда хороша; мосты всѣ хороши; мѣстоположеніе красиво, лѣсу много, и на деревьяхъ новые листья. Въ десять часовъ утра проѣхалъ *Карасубазаръ*, и — не выходя изъ коляски, распросилъ почтаря, опрятнаго

жида; онъ говорилъ: что лавокъ болѣе 300, что одна каменная Греческая церковь, одна Грекороссійская, одна Католическая, одна Армянская, множество мечетей, и нѣсколько синагогъ, что жителей около 15-ти тысячь; за вѣрность не ручаюсь. При въѣздѣ въ Карасубазаръ плѣняютъ взоры, прямые, высокіе, горделивые тополи и фруктовыя деревья; сколько могъ замѣтишь, одни Русскіе домы, окнами на узкія улицы, а прочіе домы всѣ обращены окнами на дворъ; скучно видѣть, Гостиный дворъ обведенъ высокою стѣною; ворота запираются по закатѣ солнца, и торгъ оканчивается.

Изъ *Зюйской* станціи, послалъ передоваго къ Таврическому Губернатору Александру Николаевичу Баранову, прося его, чтобъ приказалъ отвести мнѣ квартиру какъ человѣку, коротко съ нимъ знакомому по С. Петербургу. За передовымъ черезъ часъ поѣхалъ и самъ; почти въ три часа въѣхалъ въ Симферополь, и — прямо къ Губернатору, который на крыльцѣ встрѣтилъ меня, какъ друга, какъ любезнаго брата; слезы трепетали у обоихъ на глазахъ; душа его благородная, выказалась въ сіе время во всей красѣ своей; разумѣется, что бывшіе у него

гости подражали своему хозяину, и мнѣ было такъ весело, что нѣтъ словъ пересказать; давно сказано: *кто чувствуетъ много, тотъ мало говоритъ.* — Обѣдъ и хорошъ и приправленъ дружескою бесѣдою. Послѣ обѣда явился Докторъ, и занялся хмѣльными еще людьми, со мною пріѣхавшими; самое лучшее лекарство, что и всѣ придумали — *отправить въ больницу, до* отъѣзда нашего изъ Симферополя.

Любезный Губернаторъ приготовилъ для меня три комнаты, назнача и прислугу. До 12 часовъ мы сидѣли, и я съ удовольствіемъ внималъ о предпріятіяхъ начатыхъ, хотя молодымъ, но преисполненымъ дарованій Губернаторомъ; все, что Александръ Николаевичъ предполагалъ совершить въ Таврической губерніи, клонилось ко благу общему. Дай Богъ только ему столько *силъ и твердости, чтобъ* кончить многотрудныя свои желанія. Ужинъ прекратилъ нашъ разговоръ, мы разошлись, и я поставляю долгомъ сказать, что весело быть хотя бѣднымъ, но честнымъ человѣкомъ: вездѣ находишь дружбу, всюду встрѣчаешь любовь и довольство, тогда, когда *гордецъ богатый и несправедливо* нажившій сокровища, презираемъ, и ни кто не хочетъ не токмо

угодить, но даже встрѣчаться съ сими людьми.

20-Августа. Въ шестомъ часу утра проснувшись, и возблагодаря Бога за милости, спалъ читать иностранныя газеты; удивленіе мое усугубилось, — читая о Неаполитанскомъ переворотѣ, и о процессѣ Англійской Королевы; свидѣлся съ хозяиномъ, который совѣтовалъ мнѣ — посмотрѣть базаръ: только въ пятницу каждую недѣлю, со всѣхъ окрестностей, пріѣзжаютъ торговцы; каждый, чѣмъ богатъ, то и предлагаетъ на продажу. Чрезвычайно жарко, даже душно! не смотря, что восемь часовъ утра; однако я пошелъ: взоры не плѣняются базаромъ; весьма нечисто! только и слышишь Татарской языкъ! Фруктовъ множество и разнаго незначущаго товару. Заходилъ къ Князю Балашуку, бывшему моему кадешу, подъ именемъ Кая-Бею: нынѣ Генералъ-Маіоръ; не засталъ дома; къ женѣ не заходилъ, ибо не водится у Магометанъ; написалъ записку къ нему, прося переслать въ его деревню. — Городъ Симферополь — чистенькій, но неправильно выстроенъ; большею частію каменныя строенія, церквей христіанскихъ мало, мечетей за то много; соборная церковь Св. Александра Невскаго,

на томъ мѣстѣ, гдѣ великій Суворовъ редутъ выстроилъ при покореніи сего города, не кончена; но сумма отпущена, и честный Губернаторъ Барановъ уже съ душевнымъ удовольствіемъ стремится все то совершить, что его предмѣстниками начато. Онъ конечно оставитъ свое имя въ семъ необразованномъ краю, и губернія процвѣтетъ. Въ два часа сѣли обѣдать, и бесѣда пріятная; Александра Николаевича Секретарь, Фабръ, съ просвѣщеніемъ и кротостію молодой человѣкъ, своими заключеніями о многихъ предметахъ обратилъ мое вниманіе, какъ и Офрейнъ — отставный Штабъ-Офицеръ, помѣщикъ въ семъ краю, точно съ правилами и благороднаго духа человѣкъ; Виллисъ, Англичанинъ, нашъ подданный, съ образованіемъ, при наружности привлекательной. Въ шесть часовъ Барановъ представилъ меня дивизіонному Генералу Удому; и онъ, жена и дѣти весьма учтивы и любезны. Отсюда пошли къ Офрейну; тутъ часа два провелъ, какъ будто съ родными, всѣ пришли мнѣ по сердцу. Хозяйка Екатерина Осиповна, не смотря, что Француженка, съ большимъ образованіемъ, съ умомъ любезнымъ и обращенія самаго пріятнаго; мужъ ея — просвѣщенный съ кротостію че-

ловѣкъ; старшая шестнадцатилѣтняя дочь Леонисъ, при привлекательной наружности преисполнена дарованій и познаній; меньшая Зенеида теперь остротою обращаетъ вниманіе: года чрезъ три, воспитанная родителями, будетъ украшеніемъ Крыма, по крайней мѣрѣ я такъ думаю и наперед радуюсь. Тутъ же была гостья, госпожа Лангъ, супруга Доктора, лѣтъ за двадцать, прекрасная женщина, съ кротостію, и у насъ въ Петербургѣ остановила бы каждаго, и нѣжный полъ, разумѣется *независтливый*, отдалъ бы ей справедливость: и станъ и взглядъ, и все мило въ ней; мужъ ея, пріѣхавшій послѣ, человѣкъ степенный и молчаливый. Въ семъ обществѣ казалось мнѣ, что я дома, со всѣми родными или коротко знакомыми; откровенность переходила изъ устъ въ уста, и бесѣда становилась живѣе и любезнѣе, не взирая, что много говорено и объ учености; се признакъ истинной образованности, безъ педантства или натяжки нынѣшняго просвѣщенія. Насытившись разговорами, лестными для меня отзывами, раскланялся и пошелъ съ любезнымъ Губернаторомъ къ нему, гдѣ ожидалъ насъ Аѳинскій ужинъ, — не Аристиппа, а Сократическій, послѣ котораго каждый занялъ

свои комнаты; я помолился Богу, и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

21-го Августа. Въ шесть часовъ утра читалъ уже газеты и писалъ; нѣсколько Гречанокъ присылали просить къ себѣ, обѣщалъ *завтра быть*. *Въ 12 часовъ* съ Губернаторомъ и Офрейномъ ѣздилъ вдоль по Салгиру десять верстъ къ Ш..... К.... П....: очень привѣтлива и довольна была — увидя меня; дѣти ея миленькія. Мѣстоположеніе помѣстья не такъ-то очаровательно, какъ мнѣ разсказывали; есть горы, да гдѣ ихъ въ Крыму нѣтъ! Обѣдъ хорошъ, приправленный любезностію хозяйки. Салгиръ (рѣка), прославленная плаксивыми путешественниками, романическими *писателями*, *Салгиръ въ сіе время* ручей, менѣе ручья, ибо и утки ходятъ поперегъ онаго, а плавать не могутъ; говорятъ, что при дождяхъ, съ горъ лію-щаяся вода наполняетъ сію рѣку, и тогда Салгиръ до полутора аршина подымается, и будто сердится, и ѣзда въ экипажахъ прекращается. Въ семь часовъ были въ Симферополѣ; пошли было къ прекрасной Лангъ; не заставъ дома, провели вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ у Офрейнъ. *Сего дня замѣтилъ, что и здѣсь* есть *педанты*, и дуются какъ Индѣй-

скіе пѣтухи, и я принужденъ былъ употребить Аттическую соль; смѣху было довольно; въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ представлять наружностію своею и ученаго и глубокомысленнаго, не имѣя ни того ни другаго! Худо спалъ, любезный товарищъ мой представлялся во снѣ — и больнымъ, и желтымъ, и худымъ.

22-го Августа. Въ Симферополѣ, — Воскресный день, былъ у обѣдни; церковь бѣдна; жалко, что пѣвчіе обыкновеннаго напѣва не сохраняютъ, а пускаются пѣть сочиненія Бортнянскаго; и во всѣхъ случаяхъ люди бываютъ смѣшны, когда — родясь лягушками, хотятъ быть волами; прихожане довольно чинно стояли, исключая одного сѣдовласаго, и еще со звѣздою; мнѣ больно было и за него и за шѣхъ, коимъ онъ мѣшалъ молиться. Послѣ обѣдни зашелъ къ одной Гречанкѣ, которая встрѣтила меня со слезами, разсказывая свое дѣло: я обѣщалъ просить Губернатора; добрый и справедливый Александръ Николаевичъ, въ угожденіе мнѣ, обѣщалъ еще разъ выслушать несправедливое дѣло; выслушалъ и отказалъ. Меня однако благодарили. Смѣшны люди! Ѣздилъ черезъ Салгиръ къ Мильгаузену, отличному чело-

вѣку, превосходному Доктору и кротко-му отцу семейства; Санктпетербургъ отъѣздомъ его лишился знаменитаго ме-дика, по многимъ отношеніямъ, — а бѣдные одного изъ благодѣтелей. Мильгаузенъ на-всегда здѣсь поселился, выстраиваетъ домъ, разсаживаетъ садъ, лечитъ безъ де-негъ, и успѣлъ въ коротkое время приоб-рѣсть любовь и почтеніе всѣхъ. — Заѣз-жалъ къ Кузовлеву, женатому на Каховской, коихъ дочь *точно образована*, и въ краю, гдѣ еще мало учителей, образуетъ во многихъ частяхъ своихъ сестрицъ; по-хвально родителямъ, давшимъ таковое воспитаніе, а не поверхностное, какъ мы видимъ: болтаешь, — болтаютъ многія на многихъ языкахъ, а просвѣщенія не быва-ло! За обѣдомъ была одна фигура, видъ че-ловѣческій, а многословіе доказало, что чуждъ и просвѣщенія и доброты сердца. Въ седьмомъ часу по полудни, видимъ изъ балкона, *четырехъ верховыхъ лошадей* и двѣ вьючныя, у меня сердце забилось; но когда сей кортежъ приблизился, и я узналъ своего товарища, блѣднаго, жел-таго, одержимаго лихорадкою, невольно слезы покатились; мудрено безъ привычки въ несносной жаръ, быть все верхомъ и по горамъ; пригласили Доктора Мильгау-

зена, которой опасности не нашелъ, однако прописавъ лекарство, велѣлъ лечь въ постель, и чтобъ больнаго оставить въ тишинѣ. Видя присутствіе мое ненужнымъ, и когда Губернаторъ занялся бумагами о улучшеніи ввѣренной ему губерніи, я — будучи приглашенъ, поѣхалъ чрезъ *глубоко-донный* Салгиръ, къ Кузовлеву, гдѣ часъ любовался танцами дѣвицъ Крымскихъ: не хуже лучшихъ благородныхъ танцорокъ С. Петербурга, первыхъ обществъ! Къ несчастію моему, всѣ почти хорошо говорятъ по-Французски; куда эта зараза не проникла! Почему не знать иноземные языки, но — до того доходить, чтобъ отказывать хорошимъ женихамъ для того только, что не говорятъ по-Французски, стыдно и грѣшно! — А это случалось и не одинъ разъ въ столицахъ. Съ восьми часовъ вечера до полуночи сидѣлъ то у Губернатора, то у больнаго нашего; между тѣмъ Александръ Николаевичъ читалъ мнѣ свои обдуманные планы, цѣлью имѣющіе благоденствіе Тавриды; отрадно родителямъ имѣть такого сына, и весело странѣ имѣть подобныхъ согражданъ, посвящающихъ юныя лѣта свои для счастія ближнихъ.

23 Августа. Симферополь. — Товарищу моему нѣсколько лучше; это меня радуетъ, тѣмъ болѣе, что на чужбинѣ нашелся лучшій Докторъ, и что попеченіе Баранова о больномъ, о мнѣ и нашихъ прислужникахъ, золотаго вѣка; гостепріимство не хвастливое, не гремящее, а прямо отъ души. Посидѣвъ нѣсколько разъ у больнаго, и насытясь обѣдомъ и чтеніемъ до Тавриды касающимся, — въ седьмомъ часу пошли къ Нотарѣ; онъ молодой Гусаръ, скромный и любезный; Елисавета Ивановна, супруга его, 17-ти лѣтняя, лѣпообразная, мать уже́; хотя мало было словъ однако видна острота, и въ привлекательныхъ глазахъ живость съ томностію; — ее вообще Симферопольскія дамы называютъ живою душенькою Богдановича. Откланявшись, Губернаторъ представилъ меня къ Елис. Яковл. Шостакъ, урожденной Рудзевичевой, которую болѣе 25 лѣтъ не видѣлъ, и мы какъ знакомые; но чрезъ полчаса вспомнили юность нашу; у ней много дѣтей, и старшая дочь Александра Андреевна, прекрасная дѣвица, и столько скромна, сколько благовоспитанная должна быть. Здѣсь бывши, вспомнилъ сестру Шостакъ, Екатерину Яковлевну Ладыгину, ангела — а не женщину; но она давно пе-

реселилась, туда, гдѣ — по достоинствамъ своимъ душевнымъ, ликуетъ съ Несозданнымъ. Вечеръ провелъ въ чтеніи.

24 Августа. Симферополь. Не смотря на жары, я пользуюсь совершеннымъ здоровьемъ, за что несутся отъ души молбы къ Всевышнему. Товарищу моему легче. Почти часа четыре, Губернаторъ читалъ мнѣ предположенія свои, какимъ образомъ привести въ порядокъ Магометанскую вѣру во ввѣренной ему губерніи, и о выморочномъ ихъ имѣніи: благоразумно написано, и я благодарилъ за довѣренность, тѣмъ болѣе, что онъ принималъ замѣчанія мои, съ благородствомъ душевнымъ. Послѣ обѣда ходилъ по городу, скука и тоска сопутствовали мнѣ; гдѣ, гдѣ встрѣтишь мущину, а женщины съ покрывалами. Улицы большею частію такъ узки, что двѣ телѣги разъѣхаться не могутъ, и окнами на дворъ. Заходилъ къ прекрасной Л. и внушилъ довѣренность къ себѣ; она пѣла очень мило, съ застѣнчивостію, украшающею нѣжной полъ. Часа два сидѣлъ у Оф — ъ, гдѣ бесѣда пріятна, и гдѣ Леонисъ пѣла хорошо, сопровождая свой голосъ гитарою. Зенеида, сестра ея, своими умными вопросами о Петербургѣ, своими остpыми отвѣтами о Крымѣ, занима-

да шакже меня. У прекрасной Л—ъ три малолѣтнія дочери, будутъ со временемъ украшать Тавриду, — бабушка ихъ, изъ Малороссіи, умна, не дурна и кротkая. Посидѣвъ съ больнымъ товарищемъ, удалился къ себѣ за полночь.

25 Августа. Симферополь. Утро провелъ въ чтеніи иностранныхъ газетъ; духъ времени мнѣ не нравится и безпокоитъ меня, воспитаннаго въ правилахъ должныхъ; безпокойство сіе побочное увеличилось, когда вошелъ къ любезному моему товарищу, нашелъ его въ объятіяхъ разлившейся у него желчи и въ сильной лихорадкѣ. Въ сіе время прислала мнѣ Г. Лангъ двадцать лимоновъ; знаешь, что и здѣсь не изобиліе въ оныхъ, ибо у нее одной и было въ семъ мѣсяцѣ; Губернаторъ же послалъ въ Севастополь; чрезъ два дни привезутъ; я письменно благодарилъ; больному нужны были, и сей подарокъ доказалъ, что прославшая, къ наружной красотѣ присоединяетъ красоту душевную.

Оставя больнаго на рукахъ Баранова и Мильгаузена, по совѣту перваго поѣхалъ на его прекрасивомъ экипажѣ къ тѣмъ дамамъ, кои съ пріятною любезностію принимали меня по вечерамъ. Всѣхъ нашелъ въ занятіяхъ: или отцы учили дѣтей сво-

ихъ, или матери, или старшія сестрицы меньшихъ; не такъ какъ большею частію у насъ — въ С. Петербургѣ и Москвѣ. — Настало утро, и матушки съ *тономъ* вплоть до обѣда изъ магазина въ магазинъ, отъ модницы къ *модницѣ*, *или пустые ни* къ чему неведущіе визиты занимаютъ ихъ, а дѣти подъ руководствомъ наемниковъ и наемницъ, разумѣется иностранцовъ и иностранокъ, приучаются менѣе всего, знать свое отечество. За обѣдомъ у Губернатора былъ Броневскій, человѣкъ съ обширными свѣденіями, и мастерски излагающій мысли свои. Послѣ обѣда заходилъ къ почтенному Мильгаузену: онъ училъ дочь свою; я, чтобъ не отвлечь его отъ *лучшаго занятія*, *скоро откланялся*, и пошелъ ка дивизіонному Генералу Удому, и онъ и жена его люди учтивые, хорошіе; дочери премиленькія. Вечеръ наспалъ, и я рѣшился въ первой разъ быть въ Турецкой банѣ. Для всякаго случая взявъ человѣка съ собою, велѣлъ ему мыться, какъ ему угодно, а самъ отдался въ руки Татарину. Баня не что иное, какъ четвероугольное каменное строеніе, освѣщенное сверху, по трем сторонамъ *каменныя лавки*, *вдѣланныя къ полу*; въ одной сторонѣ краны, изъ которыхъ по

желанію истекаетъ горячая и холодная вода; полъ каменный, посреди коего каменное возвышеніе не болѣе поларшина, въ длину сажень, шириною не много менѣе; баня топится съ низу, а потому полъ горячъ, и входятъ въ деревянныхъ башмакахъ, кои имѣютъ особенное названіе. У насъ паръ сверху внизъ спускается; здѣсь — съ низу вверхъ, и чтобъ нагрѣть баню, обливаютъ или брызжутъ полъ. Вошедшему мнѣ, баньщикъ съ уклонкою головы просилъ прежде по-Турецки, а потомъ по-Гречески, лечь на возвышеніе, сдѣланное въ срединѣ, подложилъ подъ голову мою свернутое полотенце, и принялся за работу: сухими своими руками шеръ все тѣло мое довольно крѣпко, но съ искусствомъ, не больно; каждый суставъ вытягивалъ, направлялъ, переворачивалъ меня какъ дитя; я молчалъ, а сидящій мой служитель удивлялся моему терпѣнію, и ни какъ бы не дался на таковое, какъ казалось ему, мученіе. Треніе продолжалось по крайней мѣрѣ полчаса. Послѣ чего просилъ лежать, а самъ обрызгивалъ полъ, паръ обнималъ меня; погодя не много, онъ взялъ сухой шерстяной, довольно жесткой мѣшечекъ, надѣлъ на руку, и ну тереть меня; кончилось

сіе; шутъ вздѣлъ на руку другой мягкой мѣшечекъ, снутри наполненный ароматическимъ мыломъ, и началъ опять водить по тѣлу моему; потомъ просилъ встать и сѣсть на каменную лавку, и принялся за голову: ужъ онъ ее мылъ, мылъ, ни какъ не слушая словъ моихъ: довольно, довольно! — Наконецъ сталъ обливать то теплою, то холодною водою, и — выпустилъ. Два часа и болѣе продолжалось пребываніе мое въ банѣ, и я съ чувствительною благодарностью долженъ признаться, что сія баня столько же полезна, сколько и наша Русская; ибо человѣкъ выходитъ молодецъ молодцомъ; что же производятъ заморскія ванны? Слабость и дряхлость! Послѣ Русской и Турецкой бани, особенно послѣ первой, куда хочешь поди, и въ жары и въ прескучіе морозы, а послѣ ванны ложись въ постель! Что лучше? Любители иноземнаго, не сердитесь: — а! вы молчите — на правду словъ мало. Такъ какъ баня близко отъ дому Оф — ъ, то я приглашенный пилъ у нихъ чай, — и довольный возпился домой, гдѣ посидѣвъ у больнаго, съ Александромъ Николаевичемъ, занялся чтеніемъ, и время быстро и пріятно протекло.

26-го Августа. Симферополь. Едва проснулся, вспомнилъ, что восемь лѣтъ минуло Бородинскому дѣлу, гдѣ всколебалась вражья Галловъ рать и съ ними двадесять языкъ. Вспомнивъ же сію кровопролитную битву, какъ забыть втораго Кн. Пожарскаго, Князя Смоленскаго, М. Л. Гол. Кутузова; вѣки протекутъ; но во всѣхъ концахъ вселенныя сіи мужи великіе будутъ живы. Больному товарищу моему не много лучше, однако насилу могъ написать письмо къ родившей его, и я благодарилъ приписною, за хорошіе отзывы обо мнѣ. Въ четвертомъ часу больному стало очень дурно, все въ какомъ-то усыпленіи, глаза мутные, то отпкрыты, то закрыты, ни единаго слова, и слезы катятся. Видя любезнаго друга страданія, я и Барановъ страдали, одинъ Мильгаузенъ молчалъ, надежды не теряя на выздоровленіе. Этотъ день посвященъ былъ дружбѣ и слезамъ. Молитвы чистыя возсылаемы были ко Всевышнему о выздоровленіи молодаго, хорошаго человѣка.

27-го Августа. Симферополь. Товарищу моему со вчерашняго дня часъ отъ часу хуже; восемь дней ни зерна во рту, кромѣ лекарства. Душа моя очень больна,

и чтобъ не впасть и мнѣ въ болѣзнь, вѣлѣли гулять; — я пошелъ на базаръ, ни единаго пріятнаго предмета не встрѣтилось взорамъ моимъ; заходилъ къ милымъ, и всѣхъ засталъ въ полезныхъ занятіяхъ; нѣкоторыя мои замѣчанія на счетъ чтенія принимаются съ благодарностію, и вмѣстѣ со мною, ипокрита, Жанъ-Жака Руссо и дерзкаго Вольтера, здѣсь не уважаютъ: это доказываетъ чистоту душевную. Отдаваемая мнѣ ободрительная справедливость отъ невинности содѣлываетъ счастіе мое и на чужбинѣ. За обѣдомъ сколько хозяинъ Барановъ и Броневскій занимали благоразумнымъ разговоромъ, столько какой-то пріѣзжій выказывалъ во всемъ блескѣ глупость свою и даже низость чувствъ. Посидѣвши у больнаго до девяти часовъ, пошелъ съ Губернаторомъ къ О — ъ, гдѣ застали прибывшаго Сенатора Анд. Мих. Бор.; онъ удивлялся — увидя меня; учтивостями закидалъ и просилъ къ себѣ; благодарилъ и за то и за другое. Первой разъ съ пріѣзда моего въ Симферополь, часу въ пятомъ по полудни заблистали молніи, загремѣлъ громъ и пошелъ маленькой дождь, послѣ котораго сильной вѣтръ. Какъ не благодарить Бога! Чтобы со мною было въ

столь прескучномъ городѣ, безъ Баранова и безъ любезныхъ особъ; единая тоска была бы мнѣ подруга: куда хорошая собесѣдница!

28-го Августа. Симферополь. Ясно вижу, что путешествіе для человѣка начитаннаго полезно, особенно если и душа образована; такой путешественникъ ни чему не удивляется, ничто не можетъ совратить его съ пути должнаго, смотритъ и — что заслуживаетъ вниманія, восхищается; но — безъ ахъ! и увы! величественныя красы природы вдыхаютъ въ него еще болѣе благоговѣнія къ Создателю всяческихъ. Красота нѣжнаго пола влечетъ чувствительное его сердце, и ежели соединена съ умомъ, слѣдственно съ добродѣтелію, болѣе и болѣе укрѣпляетъ въ правилахъ истинныхъ; но красота безъ должнаго воспитанія, не трогаетъ благоразумнаго путешественника; онъ льетъ слезы, разсуждая: что хорошее образованіе могло бы увеличить красоту наружную, и тогда безъ ужаса можно встрѣтить старость. Красавица, лишающаяся отъ времени наружной прелести, но пріобрѣтшая красоты душевныя, всегда прекрасна въ глазахъ мудрости, честности. Души кроткія приходятъ въ умиленіе,

когда видятъ престарѣлую особу, окруженную дѣтьми своими и чадами чадъ своихъ, и слыша глаголъ сей почтенной особы, всегда поучительный, не на мечтахъ основанный, а на опытѣ дознанный. Обратимъ теперь взоры наши на старость, которая не готовилась къ оной. Нѣтъ — я не могу представить столь горестную картину, хотя въ жизни своей и имѣлъ несчастіе встрѣчаться съ сими жалкими тварями; но старость, желающая молодиться, заслуживаетъ общее презрѣніе.

Признаюсь, въ каждой губерніи находилъ я пріятности, добрыхъ нравственныхъ людей, и сердился въ тоже время, видя людей съ нѣкоторыми дарованіями, невыполняющими долгъ свой; есть и такіе, кои успѣхою считаютъ угнѣтать ближняго: — горе имъ! за окаменѣлость ихъ, они вживѣ *оземлеютъ;* что ожидаетъ сихъ нечестивыхъ? Въ настоящей жизни *презрѣніе* а въ будущей, — конечно *наказаніе.*

Товарищу моему лучше. Барановъ любезный человѣкъ; но я сего-дня со слезами вспомнилъ С. Петербургъ, и если бы можно было, подобно Икару, придѣлалъ бы крылья и полетѣлъ бы въ столицу. Ходилъ по городу нѣсколько часовъ, два

раза промоченъ дождемъ, прошелъ 39 улицъ и переулковъ; шоска такъ и ходила по пяпамъ моимъ, вертѣлась передъ глазами и не давала мнѣ покою. День не въ день, съ утра почти не жилъ.

29-го Августа. Симферополь. Больному товарищу гораздо лучше, и потому въ двѣнадцатомъ часу утра поѣхали Барановъ, Мильгаузенъ, Офрейнъ и я въ *Сабли*, помѣстье, принадлежащее А. М. Бороздину, яко званые. — 15 верстъ дорога дурна, иногда виды изрядные; но виды не плѣняютъ, когда все въ страхѣ, что будешь на боку; пріѣхали и — угощены. Сабли вообще хорошо; но много еще денегъ надо, чтобъ остановить путешественника; однако школа (пепеньеры) фруктовыхъ деревъ заслуживаетъ особенное вниманіе, — тысячъ тридцать, можетъ быть и болѣе, прекрасно, прекрасно; но что всего привлекательнѣе и достойно вниманія благоразумнаго человѣка: это дочь Бороз., Мар. Андр., лѣтъ 18: — и кротость, и хорошее воспитаніе, и наружность привлекательная, и въ большихъ голубыхъ глазахъ видна добрая душа и чувствительное сердце. — Возблагодаря гостепріимнаго хозяина, въ семь часовъ по полудни были уже въ Симферополѣ; по той же

дурной дорогѣ ѣхали. Удаляясь къ себѣ, единственно думалъ о счастіи земномъ, и рѣшилъ шѣмъ, что всѣ блага земнаго шара не могутъ составить счастія человѣку, коль счастья въ сердцѣ нѣтъ, и покой душевный оставилъ. Миръ съ совѣстью есть часть счастія, ибо можно ли вполнѣ *быть довольнымъ, когда ближній* и достойнѣе меня, страждетъ, и когда радость едва достигла тебя, горесть догоняетъ! Кладу перо. — Пришелъ ко мнѣ Губернаторъ и до полуночи читалъ мнѣ свое сочиненіе о образованіи Татаръ Таврической губерніи; похвально написано.

30-го Августа. Симферополь. Тезоименитство Государя Императора; по долгу вѣрноподданнаго и прямо отъ души, въ мундирѣ, вмѣстѣ съ Губернаторомъ ѣздилъ къ обѣдни, *гдѣ были всѣ чиновники*, и военный шпатъ; по малости церкви, солдаты стояли около церкви; погода прекрасная — лѣтняя. Сего дня мнѣ весело, и я былъ у многихъ дамъ до обѣда — и до обѣда даже вальсировалъ у Л., съ Леонисъ. Отъ того, что много было у Губернатора за обѣдомъ, и всѣ лица незнакомыя, молчаніе почти не прерывалось, — товарищу моему больному легче. До десяти часовъ ходилъ; иллюминація въ казенныхъ домахъ;

но людей нѣтъ; стало грустно: видя *скоро-богатыхъ въ холь*, въ изобиліи живущихъ и ненаказанныхъ, слыша кривые толки о честности; — пора во свояси; почти со слезами молился и крѣпко заснулъ.

31-го Августа. Симферополь. Съ тоскою проснулся, плакалъ много, и это можетъ разстроить здоровье; человѣкъ рѣдко доволенъ бываетъ своимъ состояніемъ; но во всемъ нужно держаться средины; это мудрено; нужно смиряться предъ обстоятельствами, особенно когда нельзя помочь себѣ. У меня нервы очень разстроены! За обѣдомъ у Куз., когда заговорили о моихъ родныхъ, слезы градомъ покатились, и почти весь столъ былъ растроганъ, — двѣ дѣвицы, милыя, не могли удержать своихъ слезъ; честь ихъ чувствительности! Видно, что хорошія дочери и вѣрно будутъ хорошія матери. Вечеръ *просидѣлъ у любезной Л.*; она была обворожительна, окруженная тремя малолѣтними дѣтьми; бѣда сердцу! скорѣе, скорѣе отъ очаровательныхъ мѣстъ, гдѣ крошко умствуютъ и скромно говорятъ.

1-го Сентября. Довольный вчерашнимъ вечеромъ, спалъ сладко; но — вспомня, что сего-дня старшаго брата моего имя-

нины, вспомня, что мать и вся родня обо мнѣ говорятъ и со слезами, залился и я; вотъ каково въ первой разъ разлучаться, и въ лѣта немолодыя! Привычка — вторая *мать природа*. — Писалъ много, посидѣлъ у товарища, былъ у прекрасныхъ, а ихъ мужья утромъ посѣтили меня и нѣкоторые офицеры, *благовоспитанные; воспитанные* же по нынѣшнему духу времени, не любятъ меня, за неопровергаемыя истины, мною часто повторяемыя. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ Офр., перешагнувъ Салгиръ, былъ уже у Профессора Химіи Дессера, эмигранта, друга и товарища славнаго Химика Лавуазье, который кончилъ дни свои подъ гильйотиною, обезсмертивъ себя системою своею по Химіи, и опровергнувъ систему Боэргава; по системѣ сего *послѣдняго учился, но* бывъ уже офицеромъ, слушалъ въ Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ Профессоровъ Соколова и Захарова, которые приняли систему Лавуазье. Мы не застали господина Дессера дома; жена его разсыпала учтивости на Французскомъ языкѣ: я долженъ былъ отвѣчать, краснѣлъ, — ибо и не люблю говорить на семъ языкѣ и худо говорю; обрадовался, когда двѣ дочери ея, слыша меня, что я не возлюбляю Французскій діалектъ,

столько были учтивы, что начали говорить по-Русски, и хорошо, особенно Эстель; послѣ нѣкоторыхъ приличныхъ словъ, обѣ вскочили, побѣжали и вскорѣ принесли изъ своего сада сливъ, винограду и другихъ плодовъ; откланялся, давъ слово быть у нихъ и видѣться съ помѣщикомъ Симферополя, ихъ отцемъ. Опять перешедъ Салгиръ, зашелъ къ Генералу Удому; какъ онъ, такъ супруга и двѣ миленькія дочери осыпали меня учтивостями; сидѣлъ у товарища выздоравливающаго, и потомъ, магнитною силою влеченный, пошелъ къ Оф. —, гдѣ сердце точно отдыхаетъ отъ любезности всего семейства; откровенность — великое дѣло!

2-го Сентября. Симферополь. Утро провелъ въ чтеніи, гулялъ по скучному и безлюдному городу; званый, обѣдалъ у почтеннаго Оф., — и душа наслаждалась счастіемъ семейственнымъ; шестеро дѣтей откровенностію дышатъ и здоровьемъ пользуются; родители занимаются ими, какъ занимались въ первыхъ вѣкахъ, и вѣчно вмѣстѣ. А что мы видимъ въ большихъ городахъ? Наемники и наемницы приведутъ *дѣтей къ родителямъ, приложатся къ рукѣ, да и вонъ!* Часто и по недѣлямъ не видятъ отцы и матери сво-

ихъ дѣтей, ибо пріѣзжаютъ поздо, вспаютъ поздо, и опять тоже, да тоже! Увы! — Вечеръ сидѣлъ съ товарищемъ и хозяиномъ; — грустно, только что молитвы ушѣшаютъ меня, сердце ноетъ, душа плачетъ.

3-го Сентября. Симферополь. Въ восьмомъ часу утра пошелъ на базаръ; смѣшно видѣть вмѣстѣ — Русскихъ, Армянъ, Жидовъ, Грековъ, Татаръ, Нѣмцевъ, Французовъ и много разныхъ Азіятцевъ; всѣ по своему кричатъ, желая продать свой товаръ. Хорошенькихъ покупщицъ было мало; всѣ жители запасаются съѣстными припасами на недѣлю, однако можно достать и въ другіе дни. Одна дама обратила мое вниманіе: очень не дурна; не смотря на мою тоску, я для нее часъ и болѣе гулялъ по небольшому базару: — какъ слабъ человѣкъ! Но кто поспоритъ со мною и не скажетъ, что весело смотрѣть на картину изящной работы, кольми паче на твореніе Божіе, лѣпообразное? Я успѣлъ познакомиться, однако не удалось быть у сей любезной дамы. — Вечеръ у Куз., — вальсировалъ съ шестью дѣвицами; — утомленный спалъ хорото.

4-го Сентября. Симферополь. Читалъ много, съ 12-го до 2-хъ часовъ сидѣлъ у

прекрасной Л. — Откровенность, любезность, кротость, скромность сидѣли съ нами; мнѣ весело и сердцемъ и душею; но, признаюсь, должно ѣхать, а то прощаніе съ милыми будетъ слезное; остатокъ дня дома въ чтеніи и пріятныхъ разговорахъ.

5-го Сентября. Симферополь. Послѣ холоду и дождей, погода прояснивается; но очень грязно, ибо городъ не мощенъ. Тезоименитство Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и имянины родившей меня; надѣвъ мундиръ, поѣхалъ къ обѣдни; гдѣ вспомня, что въ теченіе почти тридцати лѣтъ, первой разъ въ разлукѣ съ рѣдкою, почтенною матерью, и что я не могу поздравить лично, — слезы невольно въ изобилiи потекли; не понимаю, какъ дѣти могутъ не любить родителей своихъ; къ несчастію, есть и такія; уже ли выспреннее воспитаніе причиною? Не вѣрю; ибо чѣмъ лучше воспитанъ человѣкъ, тѣмъ болѣе чтитъ даровавшихъ жизнь ему. Въ сіе время вспомнилъ Эпиктета, Ѳивянина, идолопоклонника, который говорилъ: „Природа даровала дѣтямъ ро„дителей, но не обязалась дать добрыхъ „или злыхъ: каковы случатся, и ежели „они не выполняютъ долгу своего, дѣти „должны выполнять съ кротостію и

„смиреніемъ долгъ свой и не смѣпь роп-
„шашь.“ Ежели такъ писалъ идолопоклонникъ, что жъ осталось намъ Христіанамъ? — Безмолвствовашь.

Не смотря на тоску свою, послѣ обѣдни былъ у имянинницъ Симферопольскихъ, а остальные часы — дома, въ любезной бесѣдѣ съ Барановымъ и товарищемъ своимъ. За обѣдомъ былъ Князь Балашукъ: богаче всѣхъ считается по Крыму; Генералъ-Маіоръ; но — я въ немъ нашелъ признательнаго, учтиваго и даже слишкомъ любящаго меня; честь ему.

6-го Сентября. Симферополь. Погода опять совершенно лѣтняя, и воздухъ благотворный; первой разъ — послѣ жестокой болѣзни, поѣхалъ прокатать товарища моего, — ему стало вдругъ лучше; до обѣда посѣщалъ любезныхъ: *это потребность души моей, какъ говоритъ одинъ нашъ трогательный путешественникъ.* Дома обѣдалъ, гдѣ былъ Графъ Носницъ, нашей службы Полковникъ, съ отличнымъ просвѣщеніемъ человѣкъ; бесѣда его очень занимала меня. Вечеръ сидѣлъ у Оф. —, гдѣ много смѣялся и притомъ далъ замѣтить, что и въ Крыму знаютъ науку, не слишкомъ хорошую, пересказывать сказанное, — иначе, и тѣмъ посѣвать раз-

доръ между семействами; люди — вездѣ люди. Тутъ былъ Губернскій Предводитель *Филатьевъ*, коего по Петербургу знаю, и Графъ Мезонъ, начальникъ Ногайцевъ; болѣе 40 тысячь обоего пола въ его подчиненности; хвалятъ сего француза. — У Татаръ начался Байрамъ или первые годовые праздники; по обычаю, введенному съ давнихъ лѣтъ, всѣ должны закалать ягненка, а шкуру Муллѣ, духовному, коихъ считается при ста-десяти тысячахъ Татаръ, шесть тысячь.

7-го Сентября. Симферополь. Погода какъ въ Іюлѣ; ищешь тѣни отъ жару, и права третій разъ выказывается! — Послѣ Турецкой бани, гулялъ, и хотя былъ званъ въ Сабли обѣдать къ А. М. Б., но — не любя общество мущинъ, остался въ Симферополѣ, и провелъ время счастливо, *роскошь чувствуя въ душѣ своей:* среди любезнаго семейства Оф. все прекрасно, и обѣдъ хорошъ, приправленный Аѳинскою солью; шутъ была госпожа Паллась, супруга покойнаго, славнаго нашего Природы *испытателя*, *женщина учтивая*, *владѣшельница* прекраснаго сада и масперски умѣющая хвалить, и тѣмъ заставившая поцѣловать свою руку. Здѣсь же познакомился съ госпожею Бухольцъ, Ек. Мих.,

родомъ изъ Княженъ Черкескихъ: особа, каковыхъ мало встрѣтишь; кто правды не любитъ, не приближайся къ ней: съ умомъ и разсудкомъ, каждому выскажетъ въ глаза, кто чего стоитъ; женщина пріятная и по ея собственнымъ словамъ 42-хъ лѣтъ; но сохранившая по сіе время красоту привлекательную; всякой, увидя свѣжесть лица ея, убавитъ болѣе десяти лѣтъ; все въ ней прелестно, и глаза точно побѣдительны; при солнечномъ сіяніи и при свѣчахъ одинаково хороша; верхомъ же и въ Черкескомъ платьѣ точно баснословная богиня! Къ внѣшнимъ красотамъ присоединяетъ доброту души, готовую услужить каждому, и подѣлиться послѣднимъ. Послѣ обѣда, пошелъ къ Л....., благодарилъ прекрасную за присланный милый подарокъ, — чтобъ не забыть ее въ столицѣ. Можно ли съ удовольствіемъ не вспоминать? Мужъ ея боленъ, и бесѣда, часа два продолжавшаяся съ Докторомъ симъ, показала мнѣ его просвѣщеніе и доброту сердца. Вечеръ дома въ чтеніи.

8-го Сентября. Симферополь. Рожд. Богоматери, и въ 1380 году въ сей день побѣда Димитрія Ивановича Донскаго, надъ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ — въ Тульской губерніи: начало избавленія Рос-

сіи изъ подъ ига Татарскаго. Сего дня сильно почувствовалъ превосходство богатаго иадъ бѣднымъ, хотя и честнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Бѣднякъ, *свѣтской человѣкъ* идетъ по стезѣ усыпанной цвѣтами къ счастію; сей изгибистый хамелеонъ не покажетъ *безобразному* зеркала; *безумца* утверждаетъ въ мнѣніи, что ничего нѣтъ пустѣе — ума; *расточителя* увѣряетъ, что онъ только щедръ, а *скупаго*, что онъ экономъ; *безобразной* женщинѣ доказываетъ тлѣнность красоты; *богату* твердитъ, что онъ бы могъ съ пользою быть дѣловцемъ государственнымъ, ученымъ мужемъ, героемъ, что онъ покровитель Музъ, любимъ красавицами; хвалитъ гордое *невѣжество*, и съ восторгомъ превозноситъ подвиги полководца, *бѣжавшаго* съ поля сраженія; *музыканту* говоритъ, что такой-то Генералъ былъ бы конечно великій человѣкъ, если бы умѣлъ играть на инструментѣ; *живописцу* поетъ, что Апеллесъ, Зевксисъ, гораздо превосходнѣе умомъ Омира, Сократа. *Истиною руководимый бѣднякъ, можетъ ли готовить себѣ счастіе такимъ постыднымъ образомъ?* Распространить сію статью не трудно, но и сего довольно. До сего написаннаго

мною разсужденія, былъ у обѣдни; былъ у пріѣзжихъ Генераловъ Н. Н. Раевскаго и Графа Ланжерона: учтивостями обоихъ доволенъ, привѣтливостью супруги послѣдняго тоже; чтобъ разбить тоску свою, былъ у любезныхъ особъ; выходя же изъ церкви, нельзя было не замѣтить *одну прелестную дѣвицу:* по чертамъ лица и по значительнымъ взорамъ, заключилъ, что она должна быть Гречанка; съ нею было нѣсколько дамъ; кого ни спрашивалъ о ней, отвѣчали незнаніемъ. — Странно покажется читателямъ, что въ мои немолодыя лѣта, пустяки меня занимаютъ; но —

Я люблю въ природѣ милое,
Восхищаюсь взоромъ кротости,
И теряюсь въ удовольствіи —
Счастье чувствуя въ душѣ своей.

Послѣ обѣда, пошелъ чрезъ Салгиръ, прямо къ Химику Дессеру; нашелъ въ немъ человѣка точно добраго и просвѣщеннаго; дочери любезны и хорошо воспитаны; Н. Н. Раевскій, присутствовавши въ семъ домѣ, своимъ умнымъ разговоромъ разсѣялъ мрачныя мои мысли, и доставилъ, не думая, покой душѣ моей.

9-го Сентября. Симферополь. — При всѣхъ коловратностяхъ жизни, гдѣ бы человѣкъ ни случился, ежели онъ находитъ удовольствіе въ чтеніи полезныхъ книгъ, скука не посѣтитъ его; но — не надо читать какъ *свѣтскіе люди:* они пробѣгаютъ книгу, какъ многіе путешественники, безъ размышленія, только чтобъ *посмотрѣть невидальщины*, и все, что они видятъ, исчезаетъ въ воздухѣ. Чтеніе съ размышленіемъ, подобно рѣкѣ Нилу: гдѣ протекаетъ, гдѣ разливается, тамъ изобиліе процвѣтаетъ. Какъ горько смотрѣть на нѣкоторыхъ, кои всставъ садятся за шуалетъ; не могутъ дождаться конца обѣда, чтобъ сѣсть опять за туалетъ; къ вечеру еще, между тѣмъ жалуются, что скука не оставляетъ ихъ. Бѣдненькіе! А какъ скажешь — занимайтесь чтеніемъ, думаютъ, что прочитали, займитесь рукодѣліемъ — вдругъ свѣтскіе люди кричатъ: ахъ, сударыня! не слушайте, вы богаты, молоды, хороши, оставьте среднему сословію — занимаешься симъ вздоромъ; и въ самомъ дѣлѣ говоритъ нѣжнымъ голосомъ молодая барыня: какая тоска — книги, рукодѣлія; и ты, сказавъ правду, осмѣянъ! Эти мысли бродили въ моей головѣ со вчерашняго дня; отъ чего родились? умолчу.

Жарко, однако гулялъ. За обѣдомъ у Губернатора были Н. Н. Раевскій, Графъ Ланжеронъ, А. М. Бороздинъ съ голубо-окою достойною почтенія дочерью своею, фамилія Офрейнъ и другіе; — я сидѣлъ между Леон..... и М. А. Бор..... — обѣ умны; мнѣ было весело, тѣмъ болѣе, что любезныя дѣвицы заставили меня говорить языкомъ ученаго, но не педантически; ибо я у *Русскихъ только учился, и сей науки не знаю;* дѣвицы жалѣли, что обѣдъ кончился, и я тоже; довольный, пошелъ ходить; погода прекрасная; посидѣлъ у двухъ умненькихъ дамъ, повальсировалъ у Офр., ужиналъ у себя; читалъ и писалъ долго. Опять, усмѣхнувшись, враги счастія ближняго скажутъ: отъ чего я люблю молодость, будучи самъ немолодъ? Отвѣчаю:

Люблю пріятную я младость
Съ душею Ангельской — простою;
Вкушаю я тогда лишь радость —
Коль зрю невинность съ красотою;

Доволенъ, коль встрѣчаю взгляды —
Веселья полны и утѣхъ;
Не нужно больше мнѣ отрады,
Блаженнѣе Царей я всѣхъ.

Люблю въ бесѣдѣ съ красотами
Дѣлить и время и покой,
Когда прекрасныя и сами
Открыты мнѣ своей душой;

Тогда и я судьбѣ послушенъ,
Не лью и я горячихъ слезъ,
Къ чинамъ, къ *богатству* равнодушенъ,
Вкушаю радости Небесъ.

10-го Сентября. Симферополь. — Дума мѣшала мнѣ спать; душею желаю быть въ С. Петербургѣ; но обязанъ повиноваться своей участи: *давши слово держись*, говорятъ Русскіе, *а не давши крѣпись*; терпѣніе все преодолѣваетъ; но — терпѣть должно, на равнодушіе упирансь, и говорить чаще себѣ самому: *въ мірѣ все пріятно, и ничего нѣтъ невозможнаго*, особенно для *сердца*; *только стремись къ одной цѣли, и вѣрно достигнешь; волна прокладываетъ себѣ дорогу, стараясь оную найти; вода, капля за каплею падающая, пробиваетъ твердѣйшій камень, и человѣкъ, ведя себя кротко, дѣйствуя смиренно, рано ли, поздо ли, нехотя заставитъ молчать коварство; добродѣтель же вездѣ встрѣчаетъ и провожаетъ его.*

Приглашенный ѣздилъ въ Сабли, вмѣстѣ съ хозяиномъ своимъ и товарищемъ; жарко, даже въ горахъ. Много было за обѣдомъ, и высокопарные разговоры о разныхъ предметахъ, заставили меня не вниматъ онымъ; *гдѣ всѣ говорятъ, тутъ учиться нечему;* я, сидя между дѣвицъ, учился быть крошкимъ: непорочная любовь мало по-малу вкрадывалась въ сердце мое; какъ весело! И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ умнымъ и любезнымъ сосѣдкамъ своимъ:

Любить для жизни, для блаженства,
Къ богатству не искать путей,
Лишь въ дружбѣ видѣть совершенства,
Сосѣдямъ не ковать сѣтей —
Вотъ жизнь прямая, жизнь святая,
Жизнь, въ которой жить хочу.

Юныя дѣвицы согласны были со мною; много пріятностей услышалъ отъ нихъ. Похвала отъ невинности превосходитъ похвальныя слова всѣхъ Академій; по крайней мѣрѣ, въ этихъ чувствахъ и смерть меня застанетъ.

Послѣ обѣда гуляли въ саду, потомъ танцовали; не могу сказать, чтобъ мнѣ весело было, хотя дѣвицами, хозяиномъ и

Ек. О. О. — очень доволенъ; но вынужденъ былъ двумъ дамамъ, не смотря на красоту ихъ, сказать *колкія истины:* обѣ покраснѣли и сдѣлались прелюбезными. Дай Богъ, чтобъ мой урокъ послужилъ и впредь имъ въ пользу. При прощаніи, гостепріимный А. М. и хорошо образованная дочь, благодарили *прямо,* за посѣщеніе — и за живость моего нрава. — Въ 10 часовъ вечера пріѣхали домой; Барановъ, приглася *меня* въ *свой* кабинетъ, куда вскорѣ явился и товарищъ мой, читалъ намъ Броневскаго мысли о *южномъ берегѣ Крыма;* отлично написано, краснорѣчиво, логически, умно, дѣльно; мало у насъ таковыхъ писателей! — Въ концѣ сихъ мыслей Броневскаго сказано почти такъ: когда все выполнится по его обдуманному предположенію, *тогда явится фруктовый садъ на 250 верстахъ, достойный величія и славы Россіи.* Сіе чтеніе услаждило меня; но едва вошелъ къ себѣ, думая предаться безмятежному сну, мечты являлись мнѣ, я вскочилъ, попросилъ огня и вотъ что написалъ:

На прошедшихъ дняхъ не токмо я разсердился на невѣжу, но даже онъ успѣлъ огорчить меня; теперь ясно вижу, что мудрый Сократъ справедливо ска-

залъ: *то лучше быть мертвымъ, нежели невѣжею,* лучше быть простымъ незначущимъ человѣкомъ, нежели получить глупое, то есть: модное воспитаніе, болтать на *многихъ языкахъ, и ни на одномъ* не умѣть мыслить. Злодѣй менѣе можетъ сдѣлать зла, нежели невѣжа или худо воспитанный; противъ злодѣя поставишь себя въ оборонительное положеніе, а противъ глупца, невѣжи, невоспитаннаго, чѣмъ прикажете оборониться? — Ничто меня такъ не безпокоитъ, какъ молодой человѣкъ со способностями, Богомъ данными; проводитъ время въ праздности и, кажется, съ удовольствіемъ обнимается *съ невѣжествомъ, не предвидя, что самъ* себѣ готовитъ несносную старость; не знаетъ и того, что *невѣжа не можетъ быть добрымъ человѣкомъ*; ибо невѣжество воспрещаетъ ему понимать, что другіе дѣлаютъ и что онъ самъ дѣлаетъ. Невѣжа не можетъ быть ни хорошимъ начальникомъ, ни хорошимъ подчиненнымъ. Боже упаси! ежели невѣжа богатъ — всѣ должны терпѣть отъ него, хотя всѣ презираютъ его; однако есть невѣжи хитрые, *уклончивые, кои выигрываютъ въ большомъ свѣтѣ, низостію, лестію, подлостію*; эти люди опаснѣе самыхъ хищныхъ

люшыхъ звѣрей. Бѣдный невѣжа шолько вреденъ самому себѣ и малому кругу своихъ ближнихъ; сего можно и унять; съ богашымъ невѣжею кшо сладишъ? Невѣжа *щедръ* до расшочишельносши, *скупъ* до гнусносши, и всѣ его дѣянія безчесшяшъ человѣческое досшоинсшво. Сіе кращкое описаніе невѣжи да послужишъ урокомъ, и да юношесшво прилѣпишся къ ученію, къ исшиниому образованію себя. —

Давно уже за полночь, а мнѣ пришла мысль объ одной молодой особѣ, которой ставящъ сѣши, и она — по невинносши своей, можешъ попасшь въ оныя, и какъ осшеречь, мало знакомую! Богъ да поможешъ ей; она несчасшная доведена до пропасши; единъ шагъ немѣрный, мигъ, и низринешся; поздо уже раскаяніе. Горе! горе шебѣ, младосшь неопышная, есшьли любовныя прелесши соблазнили швою невинносшь; скоро изобразишся въ разсѣянныхъ взорахъ, что душа швоя лишена шишины, свойсшвенной лѣшамъ швоимъ; веселосшь невозвращно пошеряна, спокойсшвіе исчезло; посреди смѣховъ, уныніе *слѣдишъ* шебя; все, повшоряю, веселишся вокругъ шебя, шы одна не чувсшвуешь радосши; улыбка оплешѣла ошъ шебя; померкли розы на щекахъ швоихъ, блескъ

красоты примѣтно исчезаетъ; печальная блѣдность замѣняетъ ее; снѣдаемая внутренно, представляешь изъ себя образъ потухающаго свѣтильника, минутный умирающій свѣтъ испустившаго и исчезшаго въ вѣчной мрачности. Страшно дойти до такого положенія! Но что сказать *объ обольстителѣ, о водворителѣ несчастія доселѣ счастливаго семейства?* Есть совѣсть и у него, она не даетъ ему покою ни днемъ ни ночью; Фуріи безпрестанно окружаютъ его, онъ мучится до скончанія жизни своей, и проклятія несутся и за гробомъ его.

11-го Сентября. Симферополь. — Послѣ безпокойнаго сна, сидѣлъ у себя и читая газеты, душею страдалъ, размышляя, что всѣ говорятъ о просвѣщеніи, особенно *Англіи и Франціи*, а *гдѣ болѣе несчастныхъ жертвъ!* Боже спаси Россію отъ подобнаго просвѣщенія; въ сіе время вошелъ ко мнѣ Графъ Ланжеронъ: я покраснѣлъ отъ неожиданнаго посѣщенія, — но Графъ всегда былъ учтивъ, и тѣмъ конечно пріобрѣтаетъ общее къ себѣ уваженіе честныхъ людей. Поговоря о многомъ, откланялся; благодарность моя провожала Его Сіятельство. Званый, обѣдалъ у Князя Балашука; приглашенныхъ не болѣе

20-ти; при дамы были за обѣдомъ: Графиня Ланжеронъ, супруга Дивизіоннаго Генерала Удома и Ек. Ос. Офрейнъ. Князь Балашукъ угощалъ прежде Татарскими жирными блюдами и своимъ Крымскимъ виномъ, потомъ уже пошли блюда обыкновенныя и вино Французское; довольно весело было. — Пока еще солнце не закатилось, посѣтилъ я Ген. М. Турчанинова: его дома не засталъ, за то супруга его, своимъ милымъ, умнымъ разговоромъ ушѣшила меня; все въ ней хорошо, двадцать второй годъ, мать троихъ дѣтей, сама кормитъ, и — тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе. Отсюда пошелъ къ ея матушкѣ Г. Шос.; почтенная женщина съ многочисленнымъ семействомъ; дочь ея Алек. Андр. съ кротостію умна, наружность привлекательна, глаза значительны, бѣлизна необыкновенна, можно сказать:

Вокругъ ея прекрасной шеи
Любовь разсыпала лилеи.

Вечеръ сидѣлъ въ счастливѣйшемъ семействѣ Оф., гдѣ разговоръ всегда живой, и часто пріятно-поучительный; зашла рѣчь о счастіи. Сколько вѣковъ спорятъ, пишутъ, доказываютъ, и никто

опредѣлительно не сказалъ, въ чемъ можно находить истинное счастіе. Одни говорили, что тотъ счастливъ, *кто менѣе имѣетъ желаній.* Другіе: *когда всѣ желанія выполняются.* Иные: *не имѣть никакихъ желаній, и быть довольнымъ во всѣхъ случаяхъ въ семъ коловратномъ мірѣ.* Нѣкоторые: *въ уменьшеніи нашихъ желаній.* Софисты твердили и твердятъ: *въ распространеніи нашихъ способностей, и въ познаніи всего, что извѣстно!* Мудрые мужи *находили счастіе въ томъ, чтобъ быть здоровымъ — душею и тѣломъ, — и такъ далѣе*; кажется мнѣ, и душа даже моя согласна, что мудрый Сократъ поднялъ покровъ, застѣнляющій истинное счастіе; онъ говорилъ: *тотъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, кто радуется счастію, блаженству ближняго.* Христіанинъ же находитъ счастіе въ томъ, чтобъ *не токмо прощать обидѣвшаго его, врага его, но и дѣлать добро, кто содѣлалъ ему зло.* О, естьли бы мы слѣдовали сей послѣдней истинѣ! Сколько бы лѣтъ безмятежныхъ прибавили къ жизни своей.

12-го Сентября. Симферополь. — Воскресенье, былъ у обѣдни; служба продолжалась болѣе двухъ часовъ; прихожане

чинно внимали слову Божію; полковые пѣвчіе изрядно пѣли; но — отъ желанія превозмочь себя, часто ошибались, или детонировали; во всѣхъ случаяхъ, человѣкъ, силящійся казаться тѣмъ, чѣмъ онъ не есть, становится смѣшнымъ. Во время служенія, видѣлъ Лео..... съ слезящими глазами, съ умиленіемъ молилась по-Католически; сестра ея Зен..... съ благоговѣніемъ вперила въ алтарь глаза свои; какъ примѣтно воспитаніе, данное родителями; рѣдко и лучшіе гувернеры и гувернантки занимаются Закономъ Божіимъ. До трехъ часовъ посѣщалъ многихъ, особенно дамъ; обѣдалъ у Оф. — какъ всегда, доволенъ, казалось и — мною довольны; даже одна особа, которой я говорилъ полновѣсную правду, призналась въ неосторожности своей, и дала слово впредь воспользоваться моими доказательствами; кто поспоритъ, что дружба взыскательнѣе любви, а потому дружбою шутить не должно, тѣмъ болѣе, что нынѣ отъ такъ называемаго *утонченнаго воспитанія*, дружба становится рѣже и рѣже, — слѣдственно все приказываетъ оную *цѣнить* и оною *дорожить*. Заходилъ къ Десеръ; любезны, а Эстель заставила меня много смѣяться, сказавъ какъ бы съ от-

кровенностію и покраснѣвъ, что въ меня *можно и влюбиться*; хотя это и шутка была, но мнѣ весело стало; пришедъ домой, грусть предстала глазамъ моимъ; я, отвращясь отъ нее, *молился* Богу, прося — скорѣе перенести меня въ С. Петербургъ.

До двухъ часовъ ночи читалъ, мыслилъ, писалъ; разныя чувства лишали меня покоя; отъ С. Петербурга начиная, быстро переходилъ изъ губерніи въ губернію, изъ города въ городъ; горько вздохнулъ, *обращаясь къ себѣ самому и къ* ближнимъ; въ такомъ расположеніи духа, вотъ что излилось изъ пера моего:

Сижу одинъ, въ печаль глубоку погруженный,
Сижу одинъ, въ мертвой тишинѣ,
Не слышу вкругъ себя
Ни гласа, ни движенья,
Молчанье только прерываетъ
Стонъ сердца моего.

Сердце больно уязвленно
Ядовитою стрѣлой,
Ужь исчезъ покой душевный,
Жаръ погасъ въ крови моей,
Одна медлительность плачевна
Продолжаетъ дни мои.

Не любовь одна причиной
Что успѣхъ не нахожу
Въ шумныхъ играхъ и бесѣдахъ,
Въ кругу многихъ милыхъ мнѣ,
Гдѣ я прежде веселился
И въ восторгѣ хохоталъ.

Есть другія огорченья,
Раздираютъ больно душу;
Какъ не плакать, не терзаться,
Видя злость какъ торжествуетъ,
Честность стонетъ — умираетъ,
Оставляетъ голодъ дѣтямъ.

Мнѣ говорятъ, и часто, если плакать о бѣдствіяхъ рода человѣческаго, то лучше не жить, безъ того *де* жизнь крашка, и потому надо наслаждаться, оставить *людей*, а *думать только о себѣ* самомъ. Эти слова эгоистовъ или себя-любцевъ, еще болѣе пиранятъ меня. *Эгоистъ* или *Есмій*, по мнѣнію общему, не что иное, какъ *животное*, имѣющее видъ человѣческій — и болѣе ничего; онъ злѣе люпѣйшихъ звѣрей, ибо холодное равнодушіе его къ бѣдствіямъ себѣ подобныхъ, превышаетъ самую злость. *Эгоисты жестоки*, *подлы*, когда идетъ дѣло до ихъ лица; *горды* и несносны, ко-

гда счастіе имъ везетъ; чтобъ не тревожить себя, оставляю перо и съ молитвою предаюсь сну.

13-го Сентября. Симферополь. — Рано всталъ и занялся чтеніемъ чужихъ дѣловыхъ бумагъ; вездѣ того желаютъ, что противно законамъ и здравый разсудокъ не принимаетъ; *софизмами* и *двоесмыслiемъ* ополчаются противъ *истины*; горько читать! но образованный Русскими, безъ всякихъ риторическихъ фигуръ сказалъ, что просители просятъ того, чего нельзя выполнить; поплакали и пошли отъ меня; ежели же есть у нихъ капля справедливости, они должны меня благодарить, что вывелъ ихъ изъ заблужденія.... Сего-дня былъ прошенъ ѣхать въ Бакчисарай; я не поѣхалъ, чтобъ доказать молодымъ людямъ, что имѣю характеръ, что *чувствую себя*. Обѣдалъ у Оф., всегда счастливъ и доволенъ: тутъ была прекрасная старуха 17-ти лѣтъ Е. И. Но. — Что за любезность, что за острота съ кротостію! хотъ кому можетъ вскружить голову своимъ невиннымъ обращеніемъ. — Вечеръ; на дворѣ луна тихмо освѣщала; я взялъ тоску съ собою, пошелъ ходить по нешумному городу, встрѣтилъ Е. М. Б. гуляющую тоже, и позади

ея Арапъ; замѣтя по разговорамъ моимъ, что я не въ тарелкѣ своей, предложила свою руку, водила до устали, и сопутствующую прежде тоску заставила скрыться; благодарилъ душевно. Довольный, прищелъ къ себѣ; послѣ Аѳинскаго ужина, читалъ и вспомня третьяго дня разговоръ, пишу оный. Начали даже упреки мнѣ дѣлать, для чего я предпочитаю общества нѣжнаго пола, передъ мущинами? *Потому, отвѣчалъ я,* что женскій полъ, особенно нынѣ, просвѣщеннѣе мущинъ, слѣдственно любезнѣе, и потому, что съ дѣтства по сіе время кромѣ добра, во всѣхъ родахъ, ничего другаго отъ нихъ не видѣлъ; ежели иногда и огорчали меня, я тѣхъ включалъ въ число мущинъ и успокоивался. Чтобъ не любить и не почитать нѣжный полъ, надобно имѣть причины, — напримѣръ: Исторія намъ оставила о Шведскомъ Королѣ Карлѣ XII, слѣдующее: съ дѣтства сей Король любилъ заниматься огнестрѣльнымъ оружіемъ; будучи лѣтъ тринадцати, Генералъ Штейнбокъ и его учитель по военнымъ частямъ, подарилъ ему однимъ вечеромъ 24 пушечки. Карлъ XII такъ былъ симъ доволенъ, что нетерпѣливо ждалъ утра, чтобъ возблагодарить Генерала. До свѣту

побѣжалъ къ нему; долго стучался у дверей; наконецъ дѣвка отворила, и Король принесъ свою благодарность лежавшему въ постелѣ Штейнбоку. При выходѣ, та-же дѣвка провожала со свѣчею Карла, который замѣтя прекрасную Далекарлку, вздумалъ пошутить, и — какъ удивился, получа сильную пощечину! Вотъ причина, что Карлъ возненавидѣлъ нѣжный полъ, и даже не любилъ и встрѣчаться съ онымъ. Сей отвѣтъ мой заставилъ молчать господъ нападателей.